

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
"СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ"

На правах рукописи

Старикова Евгения Павловна

**Структура и развитие социального капитала в современном российском
обществе**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Научный руководитель:
доктор социологических наук, профессор,
Немировский Валентин Геннадьевич

Красноярск – 2014

Оглавление

	Введение	5
1.	Социально-философский анализ структуры и функциональности социального капитала	21
1.1.	Социальный капитал: подходы и определения	21
1.2.	Структура социального капитала в контексте постнеклассической модели минимального универсума	38
2.	Тенденции развития форм социального капитала, обусловленные системной трансформацией современного общества	63
2.1.	Формы социального капитала, соответствующие развитию информационного общества, инновационной экономики	63
2.2.	Взаимообусловленность развития человека и общества в контексте постнеклассической методологической парадигмы	81
3.	Структура и распределение социального капитала в современном российском обществе (на примере Красноярского края)	104
3.1.	Распределение социального капитала в контексте межличностных связей, ценностных и нормативных аспектов	106
3.2.	Самообразование, коммуникативные навыки, творческая направленность личности как фактор развития социальной структуры и социального капитала	132
	Заключение	154
	Библиографический список	162
	Приложение А. Распределение респондентов по типу поселений, по уровню образования	174
	Приложение Б. Гистограмма удовлетворенности жителей Красноярского края своей жизнью в целом	175
	Приложение В. Связь удовлетворенности своей жизнью в целом и количества знакомых, готовых оказать срочную	176

помощь, количества людей, помнящих День Рождения респондента	
Приложение Г. Уверенность жителей Красноярского края в своем будущем	177
Приложение Д. Самооценка уровня материального положения	178
Приложение Е. Связь материального положения и объема межличностных связей	179
Приложение Ж. Самооценка уровня внутренней силы, энергии, готовности к активному действию	180
Приложение З. Связь частоты появления соответствующих эмоциональных переживаний и материального достатка, динамики материального положения за текущий год, уровня здоровья по самооценке респондентов	181
Приложение И. Корреляционная матрица, отражающая комплексную взаимосвязь характеристик жизни респондентов (объем межличностных связей, материальный достаток, удовлетворенность жизнью, динамика материального положения за текущий год, физическое здоровье, уровень внутренней энергии, качество эмоциональной жизни респондентов)	182
Приложение К. Самооценка степени доверия	183
Приложение Л. Результаты многомерного шкалирования по переменным, отражающими степень доверия	184
Приложение М. Группы населения, с которыми не хочется жить по соседству	185
Приложение Н. Степень схожести по самооценке респондентов на определенные типы людей	186
Приложение О. Максимальный корреляционный граф	187
Приложение П. Профили кластеров	188
Приложение Р. Распределение респондентов по кластерам и возрастам	189
Приложение С. Матрица корреляций, отражающая связь с членством в кластерах и характеристик жизни респондентов	190
Приложение Т. Распределение ответов «Как часто Вы думаете о смысле жизни?» и смысложизненных ориентаций респондентов	191
Приложение У. Участие респондентов в жизни общественных организаций	192
Приложение Ф. Корреляционная матрица, отражающая связь материального положения, динамики уровня жизни за год, социального статуса, объема межличностных связей, и	193

переменных, характеризующих творческую ориентацию респондентов	194
Приложение X. Формы самообразования респондентов	194
Приложение Ц. Корреляционная матрица, отражающая взаимосвязь форм самообразования респондентов и объем межличностных связей	195
Приложение Ч. Источники внутренних сил, энергии, воли к жизни населения Красноярского края	196
Приложение Ш. Посещаемость культурно-досуговых учреждений	197
Приложение Щ. Участие респондентов в жизни общественных организаций	198
Приложение Ы. Частота использования различных средств массовой коммуникации населением края	199
Приложение Э. Коммуникативные компетенции населения Красноярского края	200
Приложение Ю. Корреляционная матрица, отражающая взаимосвязь между обобщенными факторами коммуникативных способностей и соответствующими характеристиками жизни респондентов	201
Приложение Д. Социальная самоидентификация респондентов и материальное положение респондентов, вошедших в кластеры	202
Приложение Ф. Уровень счастья и уверенность в будущем, самооценки возможности влиять на ход своей жизни, объема социальных связей представителей соответствующих кластеров (по средним значениям)	203
Приложение Г. Источники внутренних сил	204
Приложение Р. Коммуникативные компетенции	205

Введение

Актуальность темы исследования.

Для современных философских наук характерна устойчивая тенденция роста внимания к осмыслению закономерностей функционирования сложных "человекообразных", как сказал В.С. Стёпин, систем, осознание необходимости изучения этих систем в рамках формирования новых методологических подходов. Концепция социального капитала, являясь одним из таких новых инструментов научного познания общества, в этой связи становится актуальным предметом социально-философского рассмотрения, выявления сущности и существования социальной реальности.

С одной стороны, концепция социального капитала фиксировала внимание на значимости межпредметного анализа социальных взаимодействий, присущих им современным форм, как необходимого ресурса развития современного общества. По мысли авторов, использующих данное понятие, введение в научный оборот понятия социального капитала позволяет рационализировать изучение сложной сети социальных, культурных, экономических, личностных факторов. Данное обстоятельство значимо с точки зрения потребности развития "высоких гуманитарных технологий" в государственном, муниципальном управлении, менеджменте, определения ключевых точек модернизации системы общественных отношений. Здесь философский анализ концепции социального капитала позволяет на широком уровне обобщения рассмотреть современные актуальные проблемы социального управления.

С другой стороны, в анализе и понимании природы социального капитала в контексте широкого философского обобщения и интеграции различных предметных подходов: социологических, психологических, экономических, политологических, открываются новые измерения социумной самоорганизации. Подходы, развитые в попытках определить сущность и природу социального капитала, ввели в современный научный дискурс такие актуальные понятия, предлагающие внимание к новым

элементам общественной самоорганизации, как: доверие (Ф. Фукуяма), добровольные организации (Коулман), ресурсы социальных взаимодействий, являющихся частью общего капитала личности и группы (П. Бурдьё). В условиях современной модернизации, определяемой многими авторами как формирование информационного общества, постиндустриальной экономики этот аспект изучения социальных отношений, их взаимосвязей с другими факторами, приобретает особую роль. Здесь анализ концепции социального капитала становится актуальным и необходимым в плане реализации методологической функции социальной философии в системе современного обществознания.

В то же время, нельзя не отметить, что на сегодняшний день отсутствует интегративная концепция, способная объединить различные подходы, сложившиеся у разных авторов в попытках понять природу социального капитала. Очевидно, что основанием для такой интеграции должна послужить теоретико-методологическая концепция, рассматривающая динамику развития социума, раскрывающая системные закономерности его формирования. С этой точки зрения, актуальность приобретают новые постнеклассические теоретико-методологические подходы к развитию социума как системы, развитые в современном социально-философском знании. Мы предполагаем возможность рассмотрения проблематики социального капитала в рамках развиваемой постнеклассической научной парадигмы, в частности, методологической модели минимального универсума, разрабатываемой В.Г. Немировским. С нашей точки зрения, использование модели минимального универсума делает возможным систематизировать фрагменты знания и объединить различные авторские подходы к пониманию природы и роли социального капитала как взаимодополнительные, соответствующие определенным уровням системного развития. Одним из аргументов, подтверждающим правомерность такого подхода, является соответствие основных подходов в проблематике социального капитала и системных уровней, задаваемых

методологической моделью минимального универсума. В то же время, понимание системных закономерностей позволяет установить не только формальные, но и структурно-функциональные аналогии, глубже взглянуть на эволюцию социумных отношений, предложить системный язык описания социальных взаимодействий, относимых различными авторами к социальному капиталу.

Потребность в подобном философском обобщении назрела, прежде всего, в связи с необходимостью управления возможностями социального капитала. Методологическая модель минимального универсума направлена, прежде всего, на изучении социальной динамики с учетом основных конфликтов и ресурсов, которые становятся актуальными на каждом из этапов развития социальной системы. Данный подход сопрягается с другими концепциями модернизации общества, развитыми в работах современных философов и мыслителей. В то же время методологическая модель минимального универсума позволяет акцентировать внимание на системных закономерностях развития общества, что даёт возможность осуществить философский анализ природы социального капитала в русле постнеклассической научной парадигмы, останавливая внимание на переломных точках развития социума, в частности тенденциях формирования информационного общества, постиндустриальной экономики. Кроме того, трудно не согласиться с мнением Е.А. Бондаря, согласно которому метатеоретическое осмысление научных результатов, полученных в рамках различных дисциплин будет способствовать дальнейшему развитию самого социально-философского знания.

В современной России модернизация предполагает изменение основных социальных, экономических и культурных институтов общества; в момент перехода от социалистического общества к обществу рыночных экономических отношений в контексте глобальных мировых трансформаций меняется сама суть существовавшего прежде общественного бытия, возникают новые формы общественной практики: возрастает роль малых

социальных процессов, новых социальных структур, независимых акторов и некоммерческих объединений. Как отметил Ф. Фукуяма, «для эффективного функционирования институтов демократии и капитализма требуется, чтобы они могли сосуществовать с разнообразными “до-современными” культурными навыками общества. Закон, договор, экономическая целесообразность являются необходимым, но отнюдь не достаточным базисом стабильности и благосостояния в постиндустриальный век – они должны опираться на такие вещи, как взаимодействие, моральное обязательство, ответственность перед обществом и доверие, которые, в свою очередь, живут традицией, а не рациональным расчетом. В современном обществе все эти вещи не становятся анахронизмами, наоборот, они суть залог его успешного развития» [151, С. 28-29]. С этой точки зрения, социально-философский анализ и обобщение существующих концепций социального капитала в контексте конкретных трансформаций российского общества являются, бесспорно, актуальными и необходимыми в целях выявления перспектив общественного развития, определения ресурсов экономического, социально-культурного процветания, решения проблем модернизации и выбора современных цивилизационных ориентиров развития, поиска и создания эффективной системы социальной организации.

Степень разработанности темы исследования.

Базовые подходы к проблематике социального капитала можно найти у истоков социально-философского осмысления природы, закономерностей развития общества в работах А. де Токвиля, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Веблена. Из основополагающих исследований о природе социального капитала философского уровня обобщения следует отметить труды П. Бурдьё, Дж. Коулмена, Р. Патнэма, Г. Лоури, Ф. Фукуямы, Р. Лин, Т. Шульца, М. Леви, Р. Инглхарта, Ж. Нахапета, С. Госала, Р. Роуза. Анализ зарубежных подходов к проблематике социального капитала выполнен в ряде работ отечественных авторов, в частности Е.А. Бондаря, Л.В.

Стрельниковой, Т.Ю. Сидориной, Р. Швери, Г.В. Рожкова, О. Демкив, С.А.Сысоева, В. Степаненко.

Вместе с тем, следует отметить, отсутствие единого понимания концепции социального капитала, которое к настоящему времени еще не сложилось. Зарубежные, отечественные исследователи, раскрывают данное понятие в различных теориях и концептуальных моделях. Некоторые авторы указывают на недостаточную теоретическую разработанность данного понятия, проблематичность его операционализации и использования для изучения российского общества: Дж. Л.Твигг, В.Л. Римский, Л.Н. Федотова, Н.Н. Федотов.

Широкая теоретико-методологическая основа философского рассмотрения проблематики социальных взаимоотношений, взаимосвязи личности и общества к настоящему времени развита в рамках становления постнеклассической научной парадигмы в трудах В.С. Степина, В.Е. Кемерова, В.Г. Буданова, Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова, В.В. Васильковой, У. Матураны, Ф.М. Вареллы. В качестве организующего подхода в анализе структуры социального капитала нами была использована модель минимального универсума в рамках постнеклассической парадигмы, разрабатываемая российскими учеными: В.Г. Немировским, Д.Д. Невирко, Д.О. Труфановым, во многом продолжающая традиции русской социально-философской мысли, предполагающей комплексный, интегративный, универсумный подход к актуальным проблемам развития личности и общества. Разработка проблематики социального капитала в рамках постнеклассической парадигмы потребовала междисциплинарного поля исследования, необходимость использования данных из различных наук, сфер знания, касающихся человека и общества.

Определение природы системных конфликтов в развитии социальных общностей различного уровня и современных концептуальных моделей их разрешения развито в работах У. Черчмена, П.Б. Чекленда, С. Бира, Дж. Гараедаги, М. Джексона, Г. Бейтсона, П. Сенге, Д. Медоуза, Н. Лумана, У.

Бека, Ю. Хабермаса, В.И. Варшавского, Д.А. Пospelова, Ф. Шамхалова, В. Гутника, Ю. М. Горского, А.Г. Теслинова, А. Субетто, Г. Померанца, М. Курочкиной, А.П. Назаретяна, В.Е. Хищенко.

Анализ тенденций формирования современной инновационной экономики и информационного общества осуществлялся такими авторами как: Д. Белл, М. Кастельс, М. Маклюэн, И. Масуда, А. Турен, Т. Стоуньер, М. Порат, У. Росту, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас, В. Иноземцев, Ф. Хайек, Ю.С. Затуливетер, И. Эйдман, В.Л. Римский, Д.В. Иванов.

Структурно-функциональная роль креативности в организации современного социума разрабатывалась такими зарубежными и отечественными философами и мыслителями, как: Г. Тард, Р. Флорида, Х. Йоанс, Ч. Лэндри, Ф. Йохансон, Л. Хайд, М. Кинсли, П. Штомпка, Л. Я. Морено, Э. Боно, Э. Фромм, А. Маслоу, Р. Мэй, М. Чиксентмихайи, Г.С. Батищев, И. Эйдман, Ю.А. Карпова, Н.И. Лапин. Значимость философской концепции креативности, креативного класса была показана для оценки развития регионов Сибири коллективом авторов О.А. Карловой, В.И. Кудашовым, Е.В. Черкашиной, Н.Д. Вавилиной, Д.Л. Кашиным, О.О. Мельниковой, А.Ю. Рыкуном, К.М. Южаниновым, И.А. Карловым, Е.В. Буренко, М.П. Шубским, Н.С. Бедовой, Е.А. Ноздренко. Серьезное внимание творчеству как значимому фактору развития культурного потенциала Красноярского края уделено в работах Н.П. Копцевой.

Глубокий анализ взаимосвязанности и взаимообусловленности личностного и социального развития представлен в работах русских философов В.В. Соловьева, Н.А. Бердяева, Г.С. Батищева, Е.А. Лекторского, в работах Э. Фромма, А. Маслоу, Э. Хагена, А. Инкельс, Й. Шумпетера, Р. Инглхарта, Р. Мэя, В. Франкла, М. Чиксентмихайи, М.Е. Сандомирского, Г. Маркузе, Ж. Бодрийяра, Ги Дебора, А. Минделла, А. Менегетти, К. Юнга, Я. Морено, М. Элиаде, Дж. Кэмпбэлла, К. Армстронг, Дж. Крамера, Д. Олстеда.

Концепции социального капитала в контексте исследований российского общества используются такими авторами, как: В.Г. Немировский, А.В.

Немировская, Л.И. Полищук, С.М. Климов, В.Л. Римский, Дж. Л. Твигг и К. Шектер, Р. Роуз, Н.Л. Русинова, Л.В. Панова, В.В. Сафронов, Д.В. Кротов, О.А. Кислицина, С. Ферландер, Л.Н. Федотова, Н.Н. Федотов, Е.Н. Девяткина, Т.А. Терехова, Ф.Г. Карасева, Н. Красилова, С.Ю. Барсукова, Г. Градосельская, Л. Григорьев. Экономические и организационные аспекты функционирования социального капитала в России рассмотрены в работах Д.В. Меркулова, В.В. Радаева, Вединой Н.В., Н.И. Пицика, Ю.К. Плетниковой, Р. Блома, Х. Мелина, И. Сарно, А. Сарно, С.А. Сысоева, П.Н. Шихирева, Я. Корнаи, И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксоне, Ж.А. Симанавичене, Дементьева. Социальный капитал во взаимосвязи с социальным неравенством рассматривают российские социологи М.К. Горшков, А.Н. Красилова, Н.Е. Тихонова, О.И. Шкаратан.

Изучение системы ценностей россиян с учетом ценностей творчества и проблематики социального капитала проводилась Ш. Шварцем, Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко, В.Г. Немировским, А.В. Немировской, В.Н. Карандашевым, В. Магуном, М. Рудневым. Важную методологическую роль в нашей работе сыграл разработанный Н.И. Лапиным социокультурный подход в масштабном исследовании развития регионов России.

В целом, краткий обзор существующих научных источников позволяет определить целесообразность использования понятия социальный капитал в изучении ресурсов развития социума. Важно отметить и тенденцию увеличения сложности организации современных социальных систем, невозможность методологического «препарирования» целого посредством искусственного отсечения предметных связей от контекста взаимосвязанности и взаимообусловленности. С нашей точки зрения, понятие «социальный капитал» должно фиксировать тенденцию нарастающего императива системности и взаимосвязанности при сохранении принципа свободы и автономии отдельных акторов, сочетания взаимодополняющих процессов интеграции и дифференциации. Необходимость изучения логики и практики развития интегративных начал в

современных социальных системах как сложного, комплексного инновационного процесса, чем с нашей точки зрения и порождается множество точек зрения на сущность социального капитала, обусловило цель и задачи диссертационного исследования, актуальность и значимость осмысления данной проблематики на уровне философского обобщения. Не менее важным проблемным полем диссертационного исследования стала проверка теоретических конструктов на основе эмпирических исследований, анализ ресурсов развития российского общества в контексте проблематики социального капитала.

Объект исследования: социальный капитал как концептуальное отражение совокупности ресурсов социальных взаимодействий и отношений в обществе.

Предмет исследования: структура и развитие социального капитала в современном российском обществе (на примере Красноярского края).

Цель диссертационного исследования – изучить с позиции социальной философии структуру и развитие социального капитала в современном российском обществе (на примере Красноярского края).

Гипотезы исследования заключаются в следующем:

1. Концептуальное моделирование структуры социального капитала нуждается в обновлении и расширении методологической базы.
2. Целесообразно дифференцировать формы социальных взаимодействий и отношений и отражающие их концепции социального капитала в соответствии с методологическим принципом минимального универсума, в рамках которого можно выделить три условно-автономных уровня организации системы: вещественно-энергетический, функционально-организационный, информационный и соответствующие этим уровням способы экспликации природы социального капитала.
3. Отражение форм социальных взаимодействий, соответствующих информационному уровню социума, требует фиксации тенденции нарастающего императива системности и взаимосвязанности при сохранении

принципа свободы и автономии отдельных акторов, сочетания взаимодополняющих процессов интеграции и дифференциации в обществе.

4. Социальный капитал в социальной структуре современного общества обладает сложным нелинейным характером функционирования, когда одна из составляющих жизни личности влияет на другие.

5. Для анализа ресурсов развития современного российского общества, Красноярского края, в частности, являются значимыми такие социокультурные факторы, как объем социальных связей, уровень межличностного и институционального доверия, участие в добровольных организациях, уровень образования и самообразования личности, ее коммуникативные компетенции, творческая направленность личности.

6. Социальный капитал в формах, отражающих развитие информационного уровня социума, взаимосвязан с его социальной структурой.

Цель и гипотезы определили основные **задачи исследования:**

1. Провести анализ и систематизацию существующих в зарубежной и отечественной литературе концепций социального капитала, использование этих концепций для анализа проблематики развития современного общества.
2. Определить концептуальное содержание понятия социального капитала в соответствии с моделью минимального универсума.
3. Определить специфику содержания составляющих социального капитала в соответствии с современными тенденциями формирования информационного общества, инновационной экономики.
4. Установить взаимосвязь личностного развития и форм социального капитала, соответствующих современным тенденциями формирования информационного общества, инновационной экономики.
5. Проанализировать межличностные связи, ценностные и нормативные аспекты распределения социального капитала в современном российском обществе (на примере Красноярского края).

6. Выявить влияние самообразования, коммуникативных навыков, творческой направленности личности как факторов развития социальной структуры и социального капитала в современном российском обществе (на примере Красноярского края).

Теоретико-методологическим основанием диссертационного исследования выступила постнеклассическая парадигма социальной философии, придающая решающее значение рассмотрению закономерностей самоорганизации общества, соответствующим ей методологическим подходам междисциплинарного анализа, диалектический метод, позволяющий изучить специфику социального капитала с социально-философских позиций, рассмотреть проблематику социального капитала в контексте выявления и разрешения фундаментальных противоречий, обуславливающих развитие целостной системы взаимоотношений человек и общество. Анализ ресурсов социальных отношений и взаимодействий осуществляется на основе общенаучных подходов: политологического, социологического, системного, статистического, общенаучных методов анализа и синтеза, а также положений и выводов, содержащихся в трудах и концепциях зарубежных и отечественных исследователей.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Проанализированы основные концепции социального капитала в соответствии с методологической моделью минимального универсума. Показана возможность и целесообразность дифференциации теоретических концепций социального капитала в соответствии с постнеклассическим принципом минимального универсума, в рамках которого можно выделить три условно-автономных уровня организации системы: вещественно-энергетический, функционально-организационный, информационный и соответствующие этим уровням способы экспликации природы социального капитала. Вещественно-энергетическому уровню соответствует

накопленный объем социальных связей как ресурс коллективного и индивидуального социального действия. Функционально-организационному уровню соответствует ресурс доверия, которое является следствием усвоения и принятия социальных норм, развитости социальных институтов. На информационном уровне складываются соответствующие нормы и ценностные ориентации, которые формируются и развиваются посредством добровольного и заинтересованного участия акторов в организациях (широкий спектр групп различной степени формальности), построенных на принципах демократичности и социосистемности.

2. Показано, что отражение форм социальных взаимодействий, соответствующих современному уровню развития социума, требует фиксации тенденции нарастающего императива системности и взаимосвязанности при сохранении принципа свободы и автономии отдельных акторов, сочетания взаимодополняющих процессов интеграции и дифференциации.

3. Для информационного уровня социума определены нормы и ценностные ориентации, которые в целом соответствуют трем основным направлениям системной трансформации современного общества, непосредственно связанным с развитием соответствующих форм социального капитала: возрастанием роли творчества, усилением роли образования и самообразования, формированием современных коммуникативных систем.

4. Показана актуальность в процессе социально-философского анализа использования межпредметного, полипарадигмального подхода к изучению взаимодействия основных форм капиталов: психологического, экономического, социального в контексте анализа ресурсов развития современного информационного общества. Значимость такого подхода определяется в ходе утверждения в обществе норм и ценностей постнеклассической рациональности, способности создавать, понимать и развивать сложные "человекообразные" системы, взаимосвязью общей

направленности личностного развития и новых форм социального капитала, соответствующих требованиям современного общества к индивидуальности.

5. На основе социально-философского анализа тенденций развития современного информационного общества, концептуальных подходов к определению структуры социального капитала разработана методологическая основа социологического изучения проблематики социального капитала, определены основные закономерности распределения социального капитала (на примере населения Красноярского края). Методами социологического исследования проанализирована структура социального капитала в российском обществе (на примере Красноярского края). Выявлена взаимосвязь между объемом социального капитала и материальными, социальными, психологическими характеристиками жизни индивидов.

6. Показана взаимосвязь социальной стратификации современного российского общества с такими социокультурными факторами, как объем социальных связей, уровень межличностного и институционального доверия, участие в добровольных организациях, уровень образования и самообразования личности, коммуникативные компетенции, творческая направленность личности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Философский анализ концепций социального капитала, функциональной роли этого понятия в методологии изучения современного общества и ресурсов его развития позволил выявить, с одной стороны, многоаспектность этого понятия, представленность в современном научном общественном знании различных взглядов на его составляющие, структуру, функции, с другой – значимость концепции социального капитала, как присутствующая на современном этапе развития социума возможность анализа и управления общественным развитием, осознание функциональности ресурсов социальных взаимодействий и социальных

отношений, которые могут быть "инвестированы" для достижения как экономической продуктивности, так и социально-культурных показателей общественного благополучия.

2. В соответствии с предложенным в данной работе теоретическим подходом могут быть выделены структурные компоненты социального капитала, соответствующие трем основным уровням организации минимального универсума. Вещественно-энергетическому уровню соответствует накопленный объем социальных связей как ресурс коллективного и индивидуального социального действия. Функционально-организационному уровню соответствует ресурс доверия, которое является следствием усвоения и принятия социальных норм, развитости социальных институтов. На информационном уровне складываются соответствующие нормы и ценностные ориентации, которые формируются и развиваются посредством добровольного и заинтересованного участия в организациях, построенных на принципах демократичности и социосистемности.

3. Природа форм социального капитала, соответствующих информационному уровню социума, определяется нарастающим императивом системности и взаимосвязанности при сохранении принципа свободы и автономии отдельных акторов, сочетания взаимодополняющих процессов интеграции и дифференциации, что взаимосвязано с тенденциями возрастания роли творчества и творческой направленности личности, усилением роли образования и самообразования, формированием современных коммуникативных систем и коммуникативных навыков.

4. Социальный капитал в социальной структуре современного общества обладает сложным нелинейным характером функционирования, когда одна из составляющих жизни индивида и общества влияет на другие, что обуславливает актуальность межпредметного подхода к изучению структуры социального капитала с точки зрения утверждения в обществе норм и ценностей постнеклассической рациональности, взаимосвязанной со способностью создавать, понимать и развивать сложные

"человекообразные" системы, взаимосвязанности личностного развития и новых форм социального капитала, соответствующих требованиям современного общества.

5. Выявленная структура функциональных взаимосвязей, определяемых объемом социального капитала в аспекте межличностных отношений, может быть охарактеризована следующими положениями: Во-первых, этот объем положительно взаимосвязан со значимыми характеристиками жизни респондентов (материальный достаток, удовлетворенность жизнью, динамика материального положения за текущий год, физическое здоровье, уровень внутренней энергии, качество эмоциональной жизни респондентов). Во-вторых, объем социального капитала в аспекте межличностных отношений является частью интегрального комплекса взаимосвязей.

Социальный капитал в форме норм и ценностей, соответствующих информационному уровню, интегрирует духовные, нравственные, творческие грани индивида, его социальную, профессиональную, культурную, политическую активность в виде добровольного участия в работе общественных организаций, обеспечивая индивида большим объемом межличностных связей, уровнем внутренней энергии, позитивности эмоциональных состояний, уверенности в своем будущем, материальным положением, динамикой улучшения материальных условий своей жизни.

6. Существует положительная взаимосвязь между значимыми характеристиками жизни населения Красноярского края: творческой смысложизненной ориентацией, самоидентификации себя как творческой личности, уровнем активности в самообразовании, развитости коммуникативных навыков, объемом межличностных связей, уровнем внутренней энергии, позитивности эмоциональных состояний, материальным положением, что отражается на субъективно ощущаемом социальном статусе личности, в системе социальной стратификации.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и интеграции подходов к определению сущности социального капитала с позиции социальной философии в соответствии с методологической моделью минимального универсума, создании структурной модели социального капитала, анализа функциональности форм социального капитала, связанных с соответствующими уровнями организации и развития социума.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в возможности проведения социально-философского и на основании его социологического анализа ресурсов социальных взаимодействий и отношений в соответствии с задачами модернизации общества и экономики. Проведен комплексный анализ распределения социального капитала российского общества (на примере населения Красноярского края) в соответствии с разработанной концептуальной моделью. Материалы исследования могут найти применение в концептуальной и методологической разработке исследований социального развития современного общества, актуализации значимости проблематики социального капитала в региональном управлении. Материалы исследования могут быть использованы в педагогической практике по социальной философии, социологии управления, социологии, прикладной статистике, при написании статей, монографий, учебных и методических пособий.

Материалы исследования прошли **апробацию** на заседаниях кафедры социологии Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета, на VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Казань, 2011); Всероссийской научно-практической конференции «Социология в современном мире: наука, образование, творчество» (Алтай, 2010); VI Международной научно-практической конференции «Проблемы социально-экономической устойчивости региона» (Пенза, 2009); Интернет-

конференции «Современные проблемы формирования методного арсенала социологии» (isras.ru, 2010); на заседаниях учебно-научно-методического семинара "Теория и практика прикладных культурных исследований" (Красноярск, 2010); Интернет-конференции "Научное творчество XXI века" (2010).

Основные результаты апробированы в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 11-03-00250а «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае», Основные положения диссертационного исследования опубликованы в виде научных статей в научном журнале "Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика", в научном журнале Сибирского федерального университета, в интернет-журнале "В мире научных открытий", в научном журнале "Науковедение", в научном журнале "Социология в современном мире: наука, образование, творчество", в сборнике научных работ "Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сборнике материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Казань, 2011), в сборнике статей «Проблемы социально-экономической устойчивости региона», по материалам VI Международной научно-практической конференции (Пенза, 2009); в коллективной монографии "Теория и практика прикладных культурных исследований: региональный проект" (СПб, 2012); сборнике статей «Современные проблемы формирования методного арсенала социологии» (isras.ru, 2010).

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования и содержит введение, три главы (шесть параграфов), заключение, список использованных источников.

1. Теоретико-методологические подходы к анализу структуры социального капитала

1.1. Социальный капитал: подходы и определения

В условиях высоких темпов модернизации современного общества, наличия противоречивых тенденций: с одной стороны, формирования глобальной экономики, информационного общества, с другой стороны – поляризации общества, зарождения новых социальных конфликтов, особое значение приобретает философский анализ сложной системы ресурсов социальных взаимодействий и отношений с использованием методологически новых инструментов. Среди наиболее значимых потенциальных инструментов анализа можно выделить концептуальные модели социального капитала, отражающие особенности взаимодействия между социальными агентами, неуловимые для экономического и политического анализа. Задачей данного параграфа является исследование сложившихся концепций социального капитала с позиций философского анализа действительности в рамках взаимодействия личности и общества, выявления смысловой обусловленности и функциональности данных концепций для изучения ресурсов и противоречий общественного развития.

Термин «социальный капитал» впервые был использован в 1916 году Лид Джадсон Ханифан [180] для описания необходимости воспитания в сообществе симпатии людей друг к другу, доброй воли, ценностей братства, умения налаживать социальные отношения. В то же время под различными понятиями близкие по смыслу концепции возникают у многих классиков анализа общества девятнадцатого – начала двадцатого века. Источники подобных идей можно найти у таких авторов как: А. де Токвиля, Э.Дюркгейма, М. Вебера.

Алексис де Токвиль во многом опередил развитие социальной мысли и уделил изучению социального капитала – или, как он называл это явление – «искусству объединения» – наибольшее внимание в своей работе

«Демократия в Америке» [136]. Токвиль выдвинул идею, что успех американского общества напрямую связан с традицией объединения его членов вокруг общественно значимых целей в добровольные организации. Токвиль противопоставлял Америку Франции по критерию владения этим «искусством объединения» – или, выражаясь языком современной синергетики – искусством самоорганизации. Причем не только политическая система Америки выигрывала от подобных принципов ассоциации – за счет ресурса добровольных объединений гражданское общество Америки также развивалось и развивало каждого персонально, прививая ему нормы и коллективные образцы поведения. Таким образом, центральная идея концепции Токвиля – «искусство объединения» стало одной из первых концепций, предвосхитивших появление термина и разработок в области социального капитала.

Дюркгейм, придававший большое значение исследованию социальной солидарности, социальной аномии, также очень близко подошел к открытию такого явления как социальный капитал. Ученый пытался найти то особое измерение социального мира, которое делает его не просто набором институтов и ролей, а «оживляет» его, придает ему особый смысл, объединяющий и сплачивающий вокруг общественных целей индивидов. Дюркгейм подошел к описанию этого феномена через изучение сакрального измерения социальной жизни, вырывающегося за пределы монотонной рутины, формальностей и обязанностей. Состояние общества, когда его члены добровольно и увлеченно служат общим целям, при этом оставаясь не бездушными однообразными винтиками социальной машины, а незаменимыми и уникальными в своей социально полезной деятельности, Дюркгейм назвал органической солидарностью в противовес солидарности механической. Можно предположить, что социальный капитал Дюркгейм изучал бы исключительно как ресурс, принадлежащий всему социуму в целом, а не каждому индивиду в отдельности, руководствуясь знаменитым правилом «рассматривать социальные факты как вещи». Очень интересно,

что Дюркгейм, вводя понятие «аномия», одним из первых подробно описал проблему трансформирующихся обществ, переживающих утрату ценностей, ролевых моделей, ресурсных состояний – как позже покажут российские авторы, исследовавшие постперестроечный период, именно период перестройки социальной организации позволяет увидеть истинную роль социального капитала.

Зиммель также ближе других подошел к изучению социального капитала в рамках разрабатываемой им формальной социологии. Предметом исследования общества по Зиммелю являлись формы социального взаимодействия людей, исторически неизменные образцы поведения, проявляющиеся в каждый конкретный период по-новому, но в корне универсальные и независимые от частных условий. Социум видится Зиммелю как совокупность межиндивидуальных отношений. Несмотря на ограниченность данного подхода, нельзя не признать, что, выделяя и анализируя основные социальные формы-договор, конкуренция, конфликт, авторитет, подчинение, ранг. Зиммель одним из первых исследовал то, как именно ресурсы социальных взаимодействий и отношений реализуются на практике и что именно выделяет их как удобный инструмент достижения общественных и индивидуальных целей на фоне формально зафиксированных практик поведения [42].

На данный момент науки об обществе накопили большой объем теоретических и методологических подходов к изучению роли социального капитала, особенностей его развития и функционирования. Тем не менее, даже в определении базового концепта «социальный капитал» нет ни единого мнения, ни общепризнанных критериев измерения.

Можно выделить несколько основных векторов практических и теоретических изысканий, объединяющих направления научной мысли. Данное разделение проходит через следующие дискуссионные точки: коллективный или личностный характер социального капитала; экономическая или социокультурная направленность данного явления,

феноменологическая (производная) или определяющая роль социального капитала в развитии современных социальных систем. Так, ряд ученых придает решающее значение в формировании социального капитала системе социальных связей и социальных сетей (Дж. Коулмен [65], Ф.Г. Карасев [48], Г. Градосельская [32], В. В. Радаев [113], В. Степаненко [125], П. Н. Шихирев [166] и др.) Другая группа отечественных и зарубежных исследователей анализирует природу социального капитала как необходимых условий эффективности экономических и управленческих взаимодействий, подчеркивая такую значимую для современных социальных взаимодействий ценность как доверие (Ф. Фукуяма [151], Р. Патнэм [106], Н.И. Пицик [107], В.В. Радаев [113], А. Дементьев [36], Г.В. Рожков [118], А. Трапкова [139] и др. Часть авторов подходит к изучению роли социального капитала с точки зрения социальной стратификации общества, отмечая особую значимость данной формы капитала в формировании социальной иерархии и природы социального неравенства (П. Бурдьё, [20], А. Н. Красилова [67], О.И. Шкаратан [167], Н. Е. Тихонова [135] и др.)

Одним из первых методологических подходов к исследованию социального капитала как особого рода ресурса стала концепция французского социолога Пьера Бурдьё [20]. Бурдьё, как и ряд его современников, дополнил традиционную схему социальной стратификации новым, более гибким подходом к пониманию таких социальных категорий как статус, социальная мобильность, власть.

Бурдьё описывал следующие категории капиталов: экономический, социальный, политический, культурный, символический – как тесно связанные и взаимовлияющие друг на друга. Он считал выделенные капиталы факторами распределения власти в обществе, задающими контуры социальной структуры общества.

Концепция Пьера Бурдьё стала одной из первых моделей социального мира как многомерного пространства, выстроенного согласно принципам группировки и дифференциации, где агенты и группы агентов занимают

позиции сообразно тем их свойствам, которые способны придавать владельцам власть и силу в этом универсуме. Таким образом Бурдье вводит понятие многомерного пространства признаков, характеризующих акторов с точки зрения их возможностей в борьбе за место в социальной иерархии. Многомерное пространство признаков выступает в качестве основы для эмпирического изучения социальной стратификации тех трансформационных процессов, которые имеют место в современном обществе.

По мере изучения свойств социального капитала, все значимее проступает его роль в социальных изменениях, более того – открывается новый взгляд на природу экономических взаимодействий, а также таких ключевых для современных исследований вопросов, как инновационный потенциал, успешность, доверие, кризис системы. Значимым подходом в современном информационном обществе, инновационной экономики к определению сущности социального капитала стала его конвертация в экономические ресурсы (Я. Корнай [64], Ю.К. Плетникова [108], Р. Блом, Р. Х. Мелин, И. Сарно, А. Сарно [17] и другие исследователи). Однако само понятие социального капитала остается предметом активных дискуссий и остается достаточно открытым для новых гипотез, проясняющих как природу самого явления социального капитала, так и закономерности его влияния на остальные ресурсы человека. Ряд ученых отождествляет социальный капитал с характеристиками социальных групп и организаций – другие изучают социальный капитал исключительно как индивидуальный фактор личностного развития.

Немало сторонников приобрели мысли о коллективной природе социального капитала, противоположные идеям Бурдье. Начиная с Дж. Коулмена, одного из первых операционализировавших понятие социального капитала через выявление его наиндивидуальной природы, заканчивая современниками, социальный капитал как характеризуется как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, порождаемый в межличностном взаимодействии, иными словами – совокупность отношений, порождающих

действия [65]. При этом, доверие по Коулмену складывается из концентрации ожиданий и обязательств. Коулмен делал акцент на неразрывной причинно-следственной связи социального капитала исключительно с коллективным действием, а именно теми нормами и социальными сетями, которые это действие организуют и направляют. Именно в этом, по мнению Коулмена, отличие капитала социального от экономического – если социальный капитал принадлежит группам, то экономический может иметь конкретного правообладателя. Иначе, социальный капитал носит характер общественного блага, но при этом производится рациональным и свободным индивидом для получения собственных выгод. В своей совокупности, этот процесс невозможен без социального контракта, наборов социальных норм и социальных обменов, предполагая, некоторый базовый уровень доверия. Итак, по Коулмену, социальный капитал производное от социальных сетей, но, несмотря на межличностную природу и зону применения, имеет свои особые качества, несводимые только к социальным эффектам от межличностных взаимодействий.

Во-первых, социальный капитал – это ресурс, который ограничен неравным положением членов социальных сетей, а значит и неравным доступом к ресурсам этих сетей. Во-вторых – что, несомненно, роднит данное явление с капиталом материальным – эта форма капитала может быть накоплена и увеличена, за счет роста сплоченности социальной группы, взаимного доверия между членами, а также обеспечения возможностей доступа к ресурсам группы.

Объем социального капитала вычисляется степенью включенности индивидов в сети и характеристиками данных сетей (размер, плотность, сила и интенсивность сетевых связей);

В-третьих, в отличие от капитала экономического социальный обладает особым рода ликвидностью, то есть не может быть отчужден от породившей

его группы, но, тем не менее, может конвертироваться в различные социальные блага.

В-четвертых, социальный капитал может быть конвертирован в другие виды ресурсов – так, достижение экономических благ становится возможным благодаря гибкой природе социального капитала: доверие, личные связи всегда находят более короткий путь чем предлагает бюрократическая система, позволяют достигать цели, избегая формальных путей, официальных барьеров. И наконец, способен создавать те самые эффекты социальной фасилитации, которые увеличивают производительность труда без обращения к экономическим мерам поощрения.

Немаловажно отметить и главную цель создания методологии изучения социального капитала, которую Дж. Коулмен определил как «использование экономических принципов рационального поведения в анализе социальных систем, при этом не ограничиваясь рассмотрением экономических систем и выполняя анализ таким образом, чтобы не выпадала социальная организация» [65, С. 123].

Последователи Коулмена рассматривают социальный капитал как фундаментальный этический принцип современного демократического общества. Согласно концепции Коулмена, экономическая выгода социального капитала заключается в уменьшении издержек на организацию совместной деятельности, заменяя громоздкие формальные правила коллективной деятельности (чреватые избыточным бюрократизмом и отсутствием инноваций), нелинейными и самоорганизующимися связями. Однако социальный капитал нуждается в развитии и инвестировании – весь потенциал освоения социального капитала Коулмен сводит к трем основным формам применения: обмен, интериоризация и экстериоризация.

Помимо на индивидуального, коллективного уровня, социальный капитал занимает не менее значимое место в системе жизненных шансов отдельно взятого индивида. Именно влияние философии либерализма обратило взгляды исследователей социального капитала на актуальность и

значимость его индивидуального измерения как атрибутов индивида, дающих ему значимые преимущества в достижении разнообразных жизненных целей: защите имущества, карьере, доступе к информации.

Таким образом, на индивидуальном уровне исследователи выделяют такие зависимые от социального капитала блага как удовлетворенность жизнью, уровень здоровья, более широкая и благоприятная социальная идентификация, обучение и воспитание детей, увеличение возможностей поиска работы, высвобождение времени, когнитивная простота (отсутствие тотальной необходимости решать все проблемы самостоятельно); на организационном – коллективное прибавление знаний, снижение текучести кадров, наследование организационного поведения, возможность неформального повышения квалификации; на уровне общества – облегчение важнейших функций социального контроля, обмена социальным опытом, удешевление бюрократического механизма, солидарность.

Американский философ Ф. Фукуяма, разработавший концепцию доверия как основополагающей ценности современного общества, связывал между собой оба явления – доверие и социальный капитал - как взаимообуславливающие и необходимые для развития социальных систем. Социальный капитал, таким образом, характеризует "потенциал общества или его части, возникающий как результат доверия между его членами" [150, С. 30]. Место социального капитала в структуре общественных отношений Фукуяма определяет через «набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» [151, С. 52]

Роберт Патнэм также видит в понятии социального капитала важнейший связующий компонент любой успешной и потенциальной социальной организации. «Социальный капитал, воплощенный в нормах и сетях гражданского участия, является, по всей вероятности, предварительным условием экономического процветания, так же как и эффективное самоуправление» [106, С. 80].

Именно Патнэм попытался создать эмпирически выверенную (основанную на результатах исследования американского общества), трех-факторную модель социального капитала: нормы взаимности, доверие и социальные сети. Два первых фактора принадлежат социально-психологическому измерению жизнедеятельности индивида. Поэтому Патнэм делает вывод в пользу изучения таких индивидуальных индикаторов, как сила контактов и их интенсивность, электоральная активность, участие в общественных объединениях, удовлетворенность социальными взаимоотношениями, доверие к соседям, доверие к социальным институтам, чувство безопасности и соблюдение норм взаимности. Групповые показатели являются производными от собирательного анализа индивидуальных. Однако Патнэм пошел еще дальше и сделал вывод о том, что экономические показатели являются зависимыми от социальных, а экономическая система в целом – результат развития социальных отношений - однако же, с точки зрения других авторов данная точка зрения была слишком спорной, чтобы сыграть какую-то роль в развитии представлений о социальном капитале.

Тем не менее, именно Патнэму принадлежит заслуга эмпирического изучения динамического аспекта социального капитала. Р. Патнэм первым изучил и описал общественные реалии США в 1970-1980-е как значительное снижение политической активности граждан, общественных инициатив, волонтерства, а также уменьшение значимости объемов коллективной жизни каждого индивида.

Обобщая подход Роберта Патнэма к рассмотрению природы социального капитала, можно отметить, что последний выступает как порождение общественной организации (точнее, ее образующих компонентов – таких, как социальные сети, социальные нормы и доверие). Социальный капитал позволяет преумножить результаты развития человеческого и материального капиталов и позволяет всей системе выйти на новый уровень экономического развития.

Необходимо отметить, что с точки зрения ученых-экономистов, например, нобелевского лауреата Г.Беккера [11], социальный капитал всегда оказывается чем-то непонятным, малоизмеримым: если физический капитал может быть материально зафиксирован и объективно изучен, а человеческий капитал хотя бы описан в знаниях, навыках, умениях, то измерение или описание социального капитала кажется задачей далекой от строгих и удобных экономических формул. Тем не менее, еще в 60 годы в Америке вели активное изучение того, как особенности взаимодействий в трудовом коллективе, позволят не только улучшать показатели работы этого коллектива, но еще и выступают в качестве альтернативной выгоды, более важной, чем материальное поощрение. Современная наука о менеджменте безусловно учитывает потенциал, который несет социальный капитал как самой организации так и ее отдельных членов.

Ряд современных ученых-экономистов признает заслугу социального капитала в качестве важнейшего ресурса для организации – однако, как правило, в таком случае не рассматривается социальный капитал отдельных личностей в отрыве от целого, что не дает, в свою очередь, возможности увидеть всю нелинейную сложность его распределения, нарисовать специфическую картину взаимодействия и взаимообмена на уровне индивидуального капитала. Тем не менее, подход, который учитывает сетевой характер взаимодействий в организации и позволяет увидеть проблему социального капитала сквозь призму социальных сетей дает возможность проследить ряд интересных закономерностей, которые упускают из виду сторонники "индивидуалистического" подхода и "наиндивидуального".

Для понимания экономических теорий социального капитала можно также отметить, что все они, по сути, объединены такими общими моментами как «доступ к ресурсам» и «система взаимоотношений». Эти понятия позволяют не столько понять природу социального капитала,

сколько создать модель функционирования социального капитала в рамках жизненного цикла организации и указать на ключевые рычаги управления.

Среди отечественных ученых активно обсуждается вопрос ликвидности социального капитала, возможностям конвертации его в экономический эквивалент. Надо отметить, что особо остро проблема социального капитала как качественно нового ресурса не сводимого к иным формам капитала, встала в перестроечное время, когда устаревшие социально-экономические схемы достижения успеха не только не спасли материальное положение граждан, но и усугубили для нескольких поколений выход из кризиса.

Как пишут М.В. Курбатова и Н.Ф. Апарина [69], постсоциалистическая эволюция российской экономики необходимо проиллюстрировала роль институциональной среды как определяющей в должном функционировании рыночного механизма. По мнению ученых, даже главные двигатели современной экономики - конкуренция и частная собственность сами по себе не способны обеспечить рационального выбора, согласованного взаимодействия субъектов рынка. Только развитая система экономических и социальных связей, определяемых институционально-культурными условиями решает данные задачи. С точки зрения М. Кастельса, "рыночная логика так глубоко опосредована организациями, культурой и институтами, что экономические агенты, осмелившиеся следовать абстрактной рыночной логике, диктуемой неоклассической экономической ортодоксией, потерпят крах» [50, С.175].

Так, Е.М. Абрамова, Д.М. Логинов вводят понятие социального капитала как «адаптационного потенциала» населения, усиливая акцент на его динамическом аспекте, указывая на гибкость реагирования как основную социальную ценность данного явления. На примере данных, полученных в ходе исследования постперестроечной России, авторы выделяют такую значимую проблему как несоответствие между скоростью проведения социальных реформ и адаптационными возможностями населения [1].

Описывая основную задачу адаптации, авторы делают интересный для понимания социального капитала как инструмента формирования социального успеха вывод. С точки зрения ученого, эта задача связана с мобилизацией всех имеющихся индивидуальных ресурсов, которые могут рассматриваться как основания для индивидуального самоуважения.

Е.М. Абрамова, Д.М. Логинов указывают на проблему ликвидности данных ресурсов, доказывая, что абстрактная модель социального капитала, в отрыве от характеристик и вызовов внешней среды, не информативна и не дает полного понимания того влияния, которое оказывает социальный капитал.

В самом деле, ситуация в России в начале девяностых стала своего рода экспериментальной площадкой по выявлению собственно возможностей и особенностей реализации социального капитала населения в условиях кризиса. Обесценивание доходов и сбережений заставили граждан опираться исключительно на нематериальные ресурсы адаптации, то есть собственные знания, способности и умения. Логинов и Абрамова относят к ним уровень образования, профессиональной квалификации, культуры, включенности человека в определенные социальные сети – иными словами, все те ресурсы, что были накоплены человеком в ходе социализации и не могут быть легко "отчуждены" социальными трансформациями.

Е.М. Абрамова, Д.М. Логинов для своего исследования адаптационного потенциала создали особую классификацию адаптационных ресурсов, интересную не только своей новизной, но также возможностью интегральной оценки.

Ученые сделали акцент на том, что изучение изолированных отдельных показателей не способно дать адекватного понимания совокупного адаптационного потенциала, не позволяет оценить влияние структуры адаптационного потенциала на развитие моделей успешного социально-экономического поведения. Таким образом авторы выделяют комплексный

показатель оценки адаптационного потенциала, опирающийся на следующие предположения относительно системы его индикаторов:

- показатели, включенные в систему адаптационных ресурсов, должны охватывать весь спектр нематериальных возможностей приспособления, при этом каждый показатель описывает уровень развития одного значимого ресурса;

- каждый из выделенных ресурсов может использоваться человеком для достижения выгоды в материальной или нематериальной форме;

- выделяемые ресурсы составляют его неотчуждаемую собственность.

Среди тех ученых, что отстаивают позицию индивидуального воплощения социального капитала, можно выделить тех, кто приписывает свойства социального капитала интеллектуальным способностям, опыту и знаниям, социальным связям и коммуникативным навыкам, психологической ориентации индивида, а также состоянию физического здоровья человека.

Так, физическое здоровье в качестве основы для формирования социального капитала рассматривал Р. Роуз. В своей работе "Социальные потрясения, социальная уверенность и здоровье" [119] он, как и многие другие ученые, обращается к исследованию социальных перемен, своего рода лакмусовой бумажки для выявления свойств и потенциалов социального капитала – однако специфика работы Роуза в том, что в ней анализируются взаимосвязи между характером социальных перемен и состоянием здоровья человека. Ключевым навыком, позволяющим оставаться успешным несмотря на меняющиеся требования ситуации, становится способность сохранять так называемую социальную уверенность, ощущение контроля над собой и собственной жизнью – что, в свою очередь, и отличает более здоровых и физически крепких индивидов от более слабых, пессимистично настроенных.

С. М. Климов, российский социолог-экономист, в своих исследованиях, затрагивает тему капитала человеческого – немаловажную для понимания особенностей развития социального капитала в России, а также тех ресурсов, благодаря которым социальный капитал может черпать свой потенциал. В

самом деле – невозможно упустить из внимания концепцию, раскрывающую роль отдельных акторов в обществе, построенном на производстве, взаимообмене и распределении капиталов. Вклад человеческого капитала особенно велик в современной, интеллектуализированной экономике, где он обретает характер частного воплощения социального капитала [58].

Климов использует вполне традиционное определение человеческого капитала, но обогащает его новыми компонентами, которые и позволяют нам сделать вывод о сложности разделения модели человеческого капитала и социального капитала. Так, одним из значимых компонентов человеческого капитала Климов называет социальные ресурсы личности, то есть потенциал социальности, заложенный и развиваемый в человеке, способность быть включенным в определенную социальную среду. Так, рассуждает Климов, для значительного исторического периода в распределении социальных привилегий наибольшую роль играло право рождения, социальные ресурсы личности практически полностью были заданы происхождением человека, принадлежностью к определенной социальной группе. Климов делает вывод о том, что социальный капитал, характеризующий человека, был обусловлен ресурсами социальной группы, а не его индивидуальными заслугами; при этом, замечает Климов, социальный капитал не был связан с экономикой в созидательном плане, а скорее в потребительском.

Климов проанализировал взаимодействие различных видов человеческого капитала (а также тех средств, которые эти капиталы формируют). Согласно проведенному Климовым историческому анализу, до недавнего времени основным ресурсом (даже опорой) социального капитала выступало богатство в денежной или натуральной форме. Вместе с тем, все более значимую роль в создании социального капитала играет образование – причем в наши дни богатство нередко уступает ресурсу образования как первостепенному в развитии социального капитала. Сегодня образование определяет как знания и умения (основа интеллектуального капитала), так и неуклонно возрастающий престиж в обществе. Кроме того, в современном

обществе отчетливо прослеживаются системные взаимообратные воздействия. Благотворительность, спонсорство, участие в добровольческой деятельности оказывают влияние и на экономические результаты, и на интеллектуальную, творческую, политическую карьеру.

Необходимо отметить, что достаточное количество авторов делают попытки подойти к определению сущности и роли социального капитала с системной точки зрения, рассматривать интегративные точки зрения, в рамках которых представляется нецелесообразным обособлять отдельные компоненты целостного поля социальных взаимодействий и отношений. Так, И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон и Ж.С. Иманавичене отмечают, что, на сегодняшний день ученые не пришли к единому мнению, что представляет собой социальный капитал организации [87]. "Некоторые исследователи выделяют четыре элемента социального капитала – социальные сети, общие нормы, ценности и доверие. Другие авторы выделяют три элемента, на основе которых формируется социальный капитал, – социальные сети, общие нормы и убеждения, – а также два обязательных для формирования социального капитала фактора – доверие и правила (на мезо-уровне и макро-уровне)" [87, С. 31]. Авторы предлагают рассматривать трехкомпонентную структуру социального капитала: 1) социальные сети, 2) общие нормы и убеждения, 3) доверие и правила на мезо- и макро-уровне, которые, по мнению авторов статьи, подлежат совершенствованию.

Сложные модели социальных взаимодействий и взаимообуславливаний рассматривают и сторонники институционального подхода, которые разделяя нормативно-ценностную трактовку социального капитала, показывают невозможность отделить источники его возникновения и воспроизводства от составляющих. В такого рода концепциях объём и преобладание тех или иных форм социального капитала в большей степени определяется состоянием основных социальных и политических институтов: уровнем развития рыночных отношений, реальной демократичностью устройства

государства, сформированностью правовых механизмов регулирования общественных отношений [179]. Хотя социальный капитал и признается в качестве значимых свойств социальных сетей. Близкие методологические принципы развиваются и в рамках синергетического подхода к проблематике социального капитала (Woolcock, Narayan) [187]. В концептуальном отношении синергетический подход предполагает структурную укорененность социального капитала, в то же время особое значение придается влиянию институциональной среды на процесс формирования социального капитала, в частности, деятельности государства. В рамках такого синергетического подхода деятельность государства становится важнейшим фактором формирования социального капитала посредством стимулирования гражданской активности. В конечном итоге, эта активность обеспечивает обратное стимулирование в виде эффективного государства. Однако проявиться этот эффект может лишь при условии определенных развитых форм социальной интеграции (сочетания вертикальных и горизонтальных связей между субъектами, сильных и слабых связей в кластерах социальных сетей).

В целом, философский анализ концепций социального капитала, функциональной роли этого понятия в методологии изучения современного общества и ресурсов его развития позволил выявить многоаспектность этого понятия, представленность различных мнений относительно его составляющих, структуры, функций. С нашей точки зрения, данное состояние закономерно, поскольку понятие социальный капитал относится по своей сути к широкой категории системных ресурсов, раскрывающих различные возможности развития индивидов, групп, социума и, таким образом, неотделимым от самого контекста системного развития. Смысл ресурсов может быть осознан только в контексте более широкой по уровню обобщения, более универсальной теоретико-методологической базы. В то же время очевидным является сам факт значимости концепции социального капитала, как присутствующая на современном этапе развития социума

возможность анализа и управления общественным развитием, осознание функциональности ресурсов социальных взаимодействий и социальных отношений, которые могут быть "инвестированы" для достижения как экономической продуктивности, так и социально-культурных показателей общественного благополучия.

Анализ существующих теоретических концепций социального капитала, проблематики развития современного общества позволяет предложить следующее функциональное определение данного феномена: социальный капитал — это совокупность ресурсов социальных взаимодействий и отношений, которые вызывают позитивные последствия для индивидов, групп, общества в целом. Функциональное определение социального капитала устанавливает возможность эмпирической проверки предполагаемой функциональности с использованием современных методов социологического анализа и математической статистики, что характеризует практически все исследования, направленные на изучение природы социального капитала, его влияния на значимые экономические, социокультурные показатели. В то же время, необходимо учесть что, функции социального капитала для индивидов, групп, общества в целом, в значительной степени определяются как латентные, должны быть выявляемы, прежде всего, теоретическими методами социально-философского анализа, обеспечивая междисциплинарную методологическую базу для интеграции возможностей различных подходов к проблеме выявления системных, комплексных ресурсов социальных взаимосвязей и взаимоотношений в современном обществе.

1.2. Структура социального капитала в контексте постнеклассической модели минимального универсума

Задача данного параграфа заключается в философском анализе взаимообусловленности и развития системы отношений личности и общества, части и целого в контексте анализа структуры социального капитала с использованием методологической модели минимального универсума.

Предыдущий анализ позволил выявить множество подходов, использующих понятие социальный капитал, определить функциональность этого понятия для изучения многих проблем современного общества, для исследования и технологизации управления сложными социальными системами. В самом деле, как справедливо отмечает Ханс Йоас, в период капитализации экономической деятельности общества появляется острая потребность в широком философском анализе взаимосвязи личности и общества для решения вопросов интеграции распадающейся социальной системы, определяя как проблему существование рационально действующего индивида, максимизирующего свою экономическую выгоду [45]. Освобождение экономического капитала, тесно связанное с освобождением индивида, сначала потребовало создания концепции «невидимой руки провидения», служащей обоснованием общественной эффективности свободы капитала и личности, затем уже в наше время привело к появлению и широкому признанию концепции «невидимой руки» рынка, как необходимого условия самоорганизации общества. В одной из своих фундаментальных работ «Дорога к рабству», оказавшее серьезное влияние и на судьбу перестройки в России, можно сказать служившей идеологическим знаменем реформаторов, Ф. Хайек указывает на этическую невозможность принудительного распределения экономических ресурсов, всегда оборачивающейся моральной трагедией и деградацией той системы власти, которая осуществляет распределение [156]. Экономическая эволюция

общества привела к определению рынка, эффективности его функционирования, как основного условия развития не только экономической, но и социальной, политической систем. Хайек писал о рынке как идеальном инструменте узнавания нового [158].

В этом контексте понятна та роль, которая отводится в современной методологии изучения общества понятию социальный капитал, как отражение: с одной стороны, существования социальных ресурсов, дополнительно необходимых к экономической капитализации и может быть более важных для целостности и развития общества, с другой, попытки найти такое же емкое и фундаментальное понятие, как, в свое время, найденное понятие «капитал», позволившее системно выявить структуру, конфликты и тенденции развития цивилизации.

Необходимо отметить, что важность развития социальных ресурсов хорошо осознана в современном государственном управлении, системной социальной аналитике, организационном менеджменте. Так, в послевоенной Германии за основу модели восстановления экономики и последующего социально-экономического развития была взята концепция ордолиберализма, позволившая создать феномен, эффективно действующей «рейнской экономики», сочетающей принципы добродетели и экономической эффективности. Реализованная в Германии модель получила название «социальное рыночное хозяйство», основная задача которого формулируется как диагностика и решение универсального системного конфликта свободы и справедливости, примирение на практике свободы рынка с социальным выравниванием [34]. Концепция социального рыночного хозяйства предполагает, что индивидуальная свобода является не только средством, но и ценностью. В экономической сфере реализация свободы-ценности предполагает наличие децентрализованных субъектов, способных самостоятельно принимать необходимые решения. Современное государство ответственно за создание условий для такой свободы. Порог опасности вмешательства государства наступает тогда, когда серьезно ограничивается

предпринимательская активность. Экономика рынка, будучи открытой, динамичной, высокоорганизованной системой, требует упрощения регулирующих норм, чтобы не потерять способности к инновациям, эффективному росту.

С другой стороны, рынок обладает ограниченными возможностями в сохранении стабильности и целостности общества – хорошо известные сегодня «провалы рынка» [165]. Среди них выделяются в качестве основных: неизбежный без построения системы перераспределения ресурсов рост поляризации общества по закону монополизации, открытому еще К.Марксом, концентрации ресурсов в «одних руках»; неспособность рыночной экономики регулировать производство общественных благ, бесконтрольное и расточительное использование ресурсов, находящихся в коллективном пользовании («трагедия общин»). Отсюда государственное вмешательство неизбежно и решающую роль здесь играет социальная политика, дополненная экономической стратегией перераспределения ресурсов [28]. Добиться синтеза экономической свободы и социальной справедливости возможно только при построении сложноорганизованной системы социальных, политических, экономических взаимодействий.

Более того, невозможность в силу социальных ограничений (политических, религиозных, экономических) организовать такого рода сложно-взаимосвязанные системы взаимодействий в сегодняшнем мире – прямой, хотя и не очевидный для населения и политической власти, путь к системным катастрофам. Денис Медоуз, известный своими неутешительными прогнозами относительно пределов роста человеческой цивилизации, называет такие ситуации «системными петлями», затягивающими свои узлы вокруг благополучия и выживания многих государств [88]. Таковы, например, сегодняшняя Индия, большинство стран Африки. Отсутствие пенсионного обеспечения поддерживает соответствующие демографические стратегии населения, которые уже через

несколько десятков лет способны породить исключительные, по своим масштабам, массовую нищету, голод, болезни, конфликты.

Как считают многие современные теоретики, только построение сильного, обеспечивающего стратегическую регуляцию и управление всеми сферами жизни общества и в то же время демократического, правового, социального государства способно справиться с надвигающимися системными кризисами, равно как и способствовать уменьшению влияния «провалов рынка» и «провалов государства» [152].

В силу указанных обстоятельств, невозможно сегодня, не потеряв ключевые аспекты социальных взаимодействий, значимых для проблематики социального капитала, отделить общество и государство, как важнейшего политического института социально-экономической самоорганизации. Наоборот, отсутствие отчуждения между государством и обществом, развитость основных контуров интеграции общества и государства свидетельствует об общественном благополучии, демонстрирует возможности дальнейшего развития этой сложной системы.

К наиболее важным подсистемам такой интеграции можно отнести:

1. Сформированность партийной системы и политического рынка, когда в рамках политической конкуренции между политическими лидерами и их программами реализуется гибкая система обратных связей между народом и государством, государство становится чувствительным к требованиям гражданского общества.

2. Развитость института массовой коммуникации, надежно и без искажений выполняющего свои функции информирования, социальной связи и регулирования, обеспечение преемственности.

3. Создание форм правового государства, построенного на регулировании социальных взаимодействий, прежде всего, на основе правовых форм, эффективной защитой законом и государственными органами прав и свобод личности.

4. Наличие экономической системы перераспределения ресурсов, легитимность налоговой системы, рациональный контроль за расходами государственного бюджета, уменьшение коррупции в работе государственного аппарата.

5. Построение системы всеобщего образования – необходимого условия развития творческой, активной и ответственной личности, способной компетентно и осмысленно играть необходимые сегодня политические, социальные роли. Известны статистические закономерности расходования государственного бюджета на образование. Если траты на систему образования составляют больше 5 процентов бюджета, то в долгосрочной перспективе это обеспечивает прогрессивное развитие страны [29]. Наоборот, недофинансирование системы образования приводит к отставанию в темах экономического роста, социальной и культурной деградации. Следует упомянуть, что, начиная с середины девятнадцатого века и до начала перестройки Россия опережала многие европейские страны по расходам на систему образования.

Возрастающая роль ресурсов социальных взаимосвязей и взаимоотношений в современных системах управления общественным развитием становится очевидна и в таких современных методологически, практически ориентированных концепциях как «креативный город» Чарльза Лэндри [78], методологии интерактивного планирования Рассела Акоффа [2], интерактивного моделирования Дж. Гараедаги [23], методологии мягкого системного подхода П. Чекленда [177], «креативной географии» (Р. Флорида [143], эффекта Медичи Ф. Йоханссона [46], многих других современных концепциях, которые условно могут быть названы «high-hume» (высокие гуманитарные технологии) — совокупность знаний, духовных и культурных ценностей, а также методов организации и коммуникации людей в коллективной деятельности.

В целом, важно отметить тенденцию увеличения сложности организации социальных систем, невозможность методологического

«препарирования» целого посредством искусственного отсечения предметных связей от контекста взаимосвязанности и взаимообусловленности. С нашей точки зрения, альтернативно к понятию экономический капитал, позволившему описать процессы освобождения от диктата целостности, структурную организацию общества на принципах автономизации акторов, рационализации их поведения в рамках рыночной самоорганизации, понятие «социальный капитал» должно фиксировать тенденцию нарастающего императива системности и взаимосвязанности при сохранении принципа свободы и автономии отдельных акторов, сочетания взаимодополняющих процессов интеграции и дифференциации.

Методологическим основанием для такого теоретизирования в нашей работе выступил универсальный подход, разработанный В.Г. Немировским [182]. В основе данного подхода положен "диатропический принцип минимального универсума, выражающий минимальное количество характеристик, необходимых для экспликации структурно-динамических качеств любой развивающейся системы. С точки зрения данного принципа, развивающаяся социальная система может быть описана посредством следующих характеристик: два полярных (взаимодополнительных) элемента, лежащих в основе существования и развития системы; три иерархических уровня, образующиеся в процессе развития системы (вещественно-энергетический, выражающий активность системы, связанную с решением задач выживания и закрепления на уровне устойчивого существования; функционально-организационный, на котором активность системы направлена на установление внутренних и внешних связей, обеспечивающих согласованность и целостность системы; духовно-информационный, выражающий выход за пределы ограничений, ориентацию системы на инновационное развитие и творчество)" [141, С. 131].

В рамках принципа минимального уровня появляется возможность осуществить анализ существующих концепций социального капитала, выявить методологические проблемы и возможности этого понятия. Так

целесообразно было бы дифференцировать формы социальных взаимодействий и отношений в соответствии с принципом минимального универсума, в рамках которого выделяется три условно-автономных уровня организации системы: вещественно-энергетический, функционально-организационный, информационный. Можно выделить разные эффекты, функциональные отношения, социальные формы и модели взаимодействия в соответствии с каждым из этих уровней и таким образом найти подход к систематизации концепций, посвященных проблематике социального капитала. В качестве основных двух противоположных элементов, противоречие между которыми разрешается в системе, определяющих в сущностном смысле понятие «социальный капитал», мы выделяем дихотомию индивидуальности (атомизированности) и коллективности (целостности). На каждом из трех уровней организации системы мы видим преобладание определенного способа решения этой дихотомии. Важно отметить, что для каждого этапа существования социальной системы характерно наличие форм, соответствующих каждому уровню, в той или иной форме (П. А. Сорокин) [130].

Вещественно-энергетическому уровню соответствует принцип атомизации действий акторов – в основу взаимодействия закладывается модель свободно действующих элементов в условиях конкурентной борьбы. Наиболее ярко этот тип социальных взаимодействий проявляется в экономической системе, построенной на принципах рыночных отношений. Выживание, страх и отбор «приспособленных», победа сильного становятся моральным императивом такого рода взаимодействий. На данном уровне социальный капитал может функционально определяться как ресурс в конкурентной борьбе, борьбе за власть между индивидами и группами, что соответствует подходу, развитому П.Бурдые. В конечном итоге, данное понимание позволило понимать категории экономического, социального, политического, культурного, символического капиталов как тесно связанных и взаимовлияющих друг на друга. Совокупный ресурс капиталов

определяется как фактор распределения власти в обществе, задает контуры социальной структуры общества [20].

Функционально-организационному уровню соответствует принцип диктата целостности, принцип детерминации роли каждого элемента в сложной иерархически и функционально организованной системе. Сама природа социальной организации требует реализации императивов подчинения системе, что становится все более очевидным в развитых человеческих сообществах, отсюда неслучайно стремление дополнить рыночные формы взаимодействий другими собственно социальными, что характерно, например, для уже упоминавшейся концепции социального рыночного хозяйства. В то же время, структурно-функциональный уровень, его принцип организации больше соответствует понятию «традиция», следование жесткому регламенту норм и обязательств, в котором норма воплощает коллективный разум, своеобразную мудрость системы. В рамках такой организации любая инновация может привести к разрушению целостности системы, отсюда известный конфликт между сторонниками либерализма, свободы и сторонниками консерватизма, ответственности и взаимозависимости. Не стоит забывать, что «неосторожное» реформирование советской системы породило системный «эффект домино» – множество катастрофических и неизбежных трансформаций, как по цепочке затронувших каждый аспект социальных взаимоотношений, от коллективных до личных.

На структурно-функциональном уровне социальный капитал может заключаться в ресурсах, предоставляемых социальными ролями, и закрепляется в исторически сложившихся понятиях, отражающих важность следования нормам: «репутация», «честь», «служение долгу», «обязательства». Этим формам социального взаимодействия придавали большое значение представители структурно-функционального подхода, начиная от Дюркгейма и Вебера, заканчивая Парсонсом и Мертоном.

Так, Фукуяма, анализируя сущность природы социального капитала, пишет, что «приобретение общественного капитала требует адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоения в его рамках таких добродетелей как преданность, честность и надежность» [151, С. 54], «социальный капитал вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными» [151, С. 54], «способность к ассоциации, зависит от существования внутри сообществ норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, а также готовности последних подчинить свои интересы интересам группы» [151, С. 26]. Согласно подходу Фукуямы, результатом общих норм и ценностей становится доверие – «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [151, С. 52]. Такой подход позволяет Фукуяме определить социальный капитал как «определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами» [151, С. 52]. Этот потенциал доверия может быть воплощен и в семье, и в нации, и во всех коллективах, существующих между ними.

Необходимо отметить, что Фукуяма, подобно и развиваемой нами дифференциации, противопоставляет игру двух сил, которые в целом определяют общественный прогресс [149]. Первая – сила рационального желания удовлетворения своих материальных нужд посредством накопления капитала, богатства, которая соответствует принципу атомизации, рациональной максимизации пользы. Вторая – желание признания, когда человек ищет оценки собственного достоинства от других, связанной с регулирующими эмоциями гнева, гордости и стыда. В то же время практическое изучение распределения социального капитала в разных странах в связи с их экономическими успехами, приводит Фукуяму к необходимости выделить не два, а три типа преобладающих форм социальных ассоциаций.

К первому типу ассоциаций Фукуяма относит "подлинно индивидуалистические общества, члены которых не умеют объединяться

друг с другом". «В таких обществах слабыми являются и семья, и добровольные объединения, а наиболее крепкими сообществами подчас оказываются преступные группировки» [151, С. 57]. В качестве примера индивидуалистических обществ Фукуяма называет Россию, другие бывшие коммунистические страны.

Более высоким уровнем социализированности обладают, согласно Фукуяме, фамилистические общества, то есть такие, в которых семья, кланы, племена являются наиглавнейшим путем реализации общественного инстинкта. Поскольку между людьми не существует иного базиса доверия, кроме родства, то добровольные ассоциации в такого рода сообществах, как правило, слабы, (КНР, Тайвань, Франция).

Наконец, противоположны фамилистическим сообществам те, для которых характерен высокий уровень обезличенного социального доверия (Япония, Германия), что предполагает возможность создания широкого спектра добровольных ассоциаций, оказывающих благотворное влияние на все системы общества. В политической сфере распространение добровольных организаций дает возможность обеспечить контроль за деятельностью государства, в экономической – уменьшить траты на «недоверие» и становится основным условием успешности экономики в целом, в социокультурной сфере – обеспечить согласованность действий по достижению полезных для общества целей.

Таким образом, именно добровольность объединения людей, их способность ради реализации общей цели сотрудничать, синтезируя свои интересы и интересы общественные, выделяется Фукуямой как индикатор более высокого уровня развития доверия и спонтанной социализированности общества. Здесь точка зрения на природу социального капитала Фукуямы совпадает со взглядами Дж. Коулмена, который констатировал, что «в отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойствен структуре связей между акторами и среди них. Это не зависит ни от самих акторов, ни от средств производства» [65, С. 124]. Соответственно, в широком

собираетельном понятии социального капитала исследователи выделяют различные его разновидности. Одно из наиболее часто делаемых различий между открытым социальным капиталом («bridging social capital») и закрытым социальным капиталом («bonding social capital» – от слова bond – узы, обруч).

Открытый социальный капитал соотносится с созданием широких общественных коалиций. Согласно обобщению Полищука Л.И., «для его возникновения необходимо доверие не только близким, не только членам своей семьи, хорошим знакомым, надежным друзьям, но и обществу, людям вообще. Говорят, что в таких случаях велик радиус доверия. Кроме того, в обществе должны широко разделяться одни и те же нормы и ценности, и действовать так называемая универсальная мораль, когда вы относитесь к людям, вне зависимости от того, близки они вам, или нет, примерно с одними и теми же мерками. То, что хорошо или плохо в отношении близких и друзей, должно быть хорошо или плохо в отношении окружающих вообще» [110]. Социальный капитал такого типа обуславливает возникновение "широких" общественных коалиций, которые иногда условно называются «группами Патнэма».

Закрытый социальный капитал, в противоположность открытому, опирается на ограниченную мораль, то есть человек с различными моральными мерками относится к близким и чужим для их окружения людям. "Радиус доверия" в данном случае не может быть большим и способен обеспечить возникновение "узких" групп интересов. Условно эти группы называются «группами Олсона».

В рамках развиваемого нами подхода социальные взаимодействия, ассоциации, которые по своей структуре тождественны «группам Патнэма» или добровольным организациям Фукуямы с высоким уровнем обезличенного социального доверия, соотносятся с третьим информационным уровнем минимального универсума. Возможность их появления определяется сложной системой сопряженных трансформаций,

включающих уровень развития человеческого сознания, распространения соответствующих норм, ценностей, развитие соответствующих компетенций, мотиваций, равно как развитие определенного типа социальных структур, разработанности социальных технологий.

Информационному уровню соответствует разрешение в разнообразных интегративных формах дихотомии индивидуальности и коллективности, свободы и системной необходимости, разворачивающийся в различных современных направлениях социальных технологий, менеджмента, этики поиск, еще далекий от своего завершения. Можно согласиться с мнением значительной части авторов концепций социального капитала, прежде всего, Патнэма, что именно принцип добровольного участия, развитие разнообразных организационных форм, в которых воплощается принцип добровольности, становится решающим в понимании функциональной роли такого рода социальных взаимодействий для развития современного общества. Принцип добровольности, соучастия, сотворчества, партнерства интегрирует свободу актора и системную целесообразность, становясь действенным способом разрешения противоречий присущих современным сложным социальным, экономическим, политическим, культурным системам.

Так, Р. Акофф, известный авторитет в области системного анализа, менеджмента, исследования операций, приходит к выводу, что модель организации-машины, когда цели подсистем совпадают с целями системы, в современной организационной культуре меняется на модель организации-организма, которая обретает качество социосистемности. Принцип социосистемности заключается в необходимой демократизации организации, когда в принятии решения участвуют все заинтересованные лица. Причина такой эволюции связана с усложнением внешней среды для организации, которая становится гиперконкурентной, турбулентной, резко возрастает объем информации, что требует самостоятельного принятия решений на уровне частей подсистемы. Многолетняя практика консультирования

государственных и коммерческих организаций в рамках созданной Акоффом методологии интерактивного планирования показала, что решение проблем, которые возникают перед организациями возможно только при последовательной реализации идеи социосистемности. Причем практическая реализация социосистемности требует, с одной стороны, соблюдения принципа добровольного участия всех заинтересованных сторон, с другой стороны, неукоснительного выполнения процедуры интерактивного (совместного) планирования, которая для благополучия организации оказывается более важной, чем ее результат – разрешение конкретных экономических, организационных проблем [175].

Важно отметить, что вызов информационной сложности, характерный для нашего времени, порождает ситуацию, когда коллективное действие, коллективное принятие решений, в соответствии с разрабатываемыми организационными демократическими процедурами, становится единственной возможностью для развития организаций, принятия оптимальных решений. Социальный капитал в этом контексте выступает как возможность добровольного сотрудничества, рождающего не только выгоды согласованного действия, на что обращает внимание большинство авторов концепций социального капитала, но и «эмерджентные» качества коллективной креативности, интеграции противоречивых системных требований устойчивости и изменчивости, порядка и хаоса, управления и самоорганизации.

Значение демократических процедур, предполагающих принцип добровольности, складывается и в сложной системе «вертикальных» связей взаимообуславливания гражданского общества, государственной власти, местного самоуправления с учетом возможностей и перспектив развития современных социосистемных технологий.

В частности, широкую известность приобрела в современном государственном и муниципальном менеджменте концепция «креативного города». Согласно этой концепции, перемены в экономике (формирование

индустрии знаний), высокая мобильность населения (опасность «утечки мозгов», потоки миграции), глобализация, формирование информационного общества, растущий мультикультурализм и другие сопряженные факторы привели к неизбежным переменам в жизни городов. Города все в большей мере становятся аттракторами мировых потоков: людских, грузовых, информационных, инвестиционных, выполняя в глобальной системе функции управления, контроля и логистики, при этом жестко конкурируя между собой. Важнейшая задача любого современного города – выявить и научиться качественно использовать свои специфические возможности и ресурсы и, что более существенно, научиться активировать творческие способности своих жителей, адаптировать и применять их к любым открывающимся возможностям.

Как показано Чарльзом Лэндри, "успешные города имеют много общего: ярко мыслящие индивидуальности, обилие творческих организаций, ясные политические цели. Их развитие следует выверенному, решительному, но отнюдь не детерминистскому пути. В них широко распространено лидерство, пронизывающее государственный, частный и некоммерческий секторы. Это проявляется в смелых общественных инициативах, и в рискованных частных инвестициях, в сетях, образующих плотную ткань взаимосвязанных коммерческих и общественно полезных проектов" [78, С. 25].

Анализируя результаты исследований городской жизни и опыт консультирования за последние два десятилетия, Ч. Лэндри выявил основные принципы организации, различающие процветающие и умирающие города. Как было им показано, для решения проблем в успешных городах широко используются следующие универсальные принципы:

- "необходимость вовлечения людей, непосредственно испытывающих сложности, в обсуждение, поиск решения, внедрения решений проблемы;
- создание открытой образовательной среды как для тех, кто решает проблемы, так и для тех, кого эти проблемы непосредственно затрагивают;

- формирование системы решений, устойчивых с культурных, экономических, социологических и экологических событий" [78, С. 49].

Как считает Ч. Лэндри, опираясь на свой многолетний опыт успешного консультирования, "изолированные системы больше не имеют будущего" [78, С. 67]. Решающее значение, обеспечивающее успех, имеют сегодня партнерство, сотрудничество и коммуникации. Ключевыми факторами при этом становятся культура и те конкретные политические и социальные механизмы, с помощью которых определяются и расставляются приоритеты проблем, определяются ценности, задаются цели. Концепция креативного города складывается из множества составляющих. Важна активность населения, объединяющегося для решения проблем, важен диалог власти и населения, важен уровень креативности и инновационности населения, отсутствие полярного мышления, наличие лидеров. Одна из ключевых технологий развития современного города – формирование креативных кластеров. Фирмам, работающим в сфере знаний и креативности, нужна комфортная, стимулирующая среда. По этой причине они предпочитают располагаться вблизи друг от друга, создавая так называемые креативные кластеры.

Понятие креативный кластер предполагает группу творческих предприятий, находящихся в тесном соседстве друг с другом, что обеспечивает условия социального и общественного развития территории. Креативный кластер – это место, физическое пространство, где критическая масса предпринимателей, "интеллектуалов, общественных деятелей, художников, политиков или студентов может существовать в открытой космополитической обстановке, где взаимодействие лицом к лицу порождает новые идеи, услуги и институты, приводящие к успеху" [78, С. 199].

В целом, проведенный анализ показывает возможность понимания природы социального капитала в соотнесённости с определенными уровнями организации социума (вещественно-энергетическим, организационно-функциональным и информационным). Информационному уровню развития

социума соответствует разрешение в интегративных формах дихотомии индивидуальности и коллективности, свободы и системной взаимосвязи, синтез, разворачивающийся в разнообразных новых формах социальных отношений и взаимодействий. Природа социального капитала, соответствующего информационному уровню, может быть раскрыта через соответствующие социальные структуры, рутинные практики и социальные технологии, нормы и ценности, обеспечивающие возможность такого рода синтеза. Вместе с тем, важно указать на существенную нелинейность такого рода взаимодействий, проявляющуюся через их системную взаимообусловленность, к изучению которой можно приступить и в ходе теоретического анализа, чему будет посвящен следующий раздел работы, и в эмпирических исследованиях, определяя методами математической статистики устойчивые, сопряженные между собой характеристики (подход, в свое время предложенный П. Бурдьё).

В рамках развиваемой нами дифференциации можно более операционально подойти к проблеме, которую поднимают многие российские исследователи социального капитала. В.Л. Римский, например, отмечает, что в «российском социуме, как и в социумах всех развитых стран мира, в период постиндустриального развития повышается значение социального капитала, понимаемого как совокупность социальных связей и отношений» [116]. При этом В.Л. Римский отмечает, что социальный капитал "не всегда является позитивным ресурсом развития общества, поскольку, используя свои связи и взаимодействия в обществе, некоторые социальные группы и отдельные индивиды могут добиваться реализации не общественно значимых, а корыстных интересов" [116]. Такую деятельность, считает автор, следует определять как коррупционную, вне зависимости от того, нарушаются ли этими группами нормы законодательства или нет. В современной России рост уровня коррупции сопряжен с ростом объемов социального капитала, так как для распространения коррупционных действий нуждается в соответствующих социальных связях и отношениях.

В российском обществе уровни накопленных к настоящему моменту социальных капиталов имеют нелегальный или коррупционный характер, поэтому качество социального капитала в России В.Л.Римский оценивает как низкое. Это проявляется в российском социуме как низкий уровень взаимного доверия, готовности коллективно решать общественные проблемы, а также в неуважении к праву и закону. Кроме того, как считает автор, под влиянием коррупции становятся всю более неформальными "наиболее значимые социальные связи российских граждан, предпринимателей, государственных и муниципальных служащих, а уровень регулирования социальных взаимодействий нормами права, морали и нравственности постоянно снижается" [116].

Можно отчасти согласиться с мнением В.Л.Римского относительно диагноза постепенной трансформации социальных связей и отношений в России. В то же время введение понятия низкое и высокое качество социального капитала, что не определяется автором, неоправданно усложняет анализ сложной социальной реальности с помощью концепции «социальный капитал».

На недостаточность операционализации понятия социального капитала обращают внимание и Л.Н. Федотова, Н.Н. Федотов [142], указывая, что «доверие является основой социального капитала только тогда, когда оно лишено родственной или клановой ограниченности, бандитской «повязанности», а предполагает многообразия форм социализации, ориентировано на доверие между всеми людьми. Социальный капитал может, таким образом, приватизироваться, как любой другой капитал, но это — совсем не то, в чем заинтересовано общество» [142, С. 123].

Спорным в концепции авторов представляется недифференцированное утверждение о том, что социальный капитал включает ценности, пригодные для общества в целом. В то же время, можно согласиться со сделанными авторами выводами на основе изучения социального капитала в социальных группах, "которые клановы, корпоративны и представляют

собой в лучшем случае форму приватизации социального капитала". Условием формирования полезного социального капитала является "интеграция социального капитала слоев и групп гражданского общества, ориентированных на ценности общества в целом" [142, С. 124].

В целом, трудно не согласиться с мнением Джудит Л. Твигг, что «операционализация и измерение социального капитала – задача сложная в любом контексте. Даже между учеными, пытающимися приложить концепцию социального капитала к странам Запада, где она зародилась и приобрела наибольшую значимость, возникают серьезные разногласия и противоречия. Приложить же эту концепцию к России – значит вступить на «минное поле», таящее в себе еще более коварные ловушки интеллектуального и практического свойства. Применимость понятия «социальный капитал», как оно определяется сегодня в западной научной литературе, по отношению к незападному обществу далеко не очевидна» [132, С. 123].

Соглашаясь, в общем, с мнением авторитетной исследовательницы о необходимости более тщательной методологической разработки понятия социального капитала, подчеркнем, что с нашей точки зрения проблематичность его оформления, заключается, прежде всего, в попытке чрезмерно упростить сложность современных социальных систем, в недостаточной развитости методологической базы, которая апеллировала бы к качествам системности, диалектики самоорганизации и сложности, ставшей одним из ключевых интересов как современной социальной философии, теоретической социологии, так и многих социосистемных технологических подходов.

Возвращаясь к обсуждению методологических проблем, связанных с понятием социальный капитал, следует отметить, что использованная в нашей работе дифференциация подходов к пониманию природы социального капитала в соответствии с тремя уровнями минимального универсума (вещественно-энергетического, структурно-функционального и

информационного) находит свое соответствие ряду ранее разработанных подходов. Авторы этих подходов устанавливают важность учета факторов различной природы. Особое значение для нашей работы имеет понимание системной взаимосвязанности этих факторов и взаимодополнительность различных точек зрения в понимании эволюционирующих форм и ресурсов социальных взаимодействий.

Уже в самом начале пути развития научного понимания общественного прогресса О. Контом был сформулирован не потерявший своего значения принцип трех стадий: переход от неосознанного единства к этапу распада целостности системы, конкуренции и обособления ее элементов и, далее, к осознанному единству. Возможность реализации осознанного единства определяется научным познанием причин потери изначальной целостности и тех необходимых осознанных действий, которые на новом качественном уровне интегрируют элементы в целостную систему [44].

С этой позиции недостаточно в понимании природы социального капитала ограничиться «горизонтальными» связями, спонтанно возникающими внутри социальных сетей, добровольных организаций, требуется комплексное изучение взаимодействия упомянутых «горизонтальных» связей и множества других связей и взаимообуславливаний, определяющих развитие социальной структуры общества. Среди прочих, прежде всего, необходимо выделить ценностные, нормативные, смысловые, организационные факторы, выражающие природу уровней организации социума.

В значительной степени развиваемый в данной работе подход соотносится с постнеклассической (универсумной) теорией рациональности Д.О. Труфанова, который в рамках методологии минимального универсума строит общую теорию рациональности, определяя рациональность как совокупность "рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированных рефлексивными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов" [140].

Трем уровням социальной организации (вещественно-энергетическому, функционально-организационному и информационному), в соответствии с концепцией Д.О. Труфанова соответствуют типы рациональности, «представляющие собой когнитивное оформление актуальных отношений рефлектирующего субъекта с действительностью, детерминированных ценностно-потребностными основаниями его деятельности» [141]. Данные типы маркированы автором терминами Л. Колберга (стадии морального созревания личности): преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный типы, соответственно.

Преко́нвенциональный тип рациональности связан с докооперативным (индивидуально ориентированным) поведением членов организации. Для этого типа характерна рациональность *Homo Economicus*, то есть стремление к максимизации личной выгоды при минимизации собственных затрат. Конвенциональный тип рациональности возникает из рефлективного оформления ценностной системы индивидов, связанной с кооперативным, то есть ориентированным на групповые нормы и ценности, поведением членов организации (рациональность *Homo Sociologicus*). Цели-ориентации, соответствующие информационному уровню, определены актуальностью ценностей духовного уровня. Рефлективно оформляются и осознаются на этом постконвенциональном уровне отношения индивидов с действительностью, связанные с их стремлением к самоактуализации и творчеству [141].

В то же время отметим, существующую методологическую сложность изучения и типологизации рационального поведения акторов. В частности - возможность сосуществования различных типов рациональности, с соответствующими ценностями-ориентациями. Так стремление к творчеству может не противоречить и индивидуально-ориентированному поведению акторов с рациональностью *Homo Economicus*. Например, в теории инвестирования Р. Стернберга и Т. Лаберта устанавливается соответствие предпринимательской и креативной деятельности. Креативным можно

считать человека, который стремится и «покупать идеи по низкой цене и продавать по высокой». «Покупать по низкой цене» означает уметь верно оценивать потенциал развития и возможный спрос неизвестных, непризнанных, малопривлекательных идей, сопротивляться давлению среды, непониманию и неприятию и доводить идеи до реализации, «продавая по высокой цене» [186].

Глубокое различие основных типов социальных взаимодействий: социал-атомических (свобода от целого), социал-органических (подчиненность Идолу, ограниченному социальному целому) и гармонических связей (творческая свобода и одновременно принадлежность универсумному бытию), в которых легко устанавливается сходство с развиваемой нами дифференциацией, сделано Г.С. Батищевым – известным представителем российской философской традиции. В своей работе «Диалектика творчества» Батищев вводит творчество в качестве основного способа бытия, а не просто как одну из характеристик человека. Анализ этого бытия предполагает разработку целостной антропологической и социальной концепции творчества [8].

Для индивида, заключенного в социал-органические связи в целом характерно послушно и некритично следовать инерции множественности, настраиваться и подделываться под навязчивые признаки стереотипно-массовых трафаретов своим поведением, мыслями, оценками, чувствами, мотивами. Социал-органические связи несут в себе ориентацию индивида на абстрактные, массово обезличенные признаки, соблюдение которых поверхностно избавляет от трудной постоянной работы над собой как субъектом. На этом уровне индивид не способен проявлять себя как самостоятельный, инициативно-ответственный, осуществляющий свободный выбор и находящий творческие решения деятельный субъект.

Для социал-атомистических связей характерно, что человек выступает вне социального, духовного контекста как самодовлеющая единица. Социал-атомистические связи выступают как связи-делка, связи безразличия.

Творчество на уровне таких связей превращается в плюралистический культ оригинальности, обусловленную самой природой этих связей ненасытную жажду оригинальности, движимую Диктатом Рынка и Моды.

Наконец, связи, которые философ называет гармонические, определяют подлинно творческое отношение к миру. Для гармонических систем глубинное измерение творческой деятельности «выступает не столько как производство чего-то нового, сколько как общение, общение между-субъектное, меж-парадигмальное и над-парадигмальное» [74, С. 528].

Чтобы лучше пояснить мысль Г.С. Батищева, укажем на современные работы в области исследований природы гениальности, равно как и методологические разработки процедур коллективного творчества, когда готовность и умение посмотреть на мир по-иному сочетается с готовностью и умением осуществить творческий синтез разных точек зрения, что и является предпосылкой продуктивности и гениальности [18, 27].

Как пишет В.А. Лекторский, анализируя творчество Батищева и перспективы развития его концепции, «для гармонических систем характерна особая логика развития: не логика снятия всех инородных элементов, как это имеет место в органических системах, и не логика плюрализма, характерная для систем атомистических, а логика полифонирования, логика принципиально не-антагонистических отношений, логика сотворчества. Созидание нового и наследование (как культурной традиции, так и объективной диалектики Вселенной) предполагают друг друга» [74, С. 528].

В целом можно отметить, что взгляды на эволюцию природы социальных взаимодействий Батищева, продолжили традиции русского космизма, философии положительного всеединства. Новые измерения, открывающиеся перед человечеством, требуют особого, универсального отношения к человеку, изучение органической взаимосвязи антропологических и социальных измерений. Когда В.С. Соловьёв и его последователи определили положительное всеединство как идеал

совершенной организации, когда "единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех... истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия" [129, С. 94] они предполагали под этим единую модель для разрешения основных конфликтов современности, опережая современную им мысль, заглядывая в суть антропных и социальных взаимодействий наступающего времени. Особое значение русские философы придавали пробуждению творческого начала в человечестве, предполагая, что в человеческом творчестве и проявляется положительное всеединство, выражается творческое существо Бога. Как писал Н.А. Бердяев, в творческом акте создается мир иной, подлинный космос. «В творческом экстазе побеждается тяжесть мира, сгорает грех и просвечивает иная, высшая природа» [15, С. 146].

Попытки создания действенной в практическом смысле методологии системного развития человека и социальных, универсальных взаимодействий были предприняты в 20 веке многими исследователями. Особенность этих подходов – расширение антропных и социальных взаимосвязей до универсальности и через этот процесс - исцеление, восстановление, развитие системы отношений, связующих человека и универсум во всем своем многообразии, реализация человека, как писал Н.А. Бердяев, как микрокосма, в котором "раскрывается универсум",.

Таковы, по сути, плодотворные концепции индивидуации К. Юнга [173], синергизма А. Маслоу [84], телеотношений Якоба Морено [92], здорового общества Э.Фромма [146], экзистенциального невроза В. Франкла, Р. Мэя [144, 93], концепции развития суперкультур Питирима Сорокина [130].

Например, Абрахам Маслоу, пытаясь решить проблемы дихотомии свободы и необходимости в человеческих сообществах, следуя за Рут Бенедикт, вводит концепцию «синергизма». Он определил синергизм как соответствие желаний субъектов и требований общества. Сравнительные исследования сначала Р. Бенедикт, затем А. Маслоу выявили функциональные последствия высокого или низкого уровня синергизма,

которые проявляются целостным комплексом: в отношениях членов сообществ, поведении групповых лидеров, в соответствующих религиозных представлениях. Культуры с наказывающими, карающими божествами, непомогающим поведением по отношению к членам сообществ, эгоистичным поведением лидеров, соответствуют низкому синергизму. Наоборот, проявления доверия и альтруизма, «служащие обществу» лидеры, прощающие, милостливые божества характерны для высокосинергичных сообществ. Маслоу соотнес самоактуализацию, примирение внутренних конфликтов индивидов как факторы развития синергичных отношений [84]. В этом контексте, три этапа развития потребностей индивида, выделенные Маслоу (выживание, социальное признание, самоактуализация) соответствуют обсуждаемой схеме развития социальных взаимодействий, где уровень самоактуализации есть глубинное и творческое разрешение конфликта между индивидуальным и коллективным.

Близкие представления, были, в свое время, развиты Э.Фроммом, как инициированными экзистенциальными дихотомиями пути поиска единства между человеком и окружающим миром. Продуктивный путь примиряет противоречия между индивидуальным и коллективным, порождает биофильную ориентацию личности, соответствующий социальный характер с развитием ценностей любви и творчества [146].

С развиваемых нами позиций проблематичным является расширение области рыночных моделей капитализации на все большее количество сфер общественной жизни, редуцирование «искусства жить вместе» до элементов конкурентных отношений. Такого рода системное упрощение не позволяет ни методологически, ни практически содействовать антопо- и социогенезу, который направлен, как считают сегодня ведущие теоретики в области системного анализа в сторону увеличения системной сложности, комплексности. Попытки редуцировать сложность с точки зрения концепции Н.Лумана, разрушают целостность, ведет к нарастающей опасности «малых и больших резонансов» [77].

Сегодня мы видим оформление идеологии политического рынка и политического маркетинга, электорального рынка, рынка услуг некоммерческих организаций, появление модели маркетингового государства. Одними из первых опасность данного процесса Т. Адорно, М. Хоркхаймер осмыслили в своей концепции индустрия культуры [160]. Сам П.Бурдьё называл политический рынок одним из наименее свободных рынков, в силу профессионализма игроков, производящих политическую продукцию.

В некотором смысле, вызов системной сложности брошен сегодня практически всем институтам власти и управления современного общества. Стремительное становление информационного общества, как и многие другие глобальные процессы, требуют радикального методологического переосмысления и синтеза на новом уровне диалектики взаимоотношений части и целого, личности и общества, свободы и ответственности. Сегодня как никогда ранее стали очевидными угроза односторонности и потери взаимодополнительности конфликтующих частей целого. В то же время логика и практика полифонирования, развития интегративных начал в социальных системах, того самого «социального клея», который и получил название социального капитала, хотя, по сути, этот вид капитала только условно можно соотнести с экономическим капиталом, только еще начинает складываться, проявляясь больше как позитивные тенденции, чем устойчивый инновационный процесс.

2. Основные направления системной трансформации современного общества, связанные с развитием соответствующих форм социального капитала

2.1. Формы социального капитала, соответствующие развитию информационного общества, инновационной экономики

XX век подтвердил фундаментальное положение теории Маркса о том, что развитие производительных сил, научно-технического, инновационного потенциала играет базовую роль в историческом процессе. При этом динамика трансформационных изменений социума определяется как развитием субстанционального потенциала (новые технологии производства и распределения вещественного, информационного продукта), так и функционального блока управления этим потенциалом. Соответственно, концепция информационного общества, возникшая в конце 60-х, начале 70-х годов констатировала неизбежность качественной трансформации общества, связанной с радикальными изменениями производства [4]. Производство информационного продукта, а не продукта материального, по мнению авторов этой концепции, становится движущей силой образования и развития новой формы социума. Развитие компьютеризации постепенно будет избавлять людей от рутинной работы, обеспечив высокий уровень автоматизации производства. Сам продукт станет более «информационно емким», что приведет к значительному увеличению доли научных разработок, инноваций, дизайна, маркетинга в его стоимости.

Действительно современная экономика демонстрирует, иногда воспринимающиеся как курьезы, новые пропорции между интеллектуальным и физическим трудом. Так, в изобретении в конце двадцатого века нового поколения моющих средств кампанией Проктер энд Гэмбл, как иронически описывает Дж.Лерер, было занято больше ученых, чем в Массачусетском технологическом, Беркли и Гарварде вместе взятых.

Многолетняя работа увенчалась успехом, принесшем компании миллиарды долларов – принципиально отличающейся от традиционной конструкции половой швабры [76].

Значительным вкладом в развитие идей глобального информационного общества стали работы Д. Белла, И. Масуды, Э.Тоффлера, М. Кастельса, М.Макклюена, других авторов. Существенное значение эти авторы придавали росту значения инноваций, соединению науки, техники и экономики. «Любое современное общество живет за счет инноваций и социального контроля за изменениями, – писал Д. Белл. – Оно пытается предвидеть будущее и осуществлять планирование. Именно изменение в осознании природы инноваций делает решающим теоретическое знание» [176, Р. 20]. Знание и информацию Белл считал катализатором и стратегическим ресурсом трансформации постиндустриального общества. Схожую позицию относительно роли знания и информации занимал японский ученый И. Масуда, который предполагал, что информационно-технологическая революция порождает новые производительные силы, определяемые массовым производством знания, систематизированной информации, современных технологий. «Граница познанного» станет потенциальным рынком, интеллектуальное производство – ведущей отраслью экономики [85].

Важно осознать, что речь идет не только о том уровне знаний, которые как писал Ю.Хабермас можно причислить к первому типу знаний, обслуживающего интересы аналитических наук, власти и классических позитивистских научных систем [117]. Начавшееся с работ постмодернизма переосмысление роли семиотической составляющей в организации систем мышления, социального порядка привело к большей гибкости в построении методологии знания, углубленной рефлексии относительно природы совместного знания, его взаимосвязанности с эволюцией социальных институтов. В частности уже упоминавшиеся современные высокие гуманитарные технологии ставят своей целью достижение сотрудничества и

согласованности через развитие коммуникативных систем. В конечном счете, построение правильных коммуникаций было осознанно такими теоретиками как Ю. Хабермас в качестве ключевых изменений, обеспечивающих возможность развития общества, его перехода к качественно новому этапу – коммуникативному [153].

Сегодня становится очевидным, что экспансия информации в рамках глобального мирового сообщества порождает множество противоречивых взаимосвязанных нелинейных процессов. В контексте анализируемой проблематики нами представляется целесообразным выделить несколько направлений модернизации, актуальных с точки зрения развиваемой в данной работе концепции социального капитала.

Как уже отмечалось нами ранее, информационному уровню развития социума соответствует разрешение в интегративных формах дихотомии индивидуальности и коллективности, свободы и системной взаимосвязи, синтез, разворачивающийся в разнообразных новых формах социальных организаций и взаимодействий. Предложенные различными практиками и теоретиками такого рода организационные принципы, например, социосистемность (Р.Акофф), дискурс (Ю. Хабермас), жизнеспособные системы (С. Бир), самообучающиеся организации (П. Сенге), креативный город (Ч. Лэндри), креативный капитал (Р. Флорида) соединяют вместе требования дифференцированности элементов и интеграции их в целое на основе принципов добровольности, коммуникации, ответственности, творчества, совместного планирования. Можно согласиться с мнением значительной части авторов концепций социального капитала, прежде всего, Пэтнема, что именно принцип добровольного участия, развитие разнообразных организационных форм, в которых воплощается принцип добровольности, становится решающим в понимании функциональной роли такого рода социальных взаимодействий для развития современного общества. Принцип добровольности, соучастия, сотворчества, партнерства интегрирует свободу актора и системную целесообразность, становясь

действенным способом разрешения противоречий, присущих современным сложным социальным, экономическим, политическим, культурным системам.

В то же время, развитие этих принципов в современном мире находится только в самом начале своего развития, взаимосвязано и взаимообусловлено с системной трансформацией человеческого интеллекта, систем образования, морали и нравственности, мировоззрения в целом.

Серьезное внимание исследователей привлекают сетевые структуры, существенным образом изменяющие представления о структурно-функциональной основе самоорганизации общества. Начиная с пионерской работы М. Кастельса [51], созвучной не менее известным концепциям М. Маклюэна «Галактика Гуттенберга» и «Глобальная деревня», [81] современные авторы все большее значение придают этим видам социальных взаимодействий - социальным сетям, с присущими им новыми формами структурных отношений [124]. В частности, М.М. Чучкевич отмечает парадоксальность социальных взаимодействий внутри сетей, основную идеологию которых он обозначает как "конкурентное сотрудничество" [163].

Не менее актуальна проблематика новых форм самоорганизации общества, рождающаяся как система непрерывного и дополнительного образования, самообразования. Новые технологии тиражирования и распространения информации, несмотря на возможные злоупотребления, значительно ускоряют процесс обретения продуктивной системы ориентации, которая является одним из необходимых, согласно Э.Фромму, условий здоровья общества и саморазвития личности. Юрген Хабермас определяет новые формы рациональности, соответствующие современным формам общественной самоорганизации, как «наличие желания (у способных говорить и действовать) приобрести недостающие знания и правильно использовать их» [154, С. 324], а в качестве современной основы рационализации он видит непрекращающийся дискурс в структурах жизненных миров.

В целом, представляется целесообразным достаточно условно (в силу их тесной взаимозависимости и взаимосвязанности) выделить три основных направления системной трансформации социума, связанных со становлением и развитием информационного общества, непосредственно связанных с развитием современных форм социального капитала: возрастание роли творчества, усиление роли образования, формирование современных коммуникативных систем.

Многочисленные исследователи отмечают, что творческий, интеллектуальный труд к сегодняшнему дню превратился в деятельность массового масштаба. Причина этого – роль инноваций в организации современного общества. Начиная с Нового времени, модерн, индустриализация общества проходила под знаком нарастающего темпа инноваций. Поскольку от разработки и успешного внедрения инноваций на рынок зависит прибыль, успех и выживание, то творческая, интеллектуальная деятельность, создание необходимых условий для нее все больше становилась приоритетом. В этом контексте конкурентная борьба как на уровне отдельных индивидов, так и отдельных компаний, соперничество территорий, государств в целом сделало принцип благоприятствования креативности ключевым фактором экономического преуспевания.

В самом деле, начиная с Нового времени, формирующиеся институты государственной власти, рынка, гражданского общества показали неуклонный характер трансформации общества от традиционного к современному, демонстрируя взаимообусловленность и сопряженность многих процессов, направленных на ускорение инноваций и создание условий для массовой креативности. Отметим, что взаимосвязь креативности и модернизации долгое время оставалась вне внимания социальной философии, хотя природа и структура самого творческого процесса как конституирующего человека и общество активно изучалась в различных психологических и философских направлениях.

Начало концептуальных разработок этой проблематики связано с именем Г. Тарда, который впервые рассмотрел эволюцию общества через процесс развития изобретательства. Изобретения имеют в целом сложный комплексный характер и возникают как ответ на потребности индивида, равно как и потребности общества. Появляясь как результат творческих усилий отдельной личности (сегодня можно было бы указать и на коллективность творческого процесса), внедряются изобретения при условии их соответствия социокультурным ценностям и нормам данного общества [134]. В этом процессе важна и личность творца, который играет свою роль в инновационном процессе, и способность общества, совокупность его культурных приоритетов в отношении к инновациям, освоению нововведений.

Г. Тард рассматривал складывающееся отношение в обществе к изобретениям и нововведениям как целостный индикатор социального прогресса.

Дальнейшие исследования инновационных процессов подтвердили правоту Тарда относительно их важности для понимания основных тенденций развития общества, равно как и сложную, комплексную природу инновационной активности. Инновации являются феноменами развития сложной социально-культурной системы, в качестве основной подсистемы которой может быть выделен достигнутый уровень организации и рационализации творческой деятельности.

Например, И. Эйдман сопрягает развитие двух процессов – творческого и рационализации, предполагая их развитие по спирали и ускорение с каждым новым витком, на каждом уровне развития: «развитие творческого процесса → рационализация общественного сознания → рационализация идеальных целей общества → рационализация социальных инструментов → создание более благоприятных социальных условий для творческой деятельности → новый уровень развития творческого процесса →

дальнейшая рационализация идеальных целей... и так по спирали» [170, С. 247].

Эйдман выделяет творческий процесс, оптимизацию его протекания в качестве ведущего фактора процесса рационализации общества. Формирование информационного общества обусловило, согласно автору - качественно новый виток развития рационализации творческого процесса.

Эйдман выделяет на этом этапе следующие процессы, значимые в понимании природы социальных изменений:

- оценка социальной системой профессиональной деятельности индивидов начинает определяться в большей степени достижением цели творческой мотивации;

- усиливается социальное стимулирование творческой активности индивидов, что ведет к ускорению темпов креативного процесса.

В качестве важных социальных последствий, хотя данная связь с рационализацией условий творческого процесса и не является такой очевидной, следует отметить, что:

- сокращаются возможности для манипулятивного и насильственного использования, т. е. возможность одних индивидов принуждать других совершать социальные действия, противоречащие их рациональным интересам;

- "функции социальной системы приближаются к задачам обеспечения эквивалентного характера обмена первичными ценностями между индивидами" [170, С. 246] .

Для обеспечения успешного инновационного процесса необходимы соответствующие культура и государственная структура. Соответственно, сегодня развитие креативности, инновационного потенциала общества выступает в качестве все более важной цели государственного управления развитых стран. Управление инновационным развитием осуществляется как на макро-, так и на микроуровнях (инвестиции, налоговые стимулы, поддержка внедрения новых продуктов, создание определенной

инфраструктуры в виде системы образования, информационной поддержки, коммуникационной системы защиты и передачи технологий, патентной системы). Приоритетная роль в управлении инновационным развитием отводится образованию как базе, необходимо формирующей у населения креативность и склонность к инновациям [49]. По оценкам экспертов на инвестиции в систему образования каждого вложенного доллар в долгосрочной перспективе получается 3-8 долларов прибыли [105, С. 511].

Важным фактором, влияющим на скорость инновационных процессов, считается состояние рыночных механизмов. Классическое историческое исследование взаимосвязи между свободой рыночных отношений и инновационными процессами были проведены Ф. Хайеком, М. Фридманом. Рынок для них представляет собой универсальный инструмент самоорганизации общественного целого из спонтанного и стохастического разнообразия проявления свободных волей. Механизм свободной рыночной конкуренции становится залогом эффективного и самоусложняющегося развития социума, поскольку является наиболее эффективным институтом по сбору и передаче социальной информации о потребностях общества, возможностях субъектов удовлетворении этих потребностей, прагматики кооперации и координации усилий [157].

В то же время на сегодняшний момент стало очевидно, что полностью свободная предпринимательская деятельность ведет к деструктивным процессам, так называемым «провалам рынка», нуждается в компенсационной активности государства и общества. Процесс рационализации управления социально-экономическим развитием систем показал, что оптимальный инновационный потенциал общества рождается из сложного сбалансированного механизма соединения рыночных механизмов стихийной экономической саморегуляции, государственного регулирования, общественного контроля за рисками и изменениями [10].

Инновационные процессы рождаются деятельностью организаций, предприятий. Сегодня инновационные возможности организаций становятся

важным фактором их выживания и успеха. В современной деловой культуре ищутся эффективные в контексте инноваций организационные стили, формируется новая эпоха развития производственных отношений, в центре которой оказывается управление креативными процессами. Как уже отмечалось нами ранее, что вызов информационной сложности, характерный для нашего времени, порождает ситуацию, когда коллективное действие, коллективное принятие решений, в соответствии с разрабатываемыми организационными процедурами, становится единственной возможностью для системного развития организаций, принятия оптимальных решений. Так, С. Бир констатирует, что эффективно справится с проблемой нарастающей сложности, разнообразия и комплексности современного мира может только при соблюдении двух взаимосопряженных принципов: дифференциации системы на относительно независимые автономные подсистемы (тактические решения) и развитие внутри организации сетевых структур, находящихся на высшем уровне управления и принимающих стратегические решения. Организация такого рода сетевых структур («губок разнообразия», согласно С. Биру) – современный вызов пирамидальным организациям распределения власти, авторитаризму, предполагает дальнейшее развитие принципов демократичности на ресурсах коммуникаций, обучения, творчества [159].

Наиболее последовательно в 70-х годах двадцатого века эти новые в развитии организаций, социальных систем организующие принципы были отрефлексированы Р. Акоффом в методологии интерактивного планирования, У. Черчменом в методологии стратегических предположений [109, 3].

У. Черчмен, подчеркивая возможную плюралистичность картин мира участников социальных систем, выделяет основные принципы, которые делают сотрудничество успешным, подчеркивая возрастающее значение в современном планировании и решении проблем социальных факторов творчества, образования, коммуникаций:

1. Оппонирование, т.е. в слабоструктурированных проблемах можно разобраться, если рассматривать их с различных точек зрения. Более того, Черчмен определяет возможность справиться со слабоструктурированным и трудноформализуемым характером большинства социальных проблем, благодаря определенным когнитивным установкам, радикально меняющим этику оппонирования и взаимодействия участников: «Системный подход начинается, когда вы впервые смотрите на мир глазами другого», «Системный подход показывает, что картина мира каждого индивида ужасно ограничена», «В системном подходе нет доминирующей точки зрения» [37].

2. Участие, т.е. в процессе принятия решений должны участвовать представители всех заинтересованных сторон.

3. Интегративность, т.е. в процессе принятия решения точки зрения интегрируются на более высоком уровне (это и определяет значимость творческого, креативного процесса), что приводит к выработке общего плана действий.

4. Обучение, т.е. участники процесса начинают лучше понимать свою организацию и ее проблемы.

Подчеркнем значение работ этого классика, который первый методологически строго и последовательно выделил и соединил основные ресурсы современной организации (коммуникации, совместное планирование, творческая деятельность, обучение), которые порождают синергичные эффекты системной интеграции при сохранении и увеличении разнообразия и плюралистичности картин мира участников. Разнообразие мнений в рамках методологии стратегических предположений Черчмена становится источником системной устойчивости и потенциальности, а не конфликтов, репрессий, несогласованности.

Другой не менее известный теоретик и практик Р.Акофф, опираясь на свой практический опыт эксперта по решению организационных проблем, подчеркивает важность постепенного развития принципа демократичности и добровольного участия в структурах организаций, т.е. в принятии решений,

особенно планировании работы, должны участвовать все заинтересованные лица. Этот принцип социосистемности, как его определил сам автор, становится особенно актуальным в условиях резкого нарастания сложности и «турбулентности» среды, объемов информации, что и характеризует современность.

Аналогичный подход развивает методология мягкого системного подхода П. Чекленда – в которой возможность сотрудничества, рождающая выгоды согласованного действия, «эмерджентные» качества коллективной креативности, строится на основе непрерывного цикла обучения, выявления различных описаний реальности и постепенного достижения взаимопонимания участниками системы [177].

Методология мягких систем Чекленда, интерактивного планирования Акоффа получают все более широкое признание, особенно в проектировании информационных систем, в областях государственного и муниципального управления, менеджмента [23]. Во многом, методологические принципы и подходы, наработанные в рамках данных направлений системной аналитики и планирования, с нашей точки зрения являются прообразами эффективных организаций, соответствующих вызовам информационного общества, позволяют лучше понять природу социального капитала, соединяющего в современных условиях взаимосвязанные ресурсы творчества, открытых коммуникаций, взаимного обучения, демократичных способов планирования будущего. Концепции креативного города (Ч. Лэндри), креативной географии (Р. Флорида), методологии критических систем (В. Ульрих), глубинной демократии (А. Минделл) развертывают данные подходы до эффективных методов решения проблем современных сообществ [90, 188].

Значительно драматичнее определяет современность, глобальные процессы формирования информационного общества российский ученый А. Субетто, предполагая, что императив выживаемости человечества в XXI в. есть императив перехода к управляемой социоприродной эволюции. С этой точки зрения рыночные механизмы эволюции, «пробудившие»

рациональность, инновативность, творчество, исчерпали свою эффективность. Механизмы частной собственности, эгоцентризма и индивидуализма, экономики, вращающейся вокруг принципа максимизации личной выгоды, где об общем благе заботится «невидимая рука» самоорганизующей силы свободного рынка, не способны решить глобальные проблемы, встающие перед человечеством, ответить на вызов «биосферных императивов». Согласно Субетто, в конце двадцатого века человечество вступило в эпоху «Большого Социосферного Взрыва», взаимоусиливающих революций: экосистемной (от эгоцентризма к экоцентризму), человеческой (от индивидуального Разума к коллективному Разуму), научной (к научному сообществу), образовательной (к формированию единой образовательной системы и воспитанию человека), экономической (к социализации экономики). Катастрофическая неадекватность философии и экономики индивидуализма современным глобальным вызовам требует от человечества усиления роли кооперативных начал, организованных механизмом общественного интеллекта. Общественный интеллект, согласно Субетто, есть совокупность интеллектуальных возможностей общества, воздействующих на управление настоящим и будущим, определяющих доминанту детерминации творческого разума с точки зрения обеспечения общественной гармонии и эффективности развития [133].

Подобно С.Биру, Р. Акоффу, другим авторам, определяющим креативность, образование, коммуникативные системы в качестве важнейшего системообразующего ресурса развития организаций, А.И. Субетто также рассматривает эволюцию социума с системной точки зрения. Прогрессивная эволюция систем идет в сторону роста разнообразия и сложности системы, что делает неизбежным сдвиг от доминирования механизмов конкуренции и отбора к доминированию кооперации и интеллекта в инновационном развитии. Рост совокупного разума системы осуществляется через все более значимую роль индивидуального и общественного интеллекта, порождая синергические эффекты

рационализации творческого процесса, сочетающегося с усложнением взаимосвязей внутри структуры целого на основе прогнозирования, планирования, опережающего гармоничного «освоения» среды обитания.

В то же время, соглашаясь в целом с подходом Субетто, можно отметить высокую степень полемичности данной концепции, ее революционность, необходимость структурно-функционального анализа сложных форм существования и развития общественного интеллекта на уровне личности, организации, общества, анализа тех сложных внутрисистемных конфликтов, которые препятствуют трансформации человеческого сообщества в более разумное и гармоничное.

Печальный опыт падения культурного, человеческого, социального, экономического потенциала показали страны постсоветского пространства, включая и Россию при попытке упростить систему, редуцировать максимы ее структурной организации до уже обсуждавшегося принципа свободного рынка и индивидуализма. Так Григорьев С.И. с точки зрения виталистской социологии, характеризуя трансформацию качества и уровня жизни населения современной России за последние десятилетия, использует термин «быдлоизация» – снижение уровня социальной культуры. Главной причиной этого явления он видит ее возврат в цивилизационное социально-историческое прошлое, в эпоху «дикого рынка», первоначального накопления капитала [35].

Значение концепции социального капитала, как раз и состоит в том, чтобы вернуть социальное, культурное измерение в современное планирование и управление, вне которого со всей очевидностью человечество не имеет не только ресурсов дальнейшего развития, но и выживания. Так, известный российский философ А.П. Назаретян видит опасность для современного общества в нарастающем разрушении техно-гуманитарного баланса. В соответствии с требованиями этого баланса развитие культурных регуляторов поведения и мышления должно опережать

технический прогресс, увеличение мощи технологий требует выработки всю более сложных нравственных ограничителей [94].

Одним из важнейших регуляторов человеческого поведения становится развитая способность к системному мышлению, планированию и прогнозированию, опережающему отражению окружающего мира. В свое время, экспериментируя с игровыми моделями эволюции взаимодействующих систем, ученые пришли к парадоксальному выводу. Эволюция сообществ «глупых систем», «интеллект» которых ограничен, приводит к реализации принципа «каждый сам за себя», оптимум коллективного выигрыша достигается за счет принципа конкурентной борьбы. Начиная с определенной границы усложнения систем, глубины их памяти, способности прогнозировать, просчитывать будущее, эволюция приводит к преобладанию кооперации, установления взаимовыгодного сотрудничества [22]. Например, один из авторитетов современного менеджмента Питер Сенге видит обучение системному мышлению важнейшим фактором современного развития и преуспевания организаций. В современном мире коллективное выживание, считает П.Сенге, зависит от изменений, создаваемых сложными в структурном и в динамическом аспекте процессами. Возможность решения общечеловеческих проблем определяется изменением не только идей, но и, что более важно, способов мышления в направлении обучения распознавания универсальных динамических сценариев [123]. Среди наиболее важных Сенге выделяет сценарий «монополизация», который репрезентирует ситуацию конкуренции отдельных частей систем в условиях ограниченности ресурсов. Чем больше успех одной из частей, тем больше ресурсов становится у нее за счет другой. Сценарий «монополизация» неизбежно усиливает неравновесие частей, порождая такие негативные социальные, политические и экономические проблемы, как рост социального неравенства, монополизация капитала, ресурсов власти. Решение проблемы возможно только при регулирующем влиянии надсистемы, которая возвращает равновесие, перераспределяя

ресурсы внутри системы. Понятно, что силовое решение данной проблемы, как, например, в эпоху «казарменного социализма» – не самое эффективное. Требуется развитие сложной системы управления и самоуправления, включающее ценностные, нормативные, правовые, экономические регуляторы. В этом контексте способность целостной системы избежать сценария «монополизация» или «деньги к деньгам» является важным индикатором ее эффективности, жизнеспособности, предметом новой быстро развивающейся теории системного управления – гомеостатики, разрабатываемой Ю.М. Горским [25,26].

Отметим, что практическое использование идей системного менеджмента, системного государственного и муниципального управления находится только в начале своего пути, предполагает качественное «обновление» мышления управленческой элиты. Так, П. Сенге высказывает сожаление, что способы мышления как широких «масс», так и современных лидеров являются несистемными, линейными. На проблему отставания уровня культурного развития российской элиты как одно из ключевых препятствий модернизации российского общества обращает внимание В.Г. Немировский [96].

Известный американский социолог Ричард Флорида соотносит новый этап развития общества с формированием креативного класса, который к настоящему времени начинает занимать в социуме доминирующее положение, обусловленное ролью критически возросшей экономической ролью креативности. Как пишет Р. Флорида, только уяснив себе феномен возникновения этого нового класса, присущие ему и утверждаемые этим классом характерные ценности, можно будет понять природу масштабных изменений в современном обществе.

Как пишет Ричард Флорида относительно последствий экономически стимулированной экспансии креативности в современном мире: «У человеческой креативности много измерений и аспектов. Соответственно, креативный этос проникает повсюду, от профессиональной культуры до

общечеловеческих ценностей и сообществ, изменяя наше представление о себе как об экономических и социальных объектах, т.е. саму идентичность. Новая креативная экономическая система сложилась далеко не окончательно и продолжает развиваться, опосредуя становление новых стилей труда, стилей жизни, форм общения между людьми и сообществами, которые, в свою очередь, способствуют творческой деятельности» [143, С. 36].

Опираясь на многочисленные исследования американского общества, Р. Флорида делает вывод о начавшемся процессе формирования этого нового класса – «креативного класса», который в силу своего ключевого экономического положения начинает задавать нормы сегодняшнего дня. При этом Флорида считает, что самые глубокие преобразования нашей эпохи коренятся в обществе и культуре, поскольку бывшие маргиналы (эксцентрики и нонконформисты) оказались в самом центре инновационного развития. Среди значимых современных культурных трансформаций, свойственных креативному «этосу» Флорида выделяет следующие аспекты:

Если раньше люди идентифицировали себя посредством основных социальных категорий (семья, профессия, вероисповедание и т.д.), то сейчас они скорее определяют себя через бессистемное множество видов креативной деятельности, множество разнообразных интересов и ролей. Стремление к богатому, разнообразному опыту, выход за рамки стереотипов социальных ролей становится образом жизни.

На смену иерархическим системам контроля приходит «мягкий контроль» (мнение коллег, внутренняя мотивация, возможность развиваться, выражать себя как личность посредством профессиональной деятельности). В соответствии с этим в организации производства растет значение неавторитарных внутрикорпоративных культур, соответствующих данным формам контроля.

Креативность искривила линейное социальное время, что проявляется в размывании временных границ трудовой деятельности (работа дома и игра на работе), беспорядочном и изменчивом графике работы (возвращение к

логике кайроса – выжидания подходящего момента, в противовес социальному жесткому регламентированию).

Креативное сообщество характеризуется Флоридой как специфическая атмосфера кратковременных отношений и ослабленных традиционных социальных связей, дающая возможность для проявлений индивидуальности, построенное на терпимости к разнообразию. Такая атмосфера привлекает творческих людей. По этой причине, свободно выбираемое место проживания превращается в главный организующий компонент нашего времени, глобального сообщества. Креативных людей притягивает соответствующий креативный климат. Так рождаются и успешно развиваются центры современной инновационной экономики. Соответственно, создание человеческого климата в деловых центрах, городах, регионах, поддерживающего креативность во всех ее проявлениях, становится наиболее важным фактором для развития высокотехнологичных, инновационных компаний.

Ключ к пониманию новой экономической географии Ричард Флорида видит в теории креативного капитала, зависящего от трех взаимосвязанных факторов, которые он называет «Три Т экономического развития»: технология, талант, толерантность. Высокие технологии требуют талантливых людей, которым необходима соответствующая культура толерантности, терпимости. В некоторой степени можно отметить, что теория креативного капитала Флориды является попыткой создать интегративную концепцию взаимодействия основных форм капиталов, актуальных для современного инновационного развития: психологического (талант), экономического (технологии), социально-культурного (толерантность) и подчеркивающая системообразующий компонент для объединения различных капиталов в современных условиях – организацию индивидуальной и коллективной креативности.

В то же время, следует отметить, что в концепции Р. Флориды талант понимается как данность, что, с нашей точки зрения, ограничивает

применимость его концепции, а не как следствие развития потенциала человека, обусловленное глубокими социально-культурными трансформациями, развитием продуктивной ориентации личности и общества, согласно Э. Фромму. С нашей точки зрения, Р. Флорида в своем анализе ограничил проблематику креативного капитала, редуцировав его проблематику до экономической инновационной активности.

Значимость концепции креативного класса, креативного капитала была показана и для оценки развития регионов Сибири коллективом авторов Карловой О.А., Черкашиной Е.Ю., Кудашовым В.И., Вавилиной Н.Д., Кашиным Д.Л., Мельниковой О.О., Рыкуном А.Ю., Южаниновым К.М и другими [68]. В ходе социологических исследований, проведенных в 2004 году, исследователями делается вывод, что в Новосибирской области, Красноярском крае, других регионах Сибири «люди, которые определяют себя как группы со средним и высоким уровнем дохода, в большинстве своем представляют либо креативные профессии, либо креативные отрасли. Их отличает высокий уровень образования, уровень жизни выше обычных стандартов качества, в структуре их ценностей образование имеет определяющее значение» [68, С. 222].

2.2. Взаимосвязь личностного развития и социального капитала в контексте постнеклассической методологической парадигмы

Важно отметить, что обсуждавшаяся в предыдущем разделе тенденция рассматривать современные процессы, связанные с развитием информационного общества, в контексте понимания системной взаимосвязанности и нарастающей комплексности, соотносится с начавшимся в двадцатом веке процессом создания новой методологической постнеклассической научной парадигмы. В рамках этой парадигмы межпредметность становится критерием потенциальной эффективности теоретико-методологических и практических подходов. Так, например, теория креативного капитала и креативной географии Ричарда Флориды представляет собой попытку осуществить межпредметный синтез взаимодействия основных форм капиталов, актуальных для современного инновационного развития: психологического, экономического, социально-культурного. Межпредметность характеризует и подходы создателей концепции постиндустриального общества (Д.Белл, Ж.Фурастье, Э.Тоффлер, П.Друкер и другие авторы) [137, 31, 176, 39], которые определяют все большую роль в функционировании современной экономики психологических, социальных, культурных, этических факторов. Введенные понятия "экономика дарения" [155], подчеркивающая особую неиндивидуальную природу таланта и вытекающие из этого моральные последствия, "креативный капитализм"[56], указывающее на социальную созидательность функционирования современного капитала, "социальное рыночное хозяйство", отражающее интеграцию и взаимообуславливание ценностей рыночной свободы и социальной справедливости [131], "экономика добродетели" [5] в полной мере констатируют эту же тенденцию.

Важно отметить и еще одну сторону развития современного информационного общества, предсказанную создателями концепции постиндустриального общества (получающую все большее подтверждение в

трендах экономической, социальной динамики) – нарастающее доминирование экономики услуг и связанные с этим объективные последствия. Так, передовые страны демонстрируют динамичное развитие сферы услуг, что стало признанным критерием уровня развитости государства и общества. Сегодня страна может быть причислена к развитым, если в ее сфере услуг создается больше 65% ВВП. Последствия развития сферы услуг критичны для развития современных социальных взаимодействий. Например, в диалоге ведущих исследователей постиндустриального общества В.Л. Иноземцева и Д. Белла в 2006 году была подчеркнута нарастающая роль в современном производстве человеческих отношений, иными словами, «экономическая теория создавалась, чтобы показать, как блага соизмеряются друг с другом, и предложить рецепты расширения и оптимизации производства товаров, делающие их более разнообразными и более доступными потребителям. И сегодня, говоря об экономике, люди обычно не понимают, что ее естественный предел уже достигнут и в ближайшие десятилетия она вынуждена будет превратиться в одну из составных частей социологии» [12]. Перемены связаны, прежде всего, с особой «социальной логикой» оказания услуги, по сравнению с обычным производством и потреблением товаров. Услуга наделяется качеством неотделимости от поставщика услуги и, таким образом, маркетинг услуг определяет равную значимость удовлетворенности как самого потребителя, так и лиц, которые оказывают услугу [63]. Как писал Э. Тоффлер, «цивилизация третьей волны начинает стирать исторически сложившийся разрыв между производителем и потребителем, порождает особую экономику завтрашнего дня, сочетающую в себе оба действующих фактора, – «prosumer economics» [137, С. 34].

Неотделимость услуги порождает и тенденции роста значимости профессиональной компетенции, что получило отражение в теориях интеллектуального и человеческого капитала, признающих особую роль позитивной мотивации к самообразованию и развитию мастерства. Сегодня в

условиях постиндустриальной экономики условием конкурентноспособности выступает максимально высокая квалификация рабочей силы, что обеспечивается развитостью всей системы образования, начиная от начального и заканчивая непрерывным. Как считает Д.Белл, «современная экономика неизбежно сталкивается с проблемой изменения качеств рабочей силы. Можно вытеснять низкоквалифицированный труд в периферийные государства, но нельзя не поддерживать высокий уровень квалификации работников в собственной стране – и с этой целью следует постоянно совершенствовать сферу образования» [12, С. 247].

В свою очередь этот фактор обусловил создание и стремительное развитие сферы образовательных услуг в развитых странах, формирование современной мифологии успеха, продуктивности (мифологии в позитивном смысле этого слова как универсальных сценариев трансформации личности, в соответствии с пониманием выдающегося исследователя современных мифов Дж. Кэмпбелла [70]) в расширяющейся по всему миру системе непрерывного образования. Здесь намечается выраженная тенденция сближения требований экономики услуг и развития ресурсов личности, характерных для информационного общества, поскольку человеческая продуктивность определяется сложной системой рационально-эмоциональной регуляции, связанной с картами мира, не только набором представлений, но и типом рациональности, способом формирования картины мира. Важнейшее условие человеческой эффективности – удовлетворение, продуктивные человеческие эмоции (Э. Фромм), вплоть до пиковых переживаний (А. Маслоу). И в то же время достижение искомой продуктивности укоренено в решении этических и экзистенциальных проблем, новых подходов к пониманию взаимодействия человека и универсума, вызвавших волну массового интереса к работам философов, строящих интегративные концепции развития личности и общества, таких как Э.Фромм, Г. Маркузе, А. Маслоу, М. Чиксентмихайи, А. Менегетти, других авторов [148, 82, 89].

Глубоко осмысляя тенденции формирования постиндустриальной цивилизации, информационного общества значительная часть философов, обществоведов видят в современности радикальные изменения, связанные, прежде всего, с ключевыми изменениями в формирующейся научной картине мира, новым типом постнеклассической рациональности [126, 19, 52]. Сущность постнеклассицизма В.С. Стёпин видит в том, что он центрирован на решении проблем саморазвития, самоорганизации, присущего "человекообразным" системам, что качественным образом отличает его от культурного "генетического кода" индустриального общества [127].

Как отмечал В.С. Стёпин изучение опыта научного познания позволяет выделить типы научной рациональности, соотносящиеся с разными типами социальных практик, взаимодействия с разными типами системных объектов, осваивающими по-разному природу и социальность: а) малые системы, б) сложные системы с саморегуляцией, гомеостазом, в) системы с саморазвитием. Каждый из этих типов системных объектов соответствует ключевым парадигмальным образам, которые отличаются количеством элементов и характером сложности связей между элементами [128].

Так, образцом классической рациональности в индустриальной эпохе становятся простые механические системы – механические часы, паровая машина, двигатель внутреннего сгорания, ткацкий станок, те системы, которые осваивало человечество в эпоху первой промышленной революции. Типы осваиваемых наукой и человеческой практикой систем порождают определенные категориальные сетки, которые необходимы для того, чтобы понять эти системы, их осмысливать и строить на них знание. Категориальная сетка задается отношением трех блоков категорий: части и целое, то есть тем, как элементы образуют целое, вещи и процессы, причинность, пространство и время. Смыслы категорий для механических, малых систем очень специфические и непереносимы на другие системы. Для того, чтобы понять природу простых механических систем, чтобы их описывать и объяснять, для этого достаточно полагать отсутствие

эмерджентных эффектов, то есть считать, что части системы однозначно определяют свойство целого. Понимание более сложных систем необходимо требует изменения категориальных сеток.

В некотором смысле стремление отделить актора от окружающего его контекста, капитал от системы функциональных связей, личность от общества, мышление от психики, можно понимать как инерцию категориальных сеток классической рациональности, склонность "не умножать сущностей сверх необходимости". В то же время, для современности характерно осознание сверхсложности и уникальности систем, отличающихся качествами открытости и саморазвития, эффектами синергичности и необратимости. Формами методологической рефлексии этого этапа науки становится решение совокупности задач: осознания средств познания, производства средств познания, "построение" реальности средствами познания. При этом взаимодействие человека с такими системами не является взаимодействием субъекта-актора и объекта-системы. Субъект-актор включается в систему, изменяя конфигурацию ее возможных состояний, сам становится частью эволюционного процесса.

Так известный представитель постнеклассической философии В.Е. Кемеров задается вопросом о возможности представить обществознание в едином процессе, определяет существование связи структуры социального воспроизводства и типов научного обществознания [53]. Классический тип научного обществознания, согласно подходу автора, связан с воспроизводством индустриального общества. Для этого типа обществознания характерно, что человек и общество рассматриваются вне взаимообуславливающих их связей. Таким образом, социальное начинает пониматься упрощенно, механически структурно, вне проблематики человеческого. В данном научном контексте возникает отделение знания социального от гуманитарного, то есть, как указывает В.Е. Кемеров, утверждается существование структурности социального без и вне человека. Кризис классического обществознания отражает кризис в современном мире

структур, соответствующих экономическому и социальному способу индустриального производства. При этом В.Е. Кемеров полагает выход из теоретического кризиса современного обществознания в переходе от упрощенных моделей познания к системным познавательным стратегиям, построенным на сложной взаимосвязанности человеческого и социального, природного и деятельностного [54].

В свое время, знаменуя наступление рациональности постмодерна, Ж. Бодрийяр, провозгласил «конец социального» в эпоху нарастающих тенденций «инертности» и «апатичности» массового сознания. Как пишет Д. Иванов, социальность в информационном обществе постмодерна «на исходе XX в. исчезает, поглощаемая “чёрными дырами” безразличных масс (потребителей, избирателей, телезрителей). Массы – это экстатический конец социального» [55, С. 28]. Ги Дебор определяет современное общество как общество спектакля, в котором отчуждение индивида от его сущности, от социального достигает крайнего предела, на место социального приходят шоу-политика, шоу- бизнес и шоу-правосудие. Посредством доминирования капитала создается общество зрелища, общество спектакля [24]. Известный французский социолог А. Турен аналогичным образом констатирует тенденцию исчезновения социального, поскольку общество теряет свою институционально регулируемую целостность, становится ареной конфликтов по поводу потребления символических благ.

В противоположность модным концепциям "смерти социального" В.Е. Кемеров понимает под социальностью "открытую практическую и теоретическую проблему человеческого бытия, которая должна решаться проективно, продуктивно и позитивно" [53, С. 94]. В теоретическом плане это должно выражаться в актуализации проблематики субъектности, а не субъективности, в осознании необходимости понимать индивидуальность как силу и форму развития социальности. Здесь, с точки зрения В.Е. Кемерова, и возникает потребность в развитии философской теории, способной согласовать разные модели мира, помочь определиться в выборе

стратегий, направленных на связное развитие общества и индивида. Но, полагает автор, для решения этой задачи необходимым становится пересмотр основ классического обществознания. В современной, проходящей стадию становления онтологии социального, согласно Кемерову, следует выделить как главное – преодоление отчуждения общественного и индивидуального, возвращение и в теорию, и в жизнь способного к кооперации и синтетической деятельности человека. Автор подчеркивает необходимость анализа природы фрагментации общественного организма, которое порождается "расщеплением" социального и индивидуального, осуществления антиредукционистских стратегий познания: диагностирования, фиксации, анализа ситуаций отчуждения индивида и общества. С точки зрения В.Е. Кемерова, это – один из видов той необходимой значимой работы, которую теория должна решать сегодня. Одним из результатов такой теоретической исследовательской работы должен быть синтез человеческого и социального, в рамках теории, которая станет неслучайным, неотчужденным фактором развертывания бытия социального и человеческого [55].

Ход утверждения в обществе норм и ценностей постнеклассической рациональности, в значительной степени оказался определяемым масштабным в плане изменения человеческого бытия процессом развития современной психологии как науки, хотя и сопряженным с трансформациями в других подсистемах общества (образования, экономики, рекреации, политики и т.д.). Уже в начале двадцатого века складываются радикально новые подходы к пониманию и развитию человека, начинает развертываться «психологическая революция», как ее определял Я. Морено, предполагая, что именно эта «революция» кардинально изменит общество будущего [75]. Наиболее важным процессом Морено считал создание системы психологического образования и развития человека, дающих возможность такого рода творческого обновления, которая предполагает освобождение глубинных, укорененных в природе человека основ

продуктивной ориентации – освобождение конструктивной спонтанности и творческой Самости, формирование телеотношений [92]. Э.Фромм назвал эту возможность верой в человека по сути. Поиск оснований этой веры породил психоаналитическую, гуманистическую, экзистенциальную, трансперсональную волны психологии как постепенно разворачивающееся научное знание о закономерностях информационно-духовного развития человека.

Постепенное развитие теоретического и практического знания о психике человека, несмотря на всю неоднозначность и сложность исторического становления в ходе острой полемики многочисленных школ и направлений, уже ко второй половине 20 века показало значимость саногенного (ведущего к здоровью) мышления, эффективность многих психотерапевтических подходов (телесноориентированная терапия, гештальттерапия, арттерапия, психодрама, психоанализ, другие направления) в направлении к интегративности, целостности, успешности человеческой личности.

В разнообразных сферах развития человеческой индивидуальности, психики на протяжении двадцатого века проверялись на эффективность, "оттачивались" новые принципы постнеклассической парадигмы – способность понимать и развивать "человекообразные" системы. Следует указать на междисциплинарность этих принципов, направленность современного теоретического поиска на их систематизацию и обобщение в современной психологии и психотерапевтической практике, психо- и социальных технологиях, менеджменте.

Важно отметить и то, что на уровне организации психических, и социальных систем возникают сходные проблемы и универсальные, взаимопроникающие паттерны их решения. В.С. Стёпин, В.Г. Буданов, Е.А. Князева, С.П. Курдюмов [126, 55, 59]. Предполагают, что такой объединяющей межпредметной дисциплиной становится синергетика, с ее

ключевыми понятиями порядка и хаоса, нелинейности, многовариантности и необратимости. В то же время синергетика только начинает осваивать сложнейшие "человекообразные" отношения, когда говоря словами Б.В. Раушенбаха, мир понимается и творится не только разумом, но и сердцем [114]. Как показывает опыт современной психологии, развитие человека есть интегративное развитие человеческого микрокосма до универсальности, сопричастности всему миру.

Уже в начале двадцатого столетия Карл Юнг – родоначальник современной глубинной психологии, указывал на разительный контраст между бытием современного цивилизованного человека и человека традиционного общества, в том, что выражается контрастом мистической сопричастности миру и ощущения "заброшенности в мир". В своей известной автобиографической книге Юнг, как одно из ключевых посланий вспоминает слова, услышанные им от индейца племени Пуэбло. "Ведь мы - тот народ, сказал он, - который живет на крыше мира, мы - дети солнца, и , совершая обряды, мы помогаем нашему отцу проходить по небу. Если мы перестанем это делать, то через десять лет солнце перестанет вставать. И тогда настанет вечная ночь". "И в этот момент, - пишет Карл Юнг, - я понял, откуда происходит достоинство и невозмутимое спокойствие этого человека. Он - сын солнца, и его жизнь полна космологического смысла- он помогает своему отцу, творцу и хранителю жизни, - он помогает ему совершать это еженедельное восхождение" [172, С. 307-308].

В традиционном обществе символы проецируются вовне из глубин психики, образуя упорядоченный космос. В мире традиционных сообществ человеку легко жить, все имеет свою цель и смысл, стоит на своих местах. Каждым своим действием человек традиционной культуры производил мифологический прообраз, причастный к божественному порядку [171, 6, 61].

Парадоксально, как считает В.В. Василькова, что современная глубинная психология возвращает, делая это предметом теоретического знания,

ключевые для смыслообразующего космогонического мифа и для современной синергетики темы взаимоотношения порядка и хаоса, свободы и необходимости [21]. Примирение этих фундаментальных космогонических сил стало основной проблематикой и личностного развития, и формирования современных социальных институтов общественной солидарности.

Так, особую синергетическую логику креативности исследует Е.Н. Князева, где конструктивность хаоса раскрывается в механизме самоорганизации когнитивных процессов [60]. Говоря словами Ф. Ницше, "нужно носить в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду" [102, С. 11]. Синтез порядка и хаоса результируется в творческом процессе, творческом вдохновении, живительном обновлении и рождении нового. Происходит "автопоэзис мысли" - самовырастание целого из частей в результате самоусложнения этих частей.

Негэнтропийная сущность креативной спонтанности стала ключевой концепцией и в методе глубинной демократии Арнольда Минделла. Подходы А. Минделла завоевывают все большую популярность в личностном, групповом, корпоративном развитии. Минделл обобщает технологию активного воображения К.Юнга до современной универсальной понятийной и практической основы решения личностных и социальных конфликтов [91].

Переосмысление роли творчества как условия и возможности примирения сил порядка и хаоса понятийно и методологически оформляется в различных направлениях личностного и социального развития. Углубленное познание природы человека, общества, Универсума в последнее столетие породила многообразие подходов к проблемам интегрального развития человека в контекстах психологических, философских, социологических подходов. Особенность этих подходов – соединение ресурсов индивидуального, социального и творческого развития.

Формирование творческой индивидуальности современного человека неотделимо от процесса осознания и развития сопричастности всему миру,

от процесса понятийного и технологического обращения с бессознательным, индивидуальной и коллективной памятью, выражающей себя через язык эмоционально-образного мышления, язык символов, смыслообразов и метафор, который все чаще становится необходимым средством рефлексивного познания системной сложности природы взаимодействий человека и мира, развития функций архетипа Самости.

С этой точки зрения модус «иметь», согласно терминологии Э. Фромма, эмоционально сопоставим с глубинным страхом, попыткой психологического и социального контроля первичных процессов в рамках подавления, упрощения сложности, результирующихся в «атомарной» рациональности. Наоборот, модус «быть», актуализируя творческие состояния, открывает дорогу к ресурсам универсального человеческого бессознательного с его парадоксальной логикой целостности. Бессознательное, согласно Фромму, представляет собой "универсального человека, целостного человека, истоки которого в космосе; оно представляет собой его прошлое, восходящее к заре человеческого существования, и его будущее вплоть до того дня, когда человек станет человеческим в полном смысле слова..." [145, С. 351].

Основная тема работ Карла Юнга – структура индивидуального развития как культурный процесс, как необходимое условие установления связи с общим для всего человечества коллективным бессознательным, которое выражает себя через эмоционально-образный язык символов, язык мифа. В ходе этого развития (индивидуации) несущее свет сознания Эго интегрируется в "алхимическом" процессе с всеобщностью коллективного бессознательного, рождая индивидуальность Самости. Чем больше, согласно Юнгу, человек обретает свою индивидуальность, тем в большей степени он ощущает себя находящимся в обязующем единстве с миром, природой, обществом [173] Джозеф Кемпбелл описал этот процесс развития индивидуальности как "путешествие героя", космогонический смысл

которого заключается, прежде всего, в обновлении мира, привнесение в социальный порядок, сил хаоса - творческих сил бессознательного [71].

Один из ключевых моментов психодрамы Я.Морено – освобождение спонтанности, лежащей в основе человеческой креативности. Согласно Морено спонтанность играет ключевую роль во всех изменениях человека, общества и космоса. Изведав ее деструктивный потенциал, человек и общество подавляют спонтанность. Но блокированная спонтанность грозит отдельному человеку и обществу оскудением и застоем всей жизни. Цель психодрамы Морено – освободить подавленную спонтанность, разумно интегрируя её в целостную структуру жизнедеятельности человека и общества [75].

Благодаря специальному игровому обмену ролями между участниками появляется возможность встречи с самим собой, с «Ты», с миром, как в социально-творческом, так и космическом значении. По мысли Морено, развитие человека – это обогащение ролевого репертуара человеческой креативной Самости, овладение все новыми и более творческими ролями, начиная от телесных, через личностные, социальные и кончая космическими.

Освобождение и интеграция спонтанности в личностные и социальные структуры является «архикатализатором» креативности, которая представлялась Морено «субстанцией», организующей человеческую Самость, резонирующая с креативным мировым процессом - причиной и целью бытия. Современный процесс преодоления отчуждения, «охватившего» все человечество, с точки зрения Морено, есть феномен пробуждения креативности, разворачивающийся на всех уровнях: физиологическом, личностном, социальном, космическом. Психодрама используется, таким образом, в качестве терапевтического средства для излечения невротического эгоцентризма, что позволяет современному человеку продуктивно и творчески относиться к окружающим его связям с бытием.

Все большее распространение в современной культуре получает арт-терапия – многообразие методов развития индивидуальности и социальности различными видами художественного творчества. Концептуальное и практическое развитие арт-терапевтического подхода подает надежду на возможность создания гуманистической методологии, творчески синтезирующей и примиряющей рефлексию и действие, интеллект и эмоциональную образность, телесные и духовные планы. Вместе с тем многоплановый опыт интегративного, "нейроэстетического" воздействия многообразия способов творческого самовыражения на личность и общество на сегодняшний день недостаточно осмыслен в понятийном и методологическом плане [62]. Как показывает опыт арт-терапии, символы внутреннего мира, проецируемые в ходе творческого процесса направлены на развитие целостности, но не могут быть однозначно истолкованы, поэтому актуальными становятся новые техники и концептуальные подходы, построенные на работе с энергиями целостности путем их спонтанного выражения в творческом процессе.

Например, Ю. Джендлин (известный своими работами в области интегративного обобщения методов личностного развития) предполагает существование невыразимой формальными языками целостности жизненного процесса. Человеческое тело, являясь центром системы взаимосвязей человека со всем миром, безошибочно определяет следующие шаги спонтанного развития своей Самости.

Образы, с точки зрения Джендлина, выражают скрыто присутствующий потенциал целостности, поэтому шаг, который необходимо сделать для разрешения проблем, возникает в форме образа, требующего своего выражения. Как пишет Джендлин, интегрируя концептуальные подходы современной психологической практики личностного развития, «мы обращаемся непосредственно к телу клиента и предлагаем почувствовать "качество" животного, увиденного во сне, зеленой ветви, ребенка,

драгоценного камня, любимого человека или доставляющей радость деятельности». Идентификация с одним из образов сновидения «приводит к появлению новой, освобождающей энергии, к открытию положительного качества, переживаемого непосредственно на уровне тела» [38, С. 296]. Отождествление человека как уникальной телесной, психоэмоциональной целостности с образами иного делает человека сильным, готовым справиться со всеми проблемами.

В последних десятилетиях двадцатого столетия разворачиваются широкие психологические и социологические исследования, основное направление которых связать экономические, социальные, культурные и личностные факторы. Одним из первых в ходе применения методики интервьюирования связь психологической зрелости (самоактуализации, метаценностей бытия, интегративности) и социальной, экономической успешности личности в современных социально-культурных условиях продемонстрировал А. Маслоу [83], вызвав значительную полемику и инициировав волну научных исследований в этом направлении, подтверждающих его правоту.

На сегодняшний день наиболее признанны научным сообществом работы, принадлежащие М. Чиксентмихайи, соединяющие вместе проблематику сложности, творчества, продуктивной ориентации и счастья в общую концепцию потоковых состояний [161]. Проведенные этим исследователем в течении более тридцати лет многотысячные опросы людей, проживающих в разных странах, отличающихся различными возрастами и родом занятий, показали важность особых потоковых состояний, в которых находится человек на пути к целостности, интеграции, развертывания своих потенциальных способностей, прежде всего, способности к продуктивной, креативной деятельности [162]. Эти исключительные моменты были названы состоянием потока, чтобы передать характерную черту такого рода состояний – люди выполняют в эти мгновения свои дела с особой легкостью.

Исследования потоковых состояний, согласно антропологии Чиксентмихайи, показали обязательное наличие определенного контекста, в которых они возникают: достигаемая человеком цель должна быть совершенно ясна, достаточно трудна и требовать для своего выполнения мастерства; в ходе своей деятельности человек сосредоточен и полностью погружен в работу, которая хорошо структурирована; присутствует немедленная обратная связь; в ходе выполнения работы присутствует переживание контроля над ситуацией; субъективно ощущается замедление, остановка течения времени, может исчезать восприятие себя. «Одна из наиболее часто упоминаемых особенностей этого опыта [состояние потока]– чувство открытия, нового понимания себя ли новых вариантов взаимодействия возможностей, предлагаемых средой» [161, С. 220]. Как пишет Чиксентмихайи, люди считают в своей жизни лучшими именно потоковые моменты и, одновременно, эти моменты есть ситуации, ведущие к развитию, к эволюции человека и общества. Таким образом, потоковые состояния, согласно Чиксентмихайи, согласуют интересы личности и общества в общем контексте эволюции. В качестве итогов исследований этого ученого, значимых для судьбы современной культуры, следует указать на установленное им различие стремления к удовольствию и стремления к удовлетворению. Удовольствия в современной цивилизации могут быть получены легко, но – это есть путь к депрессии. Для получения удовлетворения требуется мастерство и напряжение, но они дают вдохновение, психическую энергию, как результаты потокового состояния, наполненность жизнью. Как пишет М. Зелигман, накопленный опыт состояний потока для личности – это накопленный психологический капитал, ресурсы продуктивности, оказывающие благотворное влияние на все аспекты жизни личности [41]. Опыту потоковых состояний, направленному к сложности, к поиску новых форм творческого взаимодействия с миром, М. Чиксентмихайи противопоставляет психическую энтропию, которая «проявляется в неспособности эффективно

использовать энергию – по неведению, либо под давлением эмоций, таких как страх, гнев, угнетенность, или просто из-за отсутствия мотивации» [161, С. 213].

Исследования Чиксентмихайи по сути подтверждают верность исходных посылок получившей широкое признание философской концепции Эриха Фромма, предполагавшего, источником всех душевных сил, движущим человеком, источником его страстей, которые уходят корнями в целостную структуру человеческого бытия, экзистенциальную природу человека, в соответствии с которой человек должен развивать себя, вновь и вновь разрешать противоречия своего существования, находя все более высокие формы единства с самим собой, с другими людьми, с природой. Анализируя природу человеческой деструктивности, Эрих Фромм указывает на особую роль эмоций как форму более высокую по сравнению с инстинктом. Опыт вдохновения, любви позволяет человеку открывать в самом себе и в другом все новые грани, порождает сложные эмоции сопереживания (в противоположность простым инстинктам, замыкающим человека в рамки объекта) [146]. Эмоции, заряженные преобразующей силой вдохновения, любви, единства, сопричастности, решают противоречия между принципами бытия «иметь» и «быть» в пользу последнего. В то же время Эрих Фромм видел острый конфликт между современным капиталистическим обществом с его рыночной ориентацией, формирующей социально-рыночный характер и продуктивной ориентацией на бытие (продуктивный социальный характер). Так, в процессе перехода России на рыночную экономику, данное противоречие стало достаточно болезненным и породило много негативных социальных явлений, относительно скрытый, но в то же время ощутимый протест против института власти, порождающий рост взаимного недоверия между властью и населением, что в значительной степени препятствует модернизации российского общества в сторону инновационной экономики.

Все большее внимание в современной практической психологии и психотерапии занимает формирование культуры эмоций, эмоционального

интеллекта, как это было введено Питер Саловой и Джек Майер в 1990 году [30]. В современной культуре не принято специально обучать детей «технике безопасности», обращения с собственными чувствами приемлемым способом, обращении к собственным чувствам, управлении ими за исключением запрета отрицательных эмоций. Как считает один из ведущих российских психотерапевтов, один из организаторов психотерапевтических практик в Российской Федерации М. Е. Сандомирский, итогом отсутствия эмоциональной культуры является стихийность формирования неэффективных механизмов разрядки отрицательных эмоций, неумение вызывать позитивные эмоции, которые рожают незрелую в плане социального, экономического и политического поведения личность. Отсюда следуют и задачи, которые решает современное психотерапевтическое образование: создание зрелой, целостной личности, способной брать ответственность за свое развитие [121]. Стоит отметить, что многие социальные институты буквально паразитируют на эмоциональной незрелости людей, несостоятельных психологических защитах. Так, Крамер Джоэл, Олстед Диана (авторы полемичной работы о роли авторитарности в социальных институтах «Маски авторитарности»), рассуждают о глубокой укорененности завуалированного авторитаризма в нашей культуре, религии, морали, общественных ценностях и семейных отношениях. Авторитарный контроль является существенным фактором социальной дезадаптации на индивидуальном уровне и дезинтеграции (вплоть до угрозы человеческому существованию в целом) на социальном уровне [66].

Более успешные в экономическом плане страны не отказываются от контроля (как государственного, так и общественного), однако стремятся интегрировать контроль в процессы общественной самоорганизации, обеспечивая условия и задавая векторы саморазвития для активного каждого члена общества. Таким образом, возможности для развития (в первую очередь, развития именно психологической культуры, наиболее значимой для совместного решения проблем современного общества и наименее

развитой в рамках традиционного образования) реализуются посредством практики обучающих психологических программ, тренингов. Все это является необходимым условием развития форм социального капитала, соответствующего информационному уровню развития социума, требующего объединения системы и личности в более гармоничные и продуктивные отношения.

Известный экономист и социолог Й. Шумпетер обозначил повышение роли личности-предпринимателя в развитии современной экономической системы. Для нового типа личности, описанного Шумпетером, необходимы новые ценностные и поведенческие ориентации: умение рисковать, умение работать в одиночку, преодолевая сопротивление не заинтересованных в обновлении групп работников; владение научными методами решения производственных и экономических задач; умение убеждать других; способность «широкого предвидения»; сочетание рациональности и иррациональности [169].

По мнению американского публициста и футуролога Элвина Тоффлера, известного с 70 гг. благодаря концепции «футурошока» (культурного шока, вызванного ускоряющимися переменами в обществе), современная личность ощущает на себе все более сложные требования со стороны непрерывно меняющейся системы, требующей от человека принятия новых ценностей, установок, норм поведения. По-настоящему инновационной личностью Элвин Тоффлер называет личность, способную не просто противостоять переменам, а активно и уверенно отвечать на вызовы современного общественного развития, включаясь в этот процесс на правах ответственного участника [138].

Исследования Э. Хагена, А. Инкелеса позволили на основании сравнительных массовых опросов выделить комплекс черт, так называемой инновационной личности, противоположной авторитарной, характерной для традиционного общества. Инновационная личность, согласно Э. Хагену, проявляет следующие основные черты. Ее отношение к миру

характеризуется любознательностью, стремлением управлять. В значительной степени ей свойственно принятие на себя ответственности за плохие стороны мира (жизни), что сочетается с поиском лучших решений и попытками вносить изменения. Для этой личности свойственны откровенность и терпимость к подчиненным, одобрительное отношение к оригинальности, стремлению к новациям, творчество, стремление к новизне [49].

А. Инкелес в результате сравнительного анализа жителей шести развивающихся стран выделил комплекс черт современной личности: 1) открытость экспериментам, инновациям и изменениям; 2) готовность к плюрализму мнений и даже к одобрению этого плюрализма; 3) ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое, экономия времени, пунктуальность; 4) уверенность современного человека в том, что он способен организовать свою жизнь так, чтобы преодолевать создаваемые ею препятствия; 5) планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей, как в общественной, так и в личной жизни; 6) вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни (экономические законы, торговые правила, правительственная политика), позволяющие рассчитывать действия; 7) чувство справедливости распределения по соответствию мастерству и вкладу; 8) высокая ценность формального образования и обучения; 9) уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или кто обладает меньшей властью.

«Одна из основных гипотез нашего исследования, – пишет Инкелес, – состояла в том, что эти качества взаимосвязаны. Если у человека есть одна из перечисленных черт, то наверняка обнаружатся и другие» (цит. по: [42, С. 79]). С нашей точки зрения, комплексная взаимосвязь характеристик инновационной личности, выявленная Инкелес, подтверждает обусловленность взаимосвязанных трансформаций общества и личности, на пути открытия все новых условий разрешения в интегративных формах

дихотомии индивидуальности и коллективности, свободы и системной взаимосвязи.

Таким образом, проведенный анализ показывает важность современной культуры развития личности, постепенно оформляющейся в ходе становления постклассической методологии, соотносящейся с инновационной экономикой, информационным уровнем развития социума. Изучение особенностей формирования личностного развития позволяет по-новому взглянуть и на полемику о роли среднего класса в модернизации; с нашей точки зрения, нормативные и ценностные характеристики личности, развитость эмоциональной культуры должны стать достаточно значимыми индикаторами в современном подходе к изучению стратификации общества. На это обстоятельство давно обращено внимание в концепции универсальной социологии В.Г. Немировского, акцентирующей внимание на особой роли смысложизненных ориентаций, ценностных переживаний, эмоционального фактора в методологии диагностики современного социума [98], изучении структуры социального капитала [99]. Близкие по смыслу концепции развиваются Р. Инглхартом в теории общества постматериальных ценностей [181, 73].

Формирование современной инновационной экономики, информационного общества, ускорение научно-технического прогресса создали условия и обусловили дальнейшее развитие новых образовательных, психотерапевтических технологий и практик, что, в свою очередь становится одним из решающих факторов трансформации современного общества.

В целом, как показывает анализ современной социо-культурной динамики ускорение темпов развития в рамках инновационной экономики и становления информационного общества необходимо порождает сложные взаимосвязанные социальные, экономические, культурные процессы. Теоретический анализ этих процессов показал значимость проблематики социального капитала, как своеобразного вызова, брошенного историей

современному государству, обществу и личности. Социальный капитал становится важным звеном, соединяющим вместе ресурсы гражданского общества, современных государственных и организационных структур. Рост уровня личностного развития требует новых форм социального взаимодействия в контексте демократизации, самоорганизации общества, механизмов сотрудничества личности, общества и государства. В конечном счете, социальный капитал, накопленный в разных формах развивающихся ценностей и норм взаимодействия личности и общества, индивидуального и социального, становится необходимым ресурсом, как писал Ф. Фукуяма, на пути общества, экономики к процветанию.

Подводя итог проделанному социально-философскому анализу искомой проблематики, следует определить, что теоретический анализ концепции социального капитала, его функциональной роли в методологии изучения современного общества и ресурсов его развития, позволил выделить ряд ключевых для нашей работы положений, которые послужили основой для методологической подготовки их проверки в рамках эмпирического исследования.

Анализ существующих теоретических концепций социального капитала, проблематики развития современного общества позволяет предложить следующее функциональное определение данного феномена: социальный капитал — это совокупность ресурсов социальных взаимодействий и отношений, которые вызывают позитивные последствия для индивидов, групп, общества в целом. Функциональное определение социального капитала устанавливает возможность эмпирической проверки предполагаемой функциональности с использованием современных методов социологического анализа и математической статистики, что характеризует практически все исследования, направленные на изучение природы социального капитала, его влияния на значимые экономические, социокультурные показатели. В качестве позитивных последствий могут быть выделены такие значимые для индивида и общества критерии, как:

повышение материального благосостояния индивидов и групп, их социальный статус, уровень физического здоровья, эмоциональное состояние. В то же время, необходимо учесть что, функции социального капитала для индивидов, групп, общества в целом, в значительной степени определяются как латентные, должны быть выявляемы теоретическими и эмпирическими методами социологического и социально-философского анализа.

Рассмотрев существующие в экономике, социологии и социальной философии подходы к составляющим социального капитала общества в контексте модели минимального универсума, можно предложить следующий, перечень его структурных компонентов:

- объём социальных связей, позволяющих пользоваться дополнительными ресурсами группы и общества.

- межличностное и институциональное доверие;

- нормы, ценности, социальные взаимодействия, определяющие добровольное и заинтересованное участие индивида в деятельности организаций различного рода.

В соответствии с предложенным в данной работе теоретическим подходом социальный капитал предлагается рассматривать как сочетание и взаимодействие трех основных форм, соответствующих уровням организации минимального универсума. Вещественно-энергетическому уровню соответствует накопленный объём социальных связей как ресурс коллективного и индивидуального социального действия. Подобно электрическому току, социальный капитал на этом уровне «питает» межличностные взаимодействия, запуская многочисленные социальные процессы, в качестве наиболее важных из которых можно назвать конкуренцию и структурную дифференциацию общества. Функционально-организационному уровню соответствует ресурс доверия, которое является следствием усвоения и принятия социальных норм, развитости социальных институтов. На информационном уровне складываются соответствующие

нормы и ценностные ориентации, которые формируются и развиваются посредством добровольного и заинтересованного участия в организациях (широкий спектр групп различной степени формальности), построенных на принципах демократичности и социосистемности.

Для информационного уровня в качестве тенденций могут быть определены нормы и ценностные ориентации, в целом соответствующие трем основным направлениям системной трансформации социума, непосредственно связанных с развитием современных форм социального капитала: возрастанием роли творчества, усилением роли образования и самообразования, формированием современных коммуникативных систем. Проявление этих норм и ценностей находится в прямой взаимосвязи с утверждением постнеклассической рациональности, способности создавать, понимать и развивать сложные "человекообразные" системы.

3. Структура и распределение социального капитала в современном российском обществе (на примере Красноярского края)

Проведенный философский анализ концепции социального капитала позволил разработать теоретическую и методологическую базу для изучения структуры и распределения социального капитала в современном российском обществе, операционализировать концепцию социального капитала, на основе специально разработанного инструментария подготовить и провести полномасштабное репрезентативное социологическое исследование в одном из регионов России (Красноярском крае), осмыслить результаты данного исследования в рамках проверки и дальнейшего уточнения разработанных в нашей концептуальной модели социального капитала ключевых положений.

Эмпирическим материалом исследования стали результаты опроса, проведенного в 2011 году среди жителей Красноярского края под руководством В.Г. Немировского с участием автора диссертационной работы, нацеленного на многофакторное понимание и изучение социального капитала, его распределение в регионе (Исследование проводилось в рамках проекта РГНФ № 11-03-00250а "Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае"). В ходе этого исследования было опрошено 1249 респондентов, среди которых представлены практически все страты населения региона. Опрос населения осуществлялся методом формализованного интервью по месту жительства респондентов – 48 вопросов. Опрос производился в 28 населенных пунктах Красноярского края. Выборка: стратифицированная, многоступенчатая, районированная, квотная, репрезентированная по полу, возрасту и уровню образования, случайная на этапе отбора респондентов. Её репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты),

половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края [97].

54 % опрошенных составляют лица женского пола, 46 % - мужского. Распределение респондентов по признаку проживания в поселениях определенного типа, по уровню образования отражено в приложении А.

Полученные данные обрабатывались с помощью пакета прикладных программ STATISTICA 7.0 с использованием дисперсионного, факторного, кластерного и корреляционного анализа, многомерного шкалирования и описательной статистики.

Результаты исследования по Красноярскому краю соотносятся с масштабным всероссийским исследованием социокультурной динамики регионов России, проведенной под руководством Н.И. Лапина. Показано структурное и качественное совпадение по наиболее важным социально-демографическим показателям, что позволяет рассматривать полученные результаты и в общероссийском масштабе. Специально разработанные в данной работе автором индикаторы позволили выявить важные закономерности, операционализировать концепцию социального капитала в целях изучения и обсуждения перспектив развития ресурсов социальных взаимодействий в российском обществе. Соотносимость результатов исследования по значимым показателям с результатами всероссийского исследования, использование сравнительной аналитики позволяет более глубоко и системно изучить проблематику социального капитала современными методами изучения взаимосвязей, подтвердить сформулированные в ходе теоретико-методологического анализа гипотезы, обобщить полученные результаты. Вместе с тем, результаты исследования дают возможность использовать развиваемые подходы и, непосредственно, для оценки ресурсов развития социальных взаимодействий в Красноярском крае как одного из важных регионов России, обладающего значительным инновационным потенциалом.

3.1. Распределение социального капитала в контексте межличностных связей, ценностных и нормативных аспектов

Задачей данного параграфа является анализ и философское осмысление закономерностей распределения социального капитала на основе рассмотрения эмпирических данных, полученных в ходе социологического исследования в Красноярском крае, соотнесения с результатами социокультурных исследований российского общества.

Для оценки ресурсов межличностных социальных взаимодействий индивидов проводился анализ нескольких специально разработанных индикаторов, которые в совокупности показывают объем уже сформировавшихся связей населения и готовность к построению новых.

С целью выявления устойчивых межличностных связей респондентам задавался вопрос «Как вы думаете, сколько людей (за исключением родственников) вспомнят Вашем Дне Рождения?» Формулировка вопроса позволяет дифференцировать сформированные в ходе различных социальных взаимодействий связи, которые являются итогом собственной активности человека, от заданных внутрисемейных отношений. Предложенные варианты ответов классифицировали объем межличностных связей на четыре группы: от 0 до 5 (человек), от 6 до 15, от 16 до 25, от 26 и выше, соответственно. Ответы жителей Красноярского края в целом распределились следующим образом: 30 % опрошенных полагают, что об их Дне рождения вспомнят от 0 до 5 человек, 49 % респондентов думают, что об этом вспомнят от 6 до 15 человек, 16 % – от 16 до 25, 5 % – от 26 и выше.

Ответы респондентов на данный вопрос в значительной степени оказались взаимосвязанными с ответами на другой, фиксирующий актуальность и действенность межличностных связей, предполагающих ответственные и доверительные отношения – «Как Вы думаете, сколько Ваших знакомых готовы оказать Вам срочную помощь при необходимости?» Свою полную изоляцию констатировало 3 % опрошенных, 43 %

(большинство) респондентов отметили относительно ограниченный круг людей (от 1 до 3), которые придут к ним на помощь. 36% респондентов, согласно их представлениям, могут рассчитывать на помощь 4-6 знакомых, 10 % респондентов полагаются на поддержку 7-10 знакомых и только 8 % респондентов считают, что больше 10 знакомых готовы оказать срочную помощь при необходимости.

Полученные результаты, скорее свидетельствуют об атомизации, обособлении индивидов друг от друга, отсутствии у значительного количества респондентов широкого круга как социальных связей, на которые можно положиться при необходимости (46 % респондентов рассчитывают на помощь менее 3 знакомых). Эмоциональные связи признания среди опрошенных более выражены (больше 5 человек вспомнят о Дне Рождения 70 % респондентов). В то же время существует значительная корреляционная связь между ответами респондентов на данные вопросы. Коэффициент корреляции по Спирмену между соответствующими переменными составляет 0,56, что показывает выраженную связь между размерами обсуждаемых кругов знакомств (способных оказать помощь и помнящих о Дне Рождения респондента).

С целью уточнить характер имеющихся социальных связей, круга знакомств респондентам задавался вопрос: «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» В ходе интервьюирования предлагалось выбрать три из предложенных вариантов ответов: в семье, в компании друзей, среди соседей, на работе, в кругу единомышленников, другое, нигде.

Анализ ответов респондентов дает возможным выделить три основных круга межличностного взаимодействия: семья, друзья, работа, причем важно отметить, что именно в семье жители Красноярского края встречают наибольшее взаимопонимание. В семье встречают взаимопонимание 86% респондентов, в компании друзей - 68%, на работе - 38%. Значительно реже жители края чувствуют взаимопонимание в кругу единомышленников (7%), среди

соседей (8%). Корреляционный анализ показал наличие умеренных и слабых положительных связей между этими тремя сферами реализации взаимодействий индивида. Так взаимопонимание в семье положительно связано с взаимопониманием на работе и среди друзей (коэффициенты корреляции по Спирмену составляют 0,3 и 0,2, соответственно).

Незначительно выражены такие формы взаимодействий как с соседями и единоверцами. Корреляционный анализ показал достаточно сильные отрицательные связи, существующие между взаимопониманием среди единоверцев и взаимопониманием в кругу друзей, на работе. Коэффициенты корреляции составляют - 0,3 и -0,6, соответственно, что свидетельствует о тенденции развития связей «оков», а не связей «мостов» (терминология нередко используемая в изучении распределения социального капитала) в случае обретения взаимопонимания в общине, среди единоверцев.

В целом можно сделать вывод о таких основных источниках формирования и сферах реализации социального капитала, как семейно-бытовая, сфера дружеского общения, сфера профессиональной деятельности, которые не находятся в конфликтных отношениях друг с другом, а, скорее наоборот, взаимоподдерживают и взаимообуславливают друг друга, обеспечивая в комплексе возможность для жителей Красноярского края строить связи «мосты». В поддержку этого вывода можно указать и на то, что взаимопонимание в семейно-бытовой, профессиональной сферах, как и сфере дружеского общения, значимо коррелирует с общим объемом социальных связей (коэффициенты корреляции, например, с кругом знакомых, готовых оказать срочную помощь при необходимости, составляют 0,12, 0,19 и 0,23, соответственно).

С целью установить значение ресурса межличностных связей, которые являются важной составляющей частью социального капитала, в ходе исследования проводилось измерение спектра характеристик жизни респондентов, как: уровень удовлетворенности своей жизнью, уровень уверенности в своем будущем, самооценка влияния на ход своей жизни,

материальное положение, динамика материального положения, уровень внутренней силы, энергии, готовности к активному действию, уровень здоровья, уровень образования, тип поселения, в котором проживает респондент, возраст.

Для оценки уровня удовлетворенности своей жизнью респондентам предлагалось ответить на вопрос, который часто используется в социологических исследованиях: «Учитывая все обстоятельства, скажите, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? При ответе используйте 10-ти бальную шкалу, где 1 означает «совершенно не удовлетворен», а 10 – «полностью удовлетворен». Распределение ответов респондентов отражено в Приложении Б.

В целом, распределение ответов респондентов показывает преобладание в Красноярском крае больше удовлетворенных своей жизнью, чем не удовлетворенных (среднее значение степени удовлетворенности равно 6,5), что соответствует результатам социологических исследований многих регионов России [115]. Использование дисперсионного анализа показало, что объем межличностных связей значимо связан с уровнем удовлетворенности своей жизнью. В качестве зависимой переменной при выполнении дисперсионного анализа используется оценка респондентами удовлетворенности своей жизнью в целом, в качестве независимых переменных берется поочередно количество знакомых, готовых оказать срочную респонденту помощь при необходимости, количество знакомых, которые вспомнят о Дне Рождения респондентов. Различия между группами, сформированными по независимым переменным, по средним значениям удовлетворенности отражены в приложении В.

Результаты сравнения средних значений степени удовлетворенности между группами респондентов, различающихся объемом межличностных связей, показывают, с одной стороны, постепенный статистически значимый рост показателей удовлетворенности при росте объема межличностных взаимодействий, с другой – нелинейную природу этой зависимости.

Наиболее выражены различия для лиц, имеющих незначительные круги взаимодействий, что отчасти свидетельствует в пользу психологического значения межличностных связей, отраженную Я. Морено в концепции необходимого объема «социального атома» связей, окружающих индивида [75].

Для оценки уровня уверенности в будущем респондентам предлагалось ответить на вопрос, используемый в ходе масштабного социологического исследования регионов России под руководством Н.И. Лапина (2006-2007 гг.) [72]: «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?» с предложенными вариантами ответов «Вполне уверен», «Скорее уверен, чем нет», «Не могу сказать точно», «Скорее не уверен, чем уверен», «Совершенно не уверен». Распределение ответов респондентов представлено в приложении Г.

В целом ответы респондентов соответствует общей картине распределения уверенности-неуверенности населения в России. Следует отметить, что несмотря на прошедший в 2008-2009 годах экономический кризис среди населения Красноярского края больше уверенных (49%), чем по стране (43%), что может быть связано с различными факторами: и экономическим положением региона, и особым «сибирским» менталитетом на что указывают исследования А.В. Немировской, В.Г. Немировского [100]. Корреляционный анализ позволил установить в качестве значимого фактора и взаимосвязь степени уверенности респондента в своем будущем с объемом его межличностных связей. Коэффициенты корреляции для исследуемых в нашей работе индикаторов (готовность оказать срочную помощь, количество помнящих День Рождения) статистически значимы, положительны и составляют 0,2-0,3 при расчете корреляций по Спирмену.

Оценка материального положения респондентов осуществлялась с помощью самооценки, используемой в ходе социологического исследования регионов России. Распределение оценок респондентов своего материального положения с помощью разработанных вариантов ответов с

дополнительным указанием средних данных по России представлено в приложении Д.

Большая часть жителей Красноярского края может быть отнесена к категориям «обеспеченные», «зажиточные» и «богатые» (59,5 % от всего населения), что значительно выше, чем в среднем по России. Не обсуждая в данном разделе природу сложных, многоуровневых факторов, определяющих общую картину «распределения богатства», выделим роль социального капитала в одной из своих составляющих – объем межличностных связей. Корреляционный анализ показал, присутствие статистически достоверных связей между уровнем материального положения и объема межличностных связей. Коэффициент корреляции по Спирмену между переменной, характеризующей материальное положение, и переменной, отражающей количество знакомых готовых прийти на помощь, помнящих о Дне Рождения, составляет 0,19 и 0,18, соответственно. Результаты сравнения номинальных групп, различающихся количеством связей, представлены в приложении Е.

Динамика материального положения оценивалась с помощью вопроса «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» с вариантами ответов: «Стали жить намного лучше», «Стали жить несколько лучше», «Ничего не изменилось», «Стали жить несколько хуже», «Стали жить намного хуже». Большая часть респондентов (44%) характеризует уровень своей жизни как достаточно стабильный, неизменный в материальном плане. 34% респондента отметили улучшение своего материального положения, в то время как 16% констатируют ухудшение. В целом, можно сделать вывод об улучшении материального положения жителей края за 2010-2011 гг.

Вместе с тем, корреляционный анализ показывает, что, несмотря на то, что население края в целом отмечает улучшение материальных условий, наблюдается и другая тенденция поляризации, расслоения общества. Коэффициент корреляции между переменными, отражающими материальное

положение и динамику его улучшения или ухудшения, составляет 0,3 по Спирмену.

Изучение корреляционных связей показало, что улучшение материального положения связано с объемом социального капитала в аспекте межличностных взаимодействий. Коэффициенты корреляции с использованными индикаторами значимы и составляют 0,15 по Спирмену. Таким образом, динамика материального достатка респондентов положительно связана с объемом межличностных связей.

Данные нашего исследования соотносятся с результатами других исследований в контексте влияния социального капитала, характеризуемого объемом межличностных связей, на здоровье респондента. Авторы Коген и Шелдон показали, что участие человека в широком различном спектре социальных взаимоотношений, оказывает независимое от других факторов (демографических, социальных, стрессогенных) воздействие на здоровье. В качестве механизма воздействия автор выделяет возникновение позитивных психологических состояний (целеустремленности, самоуважения, цельности личности), связанных с этими состояниями благоприятных физиологических последствий. Не менее важно, что объем социальных взаимоотношений выступает источником информации, социального давления и мотивации, которые в совокупности побуждают человека проявлять заботу о своем здоровье [178, Р. 678 - 679].

Значительная часть исследователей в России отмечает те же самые тенденции [98]. Исследования роли социальной поддержки в контексте влияния на уровень благополучия и здоровья исследования были показаны в ходе представительного опроса российского населения, проведенного в 1998 г. Р. Роузом [183], в 2008 году О.А. Кислицевой, С. Ферландер [57].

Для оценки уровня здоровья населения в нашем исследовании по Красноярскому краю, респондентам задавался вопрос: «Если говорить о состоянии Вашего здоровья, Вы бы сказали, что в настоящее время оно ...» с вариантами ответов: «очень хорошее», «хорошее», «удовлетворительное»,

«плохое», «затрудняюсь ответить». Большинство респондентов (55%) оценивает свое здоровье как удовлетворительное, 28% – хорошее, 6% – очень хорошее и 8% – плохое.

Уровень корреляции между объемом социальных связей и уровнем здоровья по Спирмену составляет 0,15 – 0,14 (были рассчитаны частные корреляции с исключением влияния переменной «возраст респондента»). Таким образом, можно сделать вывод о связи социального капитала и уровня здоровья с точки зрения респондентов.

В нашем исследовании была предпринята попытка не только оценить уровень физического, но и эмоционального здоровья респондентов. На сегодняшний день, усилиями современной психологии, психотерапии, педагогики были внесены существенные трансформации в представлениях о качестве жизни человека, его антропологическом, моральном статусе. Начиная с работ Н.Бердяева, который видел суть происходящих и необходимых для мира изменений как рождение этики Творчества, этики энергетической и динамической, современные концепции устанавливают сложный социально и этически обусловленный характер уровня счастья, энергии, внутренней силы и энергии человека. «Величайшая тайна жизни скрыта в том, что удовлетворение получает лишь дающий и жертвующий, а не требующий и поглощающий, – пророчествовал Н.Бердяев – И только в нем энергия жизни не иссякает. Творчество же есть ее неиссякаемость» [16, С. 168].

Во многих традиционных культурах считалось, что удача, благосклонность судьбы напрямую зависит от соблюдения этических норм. Например, в бурятских, монгольских представлениях каждый человек обладает от рождения конём-ветром. Те, кому способствует успех, обладают могучим конем-ветром. Деяния, совершаемые во благо общества в целом («гавья(н)» – подвиг), как и проявления великодушия, уважительного отношения человека к ближним и природе («буян» – добродетель) пестуют коня ветра. «Буян и гавьява можно рассматривать как своего рода

банковский вклад: он или пополняется, или транжируется в зависимости от совершаемых действий. Оскудевают буян с гавьява вследствие своекорыстия, ненависти, личной нечистоплотности и неуважения к природе, живым существам и духам» [122, С. 46].

Многие современные психологические и философские концепции, включая подходы Я. Морено, Э.Фромма, А. Маслоу, К. Юнга, В. Франкла и другие, включают индивида в сложную сеть взаимосвязей, развитие и укрепление которой и есть путь формирования зрелой личности, обретения себя – индивидуации.

Оценка своеобразного эмоционального капитала, его соотносимость с социальным в ходе данного исследования осуществлялась с помощью специально разработанной шкалы. Респондентам задавался вопрос: «Каков Ваш уровень внутренней силы, энергии, готовности к активному действию?» Опрашиваемым предлагалось оценить как часто они испытывают определенные состояния от прилива сил, вдохновения до депрессии, глубокой беспомощности с помощью градаций: «Практически постоянно», «Иногда», «Редко», «Не испытываю». Распределение ответов респондентов представлено в приложении Ж.

Согласно полученным данным жители Красноярского края испытывают весь спектр предложенных для самооценки эмоциональных внутренних состояний. Большая часть респондентов чаще переживают, так называемые, позитивные эмоции. Респонденты переживают "практически постоянно" и "иногда" такие эмоции как: "Огромный прилив сил, вдохновение" (14% – практически постоянно и 56% – иногда, соответственно), "Прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы" (18% и 53%, соответственно), "Состояние умиротворения и гармонии" (14% и 49%), "Чувствую спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой" (29% и 45%, соответственно).

В то же время, только треть всех респондентов отметили, что у них никогда не бывает состояний катастрофической нехватки сил, нежелания

что-нибудь сделать. Достаточно большая часть населения испытывает отрицательные эмоции: "Чувствую злость, раздражение по отношению к окружающему миру" (4% – практически постоянно, 23% – иногда, 42% – редко), "Сил не хватает, чувствую усталость" (11% – практически постоянно, 38% – иногда, 37% – редко), "Ощущаю катастрофическую нехватку сил, нежелание делать что-либо" (6% – практически постоянно, 25% – иногда, 40% – редко), "Ощущаю глубокую беспомощность" (3% – практически постоянно, 13% – иногда, 29% – редко).

Корреляционный анализ показал наличие связи между частотой появления соответствующих переживаний и возраста респондентов. Наиболее сильная связь обнаруживается для спектра позитивных эмоций «огромный прилив сил, вдохновение», «Прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы». Коэффициенты корреляции составляют по Спирмену 0,25 и 0,33, соответственно. Менее выражена связь возраста и спектра отрицательных переживаний. Необходимо отметить также связь частоты появления соответствующих переживаний и материального достатка, динамики материального положения за текущий год, уровня здоровья по самооценке респондентов (см. Приложение 3). Корреляционный анализ, также, позволил выявить прямую значимую взаимосвязь между объемом социального капитала в аспекте межличностных связей и частотой появления соответствующих эмоциональных переживаний (см. Приложение 3).

В целом, подводя итог анализу взаимообуславливаний, необходимо отметить важную особенность структуры функциональных взаимосвязей, определяемых объемом социального капитала в аспекте межличностных отношений. Во-первых, этот объем положительно взаимосвязан со всеми обсуждавшимися ранее характеристиками жизни респондентов (материальный достаток, удовлетворенность жизнью, динамика материального положения за текущий год, физическое здоровье, уровень внутренней энергии, качество эмоциональной жизни респондентов).

Во-вторых, объем социального капитала является частью интегрального комплекса взаимосвязей, поскольку все обсуждаемые переменные статистически значимо положительно коррелируют друг с другом. В приложении И представлены коэффициенты корреляций, отражающие комплексную природу указанных взаимосвязей.

Обнаруженные закономерности предполагают сложный нелинейный характер функционирования социального капитала в социальной структуре современного общества, когда одна из характеристик жизни респондентов влияет на другие по принципу положительных обратных связей. На циклическую, петлевую, а не линейную природу взаимосвязей элементов в рамках целого обращают внимание в методологическом плане многие современные теоретики системного подхода – П. Сенге, Г. Бейтсон, У. Матурана, Ю. Горский, Г. Померанц [86, 112]. Так, Григорий Померанц отмечает, что выделение элементов в системе как определенных, отдельных предметов достаточно условно. «То, что мы называем предметом, только узелок бесконечной сети, где все связано со всем и конец становится началом. Даже то, что физически легко обособить, - яблоко, например, - всего лишь миг в цепи отношений: яблони, почвы, солнца, ветра,...» [112, С. 215]. Аналогичный взгляд на природу взаимосвязей внутри целого развивал и Грегори Бейтсон, который, разрабатывая концепцию экологии человеческого разума, отмечал, что мир, в котором мы живем – это мир петлевых структур, и мудрость заключается в ощущении или осознании факта закольцованности, существования «взаимосвязанных петель обуславливания» [9, С. 177].

Как отмечалось, согласно концепции минимального универсума, функционально-организационному уровню организации системы соответствует ресурс доверия, которое является следствием усвоения и принятия социальных норм, развитости социальных институтов. Френсис Фукуяма видит в природе социального капитала «определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между

его членами» [151, С. 52], показывая, что социальный капитал создается и передается посредством культурных механизмов – таких как религия, традиция, обычай. На особой значимости ценностного аспекта в изучении социального капитала заостряет внимание В.Г. Немировский [99].

В нашем исследовании была предпринята попытка оценить уровень доверия, возникающий на институциональном уровне, используя методы математической статистики (описательная статистика, корреляционный, факторный анализ, многомерное шкалирование), как необходимые инструменты системного, комплексного изучения социального капитала, угроз и перспектив его развития.

С целью комплексного исследования уровня доверия в обществе респондентам задавался вопрос: «В какой степени Вы доверяете или не доверяете» (с предложенными вариантами ответов: «полностью доверяю», «пожалуй, доверяю в основном», «трудно сказать точно», «не очень доверяю», «совсем не доверяю», «не знаю»). Распределение ответов респондентов представлено в приложении К.

По результатам опроса можно сделать вывод об относительно невысоком уровне доверия институтам государства, местного самоуправления. Так, доверяют в какой-то мере суду только 22 % респондентов, губернатору – 21 %, прокуратуре – 19 %, полиции – 12 %, правительству региона – 14 %, Законодательному собранию – 10 %, муниципальному самоуправлению – 14 %, армии – 30 %. Несколько выше степень доверия федеральному уровню власти. Президенту доверяют в основном или полностью 37 % респондентов, Правительству РФ – 26 %. Существенно ниже доверие к Государственной Думе – 16 % респондентов. Полученные данные свидетельствуют об общем «кризисе доверия» к власти, начавшемся в период перестройки, с некоторыми успехами в построении, так называемой, «вертикали власти».

Значительный дефицит доверия обнаруживается в отношении институтов гражданского общества, необходимых для создания обратных

связей население-власть, способных оказывать влияние на аппарат государственного управления. В основном доверяют политическим партиям только 5 % респондентов, СМИ – 17 %.

Стремление государственной власти в последнее десятилетие заручиться поддержкой религии вполне оправдано, поскольку степень доверия населения к религиозным институтам определено выше, чем к институту государственной власти и самоуправлению. Церкви в основном или полностью доверяет 40 % респондентов, Богу – 52 %.

Исследование показало достаточно высокую степень межличностного доверия на уровне первичных социальных ячеек общества. Членам семьи в основном или полностью доверяют 84 % респондентов, коллегам – 59 %, соседям – 40 %. Результаты нашего исследования не позволяют согласиться с выводом Ф. Фукуямы, который приписал российскому обществу качество индивидуалистического. Семейные и профессиональные связи, в большинстве своем, строятся на доверии. Корреляционный анализ показал взаимосвязь объема социальных связей (количество людей, готовых прийти на помощь) и доверия к коллегам, соседям, семье, людям, с которыми лично знакомы, соотечественникам (коэффициенты корреляции по Спирмену составляют 0,18, 0,18, 0,19, 0,21, 0,19, соответственно). Весьма незначительное количество респондентов доверяет людям другой национальности, другой веры.

Применение процедуры факторного анализа позволило выявить четыре основных независимых друг от друга «области» доверия в массовом сознании жителей Красноярского края. Факторы были выделены методом главных компонент с последующим вращением по методу Varimax. Выделенные факторы описывают 51 % всей дисперсии признаков.

Фактор первый (26 % общей дисперсии) тесно связан с переменными, отражающими доверие к институтам государственной власти: (дополнительно через дефис указаны факторные нагрузки, отражающие силу связи соответствующей переменной с данным фактором, где максимальная

связь – 1) Суд – 0,61, Губернатор – 0,76, Профсоюз – 0,51, Прокуратура – 0,66, Полиция – 0,66, Правительство региона – 0,80, Политические партии – 0,68, Законодательное собрание – 0,76, СМИ – 0,40, Муниципальные и местные органы самоуправления – 0,65, Президент России – 0,73, Правительство России – 0,79, Госдума России – 0,79.

Примечательно, что население края не разделяет институты гражданского общества, ветви государственной власти и самоуправления. Доверие ко всем этим институтам, принципиально различным по своей сути, объединяется в один фактор. По всей видимости, на уровне массового сознания населения региона продолжают сохраняться представления о тотальной системе власти, сформировавшейся в советское время. Институты гражданского общества и самоуправления в массовом сознании на сегодняшний момент практически не дифференцировались от системы власти.

Фактор второй (9 % общей дисперсии) объединяет переменные, отражающие доверие в сферах семейного, профессионального, межличностного взаимодействия. Факторные нагрузки для соответствующих переменных составляют: Семья и родственники – 0,70, Коллеги – 0,63, Люди, с которыми знаком – 0,59, Я сам – 0,63. Фактор описывает круг социальных взаимодействий, внутри которого складываются отношения доверия.

Фактор третий (7 % всей дисперсии) объединяет переменные, характеризующие доверие к институту религии. Факторные нагрузки для соответствующих переменных составляют: Церковь и духовенство – 0,83, Бог – 0,82.

Фактор четвертый (9 % общей дисперсии) объединяет переменные, отражающие отношение к иным, незнакомым людям. Факторные нагрузки для соответствующих переменных составляют: Люди другой религии / веры – 0,82, Люди другой национальности – 0,82, Люди, с которыми Вы встречаетесь в первый раз – 0,67. Четвертый фактор показывает, что на уровне массового сознания существует недифференцированный

настороженный способ взаимодействия с людьми, неважно иной ли они веры, национальности или просто незнакомцы.

Применение процедуры многомерного шкалирования по переменным, отражающим степень доверия / недоверия, позволило визуализировать дистанции между соответствующими субъектами доверия. За основу расчета дистанций, принималась величина, обратная коэффициенту корреляции (1-R). Результаты процедуры многомерного шкалирования в двухмерном пространстве представлены в приложении Л. Стресс (показатель качества расположения переменных в мерном пространстве) составил для нашего случая 0,14, что свидетельствует о применимости процедуры, возможности систематизировать взаимосвязь между переменными, отражающими доверие, на довольно простом двухмерном пространстве (см. Приложение Л.).

Анализ распределения переменных в двухмерном пространстве, полученного в ходе многомерного шкалирования, позволяет уточнить смысл координат (размерность 1 и 2), определить закономерности, связанные со степенью близости отдельных субъектов доверия (см. Приложение Л.). Размерность 1, со всей очевидностью, различает личностное, индивидуальное от коллективного, общественного, государственного, трансперсонального. При этом позиции на плоскости 17 – «работодатель (администрация)» и 18 – «коллеги» занимают промежуточные позиции между личностным и общественным. Интересно, что среди органов государственной власти больше индивидуального в отношении населения к полиции (5 на диаграмме), больше всего имперсонального проявляется в отношении СМИ (9), профсоюза (3), церкви и духовенства (15). По всей видимости, восприятие Бога (16) относит его больше к трансперсональным, коллективным «материям», а не персональным, личностным связям.

Размерность 2 соотносится с общей степенью доверия или недоверия. Максимальное доверие на уровне массового сознания обнаруживается в отношении себя самого (22), семьи и родственников (21), Бога (16). Ниже, подобно шкале Богардуса, можно увидеть на диаграмме позиции 19 –

«Коллеги», 20 – «Соседи», 23 – «Люди, с которыми Вы лично знакомы», 26 – «Люди другой национальности», 25 – «Люди, другой религии / веры» . На другом конце диаграммы по горизонтали располагаются позиции институтов власти и гражданского общества с низкой степенью доверия у населения. По всей видимости, несформированность институтов современного правового, демократического государства в России рождает тотальное недоверие ко всему иному (людям другой религии, другой национальности) взаимодействовать с которыми населению Красноярского края приходится напрямую, без посредничества и защиты со стороны государства.

В тесной связи со сформировавшейся системой доверия / недоверия находится и так называемая толерантность. Для западного общества идея толерантности в рамках закона связана, прежде всего, с развитостью форм правового государства. В России, как уже отмечалось, обоснованно низкий уровень доверия населения к институтам правовой системы закономерно порождает и достаточно низкий уровень толерантности.

Для оценки степени толерантности респондентам был задан вопрос: «Ниже перечислены различные группы людей. Назовите группы, с представителями которых Вы не хотели бы жить по соседству». Распределение ответов респондентов представлено в М.

Наибольшее неприятие у населения вызывают девиантные группы населения, характеризующиеся потенциально высоким уровнем преступного поведения (алкоголики и наркоманы). Значительно выражено неприятие гомосексуалистов и больных СПИДом, иммигрантов и иностранных рабочих. В меньшей степени вызывают опасения люди другой национальности, другой религии, разговаривающие на иностранном языке.

И доверие, и толерантность в отношениях становятся возможными только благодаря существованию определенной культурной системы норм и ценностей, которая «стремится ограничить грубый эгоизм человеческой природы рамками неких неписанных моральных правил» [151, С. 69]. При этом концепция социального капитала предполагает согласованность

требований морали к конкретному индивиду, вытекающих из потребностей общества, и определенной степени благ, достигающихся индивиду как следствие его добродетельного поведения. Социальный капитал, «нажитый» в ходе следований предписаниям морали, и является, по сути, тем механизмом, который делает возможным связать благо для личности и благо для общества, таким образом, что ответственность и забота о других ведут к преуспеванию индивида, избравшего путь социальной добродетели. Достаточно ясны на сегодняшний день социальные и психологические механизмы, поддерживающие мораль в традиционных сообществах. Культуральные процессы десакрализации, освобождения индивида из под диктата моральных предписаний традиции, сделали проблематичными предписываемые модели поведения, оставили неоформленными грани дозволенного, заставляя повторять вслед за героем Достоевского фундаментальный этический вопрос: все ли дозволено, если Бога нет?

Понимая всю сложность данной проблематики, требующей анализа комплексной природы неэгоистического, ответственного, заботливого поведения в современном мире, нами была предпринята попытка эмпирического изучения функциональности различных моральных предписаний, возможностей совмещения ценностей личного «успеха» и ценностей «заботы».

В нашем исследовании была использована модифицированная методика Ш. Шварц и В. Билски, которые разработали концепцию базовых ценностей человека, получившую широкое распространение и активно используемую в сравнительных исследованиях [184, 185]. Ш. Шварц выделил 10 базовых ценностей, с целью измерения которых респонденту предлагается оценить по шестибальной шкале ряд «портретов» людей, выражающих определённые ценности. С помощью методов корреляционного анализа, Ш. Шварц выделил четыре обобщенные ценности, которые в целом образуют две оси: «Самоутверждение» – «Выход за пределы “Я”» и «Сохранение» – «Открытость изменениям». Данная методика была

переведена на русский язык и адаптирована В.Н. Карандашевым [47], была использована в исследованиях российского населения В. Магуном, М. Рудневым [79]. Респондентам предлагалось следовать следующей инструкции: «Сейчас я буду зачитывать высказывания, описывающие разные типы людей. Для каждого высказывания, оцените, пожалуйста, насколько такой человек походит на Вас?» в соответствии с предложенной шкалой. Результаты исследования представлены в приложении Н.

Анализ распределения ответов респондентов позволяет определить развитость среди населения Красноярского края ценности заботиться о ближних. 56 % респондентов относит себя к тем, кому «важно помогать ближним, заботиться об их благополучии». Ценности гедонистического поведения, стремления к успеху, в среднем, менее выражены (25 % и 21 %, соответственно). Значительная часть населения в той или иной степени идентифицирует себя как творческих "Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем" (54 %).

Применение процедур корреляционного анализа, факторного и кластерного анализов позволяет комплексно изучить системы ценностей, выделить обобщенные типы поведения, соотносимого с определенной системой ценностей.

Результаты примененных нами методов анализа (см. Приложение О.) соотносимы с результатами В. Магун и М. Руднева. Как характеризуют В. Магун и М. Руднев, 10 использованных индикаторов взаимосвязаны между собой и объединены в четыре более крупные категории ценностей. В целом, категория, названная **«сохранение»**, объединяет ценности «безопасность», «конформность», «традиция». Категория **«открытость изменениям»**, противоположная по смыслу категории «сохранение» включает в себя ценности «риск-новизна», «самостоятельность» и «гедонизм». Данные категории определяют содержание первой дихотомии – «открытость изменениям – сохранение». Следующая дихотомия образована оппозицией ценностных категорий **«самоутверждение»** (в нее входят ценности «власть-

богатство» и «достижение») и «**выход за пределы своего “Я”**» (объединяет ценности «универсализм» и «благожелательность») [80].

В ходе изучения корреляционной матрицы нами была получена более неоднозначная картина чем в исследованиях В. Магуна, М. Руднева. Ценности не находятся в противоречивых отношениях друг по отношению к другу о чем свидетельствует отсутствие отрицательных корреляций. Исключение составляет пара ценностей «риск-новизна» и «безопасность» (коэффициент корреляции -0,18). В тоже время можно выделить «пучки» взаимосвязанных ценностей (см. рисунок 2.3.), которые независимы друг от друга. Отчетливо выделяются два «пучка». Первый связывает вместе ценности «творчество», «риск-новизна», «достижение», «богатство», «гедонизм», что по всей видимости, определяет некий латентный фактор, который может быть назван как «успех через стремление к достижениям и творчество». Это те ценности, которые соответствуют современной конкурентной, инновационной, достаточно эгоистической стратегии жизни многих россиян. Во второй «пучок» объединяются вместе ценности «универсализм», «конформность», «традиция», «благожелательность», что может быть определено неким общим фактором, который связан с требованием соблюдения определенных норм, задаваемых как традицией, ближайшим окружением (конформизм), так и этикой заботы о ближнем (благожелательность), заботы об экологии (универсализм). Подчеркнем, что эти два «пучка» ценностей проявляют себя независимо друг от друга, не находятся в антагонистических отношениях.

Важно отметить, что на максимальном корреляционном графе обнаруживает себя и третий «пучок» ценностей, объединяющий ценности «заботы и успеха»: ценности заботы о ближнем (благожелательность), заботы об экологии (универсализм), ценности творчества, риска-новизны, достижения.

Результаты проведенного нами с помощью процедуры построения максимального корреляционного графа анализа, достаточно хорошо

соотносятся с результатами факторного анализа, в ходе которого было выделено три независимых фактора.

Фактор1 (описывает 25 % общей вариации признаков) объединяет ценностные ориентации на богатство, достижения, гедонизм с факторными нагрузками 0,8, 0,78, 0,8, соответственно. Достаточно тесно связаны с фактором ориентации на творчество, риск-новизну (факторные нагрузки составляют 0,45, 0,52, соответственно).

Фактор 2 (описывает 22 % общей вариации признаков) определяет обобщенную ориентацию, которую характеризуют ценности благожелательность (забота о ближнем), универсализм (важности заботы об окружающей среде и природе), комфортность, традиции с факторными нагрузками 0,6, 0,77, 0,68, 0,78, соответственно.

Фактор 3((11,56 %) характеризует комплекс ориентаций на ценности творчество-самостоятельность и риск-новизну. При этом резко отвергается ценность безопасности (факторные нагрузки составляют 0,46, 0,67 и -0,75, соответственно).

В целом необходима осторожность в интерпретации результатов статистического анализа, важности соотнесения различных методов анализа данных. В частности на целесообразность такого соотнесения (последовательное применение корреляционного, факторного и кластерного анализов) указывал известный российский методолог В.А. Ядов [174]. Применение кластерного анализа позволяет выделить устойчивые сочетания обобщенных ценностных ориентаций населения Красноярского края.

Процедура кластерного анализа по десяти переменным, описывающим ценностные ориентации, осуществлялась в два этапа. На первом этапе методами иерархической кластеризации определялось целесообразное количество, выделяемых групп. На втором этапе методом K-means респонденты относились к одной из соответствующих групп, что позволяло в дальнейшем определить профиль кластера (типичного респондента),

методами математической статистики выявить интересующие закономерности.

В конечном итоге, в ходе нашего анализа было выделено четыре кластера с численностью: 1 кластер – 304 респондента, 2 кластер – 292 респондента, 3 кластер – 346 респондентов, 4 кластер – 274 респондента. Анализ профилей кластеров позволяет установить ценностные ориентации представителей каждого кластера (см. Приложение П.). Для типичного представителя кластера 1 характерна важность ценностей «творчество», «богатство», «гедонизм», «достижение», отрицание важности следования ценностям традиции, конформизма, универсализма (заботы об окружающей среде и природе). Условно кластер данной ценностной ориентации назовем «успех». Типичный представитель кластера 2 (ни успеха, ни норм) отрицает все предложенные ценностные ориентации, за исключением, в слабой степени, «помогать ближним, заботиться об их благополучии». Типичные представители кластера 3 (нормы) отрицают важность для себя ценностных ориентаций на богатство, гедонизм, достижения, риск-новизну, придерживаясь ценностей заботы о ближнем, конформизма, универсализма, традиции, в меньшей степени, личной безопасности и творчества. Наконец, представители 4 кластера, условно названные «успех-нормы», сочетают ценности богатства, гедонизма, достижения и ценности следования нормам традиции, универсализма, конформизма. Для представителей этого кластера характерно наиболее высокая оценка важности для себя творчества, риска-новизны, заботы о ближнем (см. рисунок 2.4). Отметим, что применение в названиях кластеров понятий «успех», «нормы» достаточно условно и имеет функции облегчения узнавания типологии кластеров в тексте. Также, в соответствии с результатами корреляционного анализа, можно отметить, что важность ориентации на нормы тесно взаимосвязана с ориентацией на заботу о ближних, об экологии (универсализм).

Таким образом, четыре выделенных кластера репрезентируют 4 возможных сочетания ориентаций на ценности «успеха» и ценности «норм».

Дж. Караедаги определяет такой способ кластеризации как наиболее приемлемый для моделирования и изучения сложных систем [23]. При этом выделенные оси характеризуются двумя градациями: низкое и высокое значение. Для двух осей выделяется соответственно четыре возможных комбинаций. В нашем случае такими осями стали ориентации на «успех» и «нормы», разделившие всех респондентов на четыре группы: кластер 1 (успех) – высокое значение ориентаций на успех, низкое на нормы, кластер 2 (ни успеха, ни норм) – низкое значение ориентаций и на успех, и на нормы, кластер 3 (нормы) – высокое значение ориентаций на нормы, низкое на ценности успеха, кластер 4 (успех и нормы) – высокое значение ориентаций на ценности успеха и нормы. Важно отметить, что кластеры были выделены не априорным, а эмпирическим методом, таким образом, отражая естественные процессы агрегации и самоорганизации общества.

Методы математической статистики (корреляционный, дисперсионный анализ) позволили установить особенности и «обобщенный выигрыш» каждого из этих комплексов ценностных ориентаций.

Несмотря на то, что в кластеры входят представители всех возрастов (см. Приложение Р.), средний возраст представителей каждого кластера различается. Так, средний возраст респондентов, входящих в 1-й кластер (успех), составляет 35 лет, 2-й кластер (ни успеха, ни норм) – 43 года, 3-й кластер (нормы) – 49 лет, 4-й кластер (успех и нормы) – 39 лет, что позволяет сделать выводы и о некоторой возрастной и межпоколенной динамике ценностных ориентаций. Поколение, имеющее возраст в диапазоне 44-64 лет, мало ориентируется на ценности успеха, в значительной степени – на ценности соблюдения норм. Респонденты в возрасте от 34-44 года больше склонны отрицать ценности успеха и норм. Респонденты моложе 34 лет в основном придерживаются ценностных ориентаций на успех или сочетание успеха и норм.

С учетом неравномерного распределения респондентов различных возрастов по кластерам далее методы сравнительного анализа применялись в

виде расчета коэффициентов частной корреляции с устранением влияния переменной «возраст респондента». Результаты сравнительного анализа корреляций между членством в кластере и значимыми для исследования переменными представлены в приложениях (см. Приложение С.).

В целом, анализируя различия между кластерами, можно сделать вывод о статистически значимом отличии типичного представителя кластера 4, интегративно совмещающего ценностные ориентации на достижение успеха и соблюдение норм. Подчеркнем, что для представителей кластера 4 (успех-нормы) в наибольшей степени характерно придерживаться ценностей творчества, заботы о ближнем, об окружающей среде. Для представителей этого кластера характерен как наибольший уровень удовлетворенности жизнью, внутренней энергии, позитивных эмоций, физического самочувствия, так и наибольший объем межличностных связей, уровень доверия к институтам власти. За последний год уровень жизни представителей этого кластера по сравнению с другими улучшился.

Контрастно отличается средний представитель кластера 2, который можно назвать еще и аномийным. Для представителей этого кластера характерен наименьший объем межличностных связей, уровень доверия, самый низкий уровень оценки важности «быть самостоятельной творческой личностью, идти своим путем, так и оценки важности заботиться о ближнем, об окружающей среде и природе».

Таким образом, есть некоторое статистически значимое преимущество для тех, кто ценит и считает важным соблюдение норм, традиций, но это преимущество связано с возможностью интегративного совмещения ценностей самореализации и ответственности, что требует соответствующих компетенций, прежде всего, творческих.

Отметим, что творческое мировоззрение предполагает уход от черно-белой картины мира, предполагает умение сочетать противоположности, умение понимать ограниченность полярных точек зрения, умение самообучаться и планировать. На этот значимый компонент компетенций

необходимый для совместного творчества, коллективной креативности обращают внимание многие авторы передовых социальных технологий Ч. Лэмбри, Р. Акофф, У. Черчмен, Г. Бейтсон, П. Сенге, Дж. Гараедаги и другие.

Значимые различия между кластерами проявляются как в стремлении иметь смысл жизни, в смысложизненных ориентациях респондентов, так и в стремлении к участию в социальной, культурной, политической жизни общества.

По результатам опросов можно сделать вывод: размышления о смысле жизни не чужды жителям Красноярского края. Дисперсионный анализ показал значимые различия по этой переменной между группами (кластерами) респондентов (см. Приложение Т.). В наибольшей степени думают о смысле жизни представители 3 (нормы) и 4 (успех-нормы), в меньшей степени – представители 2 кластера (ни успеха, ни норм) и 1 кластера (успех).

В инструментарий анкетного опроса входила разработанная В.Г. Немировским методика измерения смысложизненных ориентаций [95]. Респондентам задавался вопрос: «Представьте себя через 10 лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?» с предложенными вариантами ответов (1 – «Мало вероятно», 2 – «Возможно», 3 – «Маловероятно»). Распределение средних значений ответов респондентов по кластерам представлено в приложении И. Дисперсионный анализ показал статистическую значимость различий между кластерами по всем исследуемым переменным. Представители кластера 4 в большей степени, чем представители других кластеров, ориентированы на духовное развитие, нравственное самосовершенствование, жизнь ради людей, регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки, интересную, творческую работу, руководящую должность, хорошую семью, так и на престиж, восхищение окружающих, хорошие возможности для отдыха и развлечений, материальный достаток.

Важной составляющей социального капитала является активное участие в работе различных добровольных общественных объединений. Результаты нашего исследования показали наличие тесной связи между ценностными ориентациями респондентов и их социальной, политической, культурной активностью. В приложении У. представлены данные по участию респондентов в работе различных общественных организаций.

В целом, обнаруживается значимое различие между кластерами по участию респондентов в работе общественных организаций. Наибольшую активность во всех формах организаций проявляют представители кластера 4, интегративно сочетающие ценности успеха и соблюдения норм, придающие максимальное значение ценностям творчества, ориентирующиеся на смыслы духовного и нравственного развития. Наименьшую – представители кластера 2, представители которого придают минимальное значение творчеству, соблюдению норм, ценностям нравственного и духовного уровня.

Таким образом, выделение определенных типов ценностных ориентаций последовательным применением корреляционного, факторного, кластерного анализов с последующим анализом различий показало значимость концепции социального капитала в аспекте доверия, признания ценности соблюдения норм. При этом можно сказать, что социальный капитал в этом аспекте как бы интегрирует духовные, нравственные, творческие грани индивида и его социальную, профессиональную, культурную, политическую активность в форме добровольного участия в работе общественных организаций, обеспечивая индивида большим объемом межличностных связей, уровнем внутренней энергии, позитивности эмоциональных состояний, уверенности в своем будущем, некоторой динамикой улучшения условий своей жизни. Возможность реализации социального капитала в такой форме связана, по всей видимости, с нарастанием значимости организационных форм постиндустриального общества, инновационной,

креативной экономики в ходе становления и развития информационного уровня общества.

3.2. Самообразование, коммуникативные навыки, творческая направленность личности как фактор развития социальной структуры и социального капитала в Красноярском крае

Исходя из представлений о взаимосвязанности и взаимообусловленности процессов личностного, общественного, культурного развития в нашей работе особое значение придавалось изучению связи социального капитала (в обсуждаемых в данной работе формах) с ключевыми аспектами модернизации современного общества, которые видятся в усилении актуальности творческой ориентации личности, развитии коммуникативных навыков, росту важности образования и самообразования, качестве переживаемых личностью эмоциональных состояний.

В то же время понимая значение этих изменений для дальнейшей эволюции социума, в частности, России, необходимо осознавать и тот факт, что на сегодняшний момент приходится иметь дело больше с тенденциями, которые постепенно набирают свою силу в ходе нелинейного процесса становления информационно-духовного уровня социума.

Задачей данного параграфа стало проведение анализа и философского осмысления комплекса нелинейных взаимосвязей между выделенными нами в ходе философского анализа аспектов модернизации современного общества (усиление актуальности творческой ориентации личности, коммуникативных навыков, образования и самообразования, качестве переживаемых личностью эмоциональных состояний, их отражение в социальной стратификации общества).

Оценка значения творчества в жизни населения Красноярского края осуществлялась посредством нескольких вопросов анкеты. Респондентам предлагалось идентифицировать себя как человека, для которого важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем (см. Приложение Е). Кроме того, предлагалось охарактеризовать свою работу как «творческую работу», спрогнозировать характеристики своей жизни через 10

лет в аспекте наличие «интересной, творческой работы» в рамках методики В.Г. Немировского изучения смысложизненных ориентаций личности (см. Приложение Т.).

В целом, 32 % респондентов отметили, что данное описание творческой личности похоже или очень похоже на них, 22 % – «чем-то похоже», 22 % – «немного похоже». Только 23 % опрошенных считают себя личностями, чуждыми творчеству.

Среди опрошенных 19 % характеризуют свою работу как «руководство подчиненными», 67 % – как «работа с людьми», 26 % – как «творческая работа», 39 % – как «работа с компьютером», 28 % – как «работа с техникой», 28 % – как «ручной труд».

Через десять лет считают, что их жизни будет присуща такая характеристика как «интересная, творческая работа»: обязательно – 25 % респондентов, возможно – 38 %, маловероятно – 37 %.

Таким образом, большая часть населения Красноярского края соотносит себя, тем или иным образом, с творчеством, творческим процессом, определяя творчество, как значимое качество современной личности. При этом число респондентов идентифицирующих свою работу как творческую (26 %) существенно меньше, чем идентифицирующих себя с творческой личностью, хотя интересная, творческая работа является частью прожективных представлений и, соответственно, смысложизненной ориентацией больше половины (63 %) населения Красноярского края.

Необходимо отметить, что в обсуждаемом контексте влияния на социальные аспекты жизни респондентов личностная самоидентификация себя как творческой личности, смысложизненная ориентация на интересную, творческую работу более значимы, чем идентификации своей работы непосредственно как творческой, на что указывают результаты корреляционного анализа (см. приложение Ф.).

Творческая ориентация личности как форма, соответствующая информационному уровню развития социума тесно связана с развитием

новых форм образования. При этом формой образовательной активности, наиболее полно отвечающей развивающемуся информационному уровню, становится самообразование. Личностная потребность в обучении, развитии становится стержнем развития института самообразования во многих значимых аспектах человеческой жизни.

С целью выявить формы и роль самообразования в жизни респондентов, в ходе опроса задавались вопросы: «Находите ли Вы важным тратить свое время на самообразование?» с последующим уточнением «Какие конкретные шаги Вы предпринимаете по самообразованию?». Девять стандартизированных направлений самообразования предлагалось оценить согласно предложенной шкалы («Это мое серьезное увлечение», «Интересуюсь по мере возможности», «Когда-то увлекался», «Практически нет»). Распределение ответов респондентов представлено в приложении X.

Только 10 % всех респондентов указали, что они не находят важным тратить время на образование. Среди наиболее распространенных направлений самообразования для большинства респондентов следует отметить: изучение специализированной литературы по профессии (69 % интересуются или увлекаются), изучение научно-познавательной литературы (55 %), изучение новых компьютерных программ (47 %). В меньшей степени для населения характерно погружение в серьезное искусство (30 %), творческая деятельность (40 %), изучение литературы по бизнесу управление (27 %), изучение литературы по психологии (34 %), обучение психической саморегуляции (25 %), глубокое изучение религиозной этики, освоение духовной культуры (20 %).

Корреляционный анализ показывает связь между активностью самообразования респондентов и их возрастом. Статистически значимые взаимосвязи отсутствуют для направлений «Изучение специализированной литературы по профессии», «Изучение научно-познавательной литературы», «Глубокое изучение религиозной этики, освоение духовной культуры». Наиболее выражены различия по направлениям, связанными с новыми

подходами в управлении, психологии, информатики: «Изучение новых компьютерных программ», «Изучение литературы по бизнесу, по управлению», «Творческая деятельность», «Изучение литературы по психологии», «Обучение психической саморегуляции» (коэффициенты корреляции составляют по Спирмену 0,27, 0,24, 0,23, 0,19, 0,15, соответственно).

Расчет частных корреляций (при исключении влияния переменной «возраст респондента») показал наиболее сильную взаимосвязь интереса к различным направлениям самообразования с творческой ориентацией личности. Степень согласия с высказыванием «Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем» соотносится с «погружением в серьезное искусство в различных его формах» (коэффициент корреляции – 0,31), «изучением литературы по психологии» (коэффициент корреляции – 0,29), «обучению психической саморегуляции» (коэффициент корреляции – 0,22), «изучению литературы по бизнесу, управлению (коэффициент корреляции – 0,2).

Самообразование имеет значение, прежде всего, в контексте повышения уровня знаний, информированности акторов (на это обстоятельство обращает особое внимание ставшая классической концепция лидеров мнений Лазерсфельда [7], предполагающая информационную самоорганизацию первичных социальных групп вокруг компетентных людей, то есть компетентность в широком круге вопросов может рассматриваться как форма социального капитала). Корреляционный анализ показывает взаимосвязь объема межличностных связей респондента с самообразовательной активностью респондента. Коэффициенты корреляций представлены в приложении Ц.

В то же время самообразование, творческая направленность личности связана и с эмоциональным состоянием респондентов, их мотивацией, общим энергетическим, эмоциональным уровнем жизни.

Корреляционный анализ позволил установить связь активности в самообразовании с переживанием таких состояний как «огромный прилив сил, вдохновения», «прекрасного самочувствия, новых идей, замыслов», «умиротворения и гармонии» (коэффициенты корреляции по разным направлениям самообразования составляют в среднем 0,2 – 0,3). Коэффициенты корреляции позитивных эмоциональных состояний с творческой направленностью личности составляют: для высказывания «Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем» коэффициент корреляции – 0,36, для смысложизненной ориентации на «интересную, творческую работу» коэффициент корреляции – 0,38).

С целью исследовать источники внутренних сил, мотивации респондентам задавался вопрос «Что для Вас является источником внутренних сил, дает Вам энергию, волю к жизни?». Все нижеперечисленные возможные источники внутренних сил, энергии, воли к жизни респонденты должны были оценить по трехбалльной шкале: 3 – «самое главное для меня», 2 – «Иногда», 1 – «не является». Исследование источников внутренних сил респондентов позволяет интегрально оценить специфику системы ценностей и модусов существования жителей региона. Распределение ответов респондентов в целом для жителей региона представлено в приложении Ч.

Для всей совокупности респондентов характерна высокая оценка «семьи», «профессии» как источников энергии, воли к жизни. 80 % респондентов отмечают, что семья является самым главным для них, профессия как главный фактор мотивации выступает у 30 % респондентов. Все остальные источники являются не самыми главными, но достаточно значимыми источниками энергии. 58 % респондентов отмечают в качестве таковых занятия творчеством, 71 % указывает на путешествия, 60 % – на занятия спортом. Достаточно распространены источники, достаточно новые для российского общества, такие как религиозные, духовные переживания

(39 %), психологические приемы, саморегуляция, медитативные практики (40%).

В ходе анализа было установлено, что творческая ориентация личности, активность в различных формах самообразования расширяют спектр источников внутренней энергии индивида. Чем больше выражена творческая ориентация, активность самообразования, тем шире спектр источников энергии, которую использует личность. Коэффициенты корреляции с творческой смысложизненной ориентацией личности составляют, соответственно: занятия творчеством – 0,36, занятия спортом – 0,3, глубокое погружение в серьезное искусство – 0,34, профессия – 0,2, психологические приемы, саморегуляция, медитативные практики – 0,26, конкуренция, чувство соперничества – 0,3, путешествия – 0,24. Аналогичным образом, с широтой спектра источников внутренней энергии индивида связано и самообразование.

Важной частью жизни современного человека является досуговая деятельность – деятельность в свободное время вне сферы общественного и бытового труда, благодаря которой индивид восстанавливает свою способность к труду и развивает в себе широкий спектр умений и навыков, устанавливает связи с другими людьми. Многие авторы, начиная с Дюркгейма, изучающие формы досуга, особое значение придавали таким функциям досуга как развитие общественной солидарности, ощущения единства с другими людьми, со своей группой, катарсиса и эмоционального резонанса – эмоционального «заряжения». Развитие системы досуга становится значимой функцией современного муниципального менеджмента, который придает определенным формам досуга функции развития и укрепления общественных связей, создания положительных ассоциаций с местом работы и проживания, особой атмосферы доверия, праздничности и комфорта, патриотизма. В таблице 2.10. представлены результаты ответа на вопрос «Как часто Вы посещали в последний год?» с оценкой предложенных вариантов организаций досуговой деятельности (см. Приложение III).

Наибольшей популярностью у населения края пользуются клубы по интересам. 19 % всего населения регулярно (не меньше раза в месяц) их посещает. Значимы библиотеки (21 % населения, соответственно), стадионы (14 % населения). Более простые виды развлечений в культурном плане, такие как дискотека (11 %), кинотеатр (20 %) являются более посещаемыми жителями края, чем театры (5 %), концертные залы (6 %).

Активность в посещении досуговых учреждений значимо коррелирует как с объемом межличностных связей, так и уровнем позитивных эмоций респондентов, творческой смысложизненной ориентацией, идентификацией себя с творческой личностью.

Особое место в развитии социального капитала как необходимого ресурса интеграции интересов личности и общества занимают общественные организации (неправительственные объединения граждан по общим интересам и целям, созданные на добровольной основе). Например, благодаря существующим детским и молодежным общественным организациям юным гражданам России предоставляется возможность стать активным участником социальной или правовой деятельности, что разительно отличает подобные группы от неформальных сообществ (компаний, банд и т.п.) [33]. Проблемам общественных объединений и организаций, их растущему значению в системной самоорганизации на данный момент уделяется особое внимание в политологии, теории государственного и муниципального управления. Функцией общественных объединений становится агрегация и артикуляция интересов отдельных людей; социализация граждан; их социальная интеграция и мобилизация; лоббирование интересов участников общественных объединений при взаимодействии с различными политическими и социальными институтами. В конечном итоге общественные объединения в демократических государствах обеспечивают контроль над деятельностью государственного аппарата через подсистемы функционального и политического представительства. Рост числа общественных организаций, увеличение

количества их членов, известности и степени влияния – это универсальный путь развития современной демократии, путь на который Россия встала в историческом смысле сравнительно недавно.

С целью определения места общественных организаций в жизни населения Красноярского края респондентам было предложено оценить насколько активное участие они принимают в работе нижеперечисленных организаций. Распределение ответов на вопросы представлено в приложении Щ.

В целом членство жителей края в различных общественных организациях стало достаточно распространенным явлением. Членство в гуманитарных или благотворительных организациях отметило 9 % респондентов, профессиональных объединений – 19 %, организаций по защите прав потребителей – 5 %, экологических организации – 7 %, профессиональных объединениях – 18 %, религиозных или церковных организациях – 14 %.

В то же время как отмечает Окатов А.В., проводя историко-социологический анализ, численность общественных организаций дореволюционной России во многих провинциях превышала численность общественных организаций современной России в 2006 году [104]. Несмотря на государственную финансовую поддержку НКО, наблюдается незначительная положительная динамика роста численности членов общественных организации [103]. Основным препятствием является низкий уровень доверия между населением, общественными организациями, предпринимателями, тормозящий развитие партнерских отношений.

Данные нашего исследования, как уже отмечалось ранее, также показали низкий уровень доверия в российском обществе к различным организационным структурам, недифференцированность институтов гражданского общества от государственной власти на уровне массового сознания населения Красноярского края. Можно отметить, что существует небольшая, но статически значимая, по данным корреляционного анализа,

положительная связь между степенью доверия к органам государственной власти, местного самоуправления и членством в таких общественных организациях как «организации по защите прав потребителей», «профессиональные объединения», «экологические организации», «организации, связанные с искусством, музыкой или образованием». По всей видимости, данный факт указывает на интегративную роль, которую выполняют общественные организации, постепенно развивая партнерские отношения между государством и личностью. Как уже указывалось нами в рамках проделанного кластерного анализа, более активны в деятельности общественных организаций люди, идентифицирующие себя как творческие личности, в то же время, ориентированные на соблюдение норм, традиций, заботу о других. Корреляционный анализ показал и наличие связи между активностью в работе общественных организаций и частотой положительных эмоциональных состояний респондентов, таких как: огромный прилив сил, вдохновение, прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы, состояние умиротворения, гармонии, спокойной уверенности в своих силах (в среднем коэффициенты корреляций составляют 0,2).

Огромную роль в организации современного общества играют средства массовой информации. Изменения в структуре СМИ порождают серьезные изменения на уровне политической, социальной систем. Как показывают современные исследования российского общества, предпочтение различных СМИ, в частности, интернета или телевидения, серьезным образом отражается на восприятии и оценки политической реальности населением [111]. В приложении Б. представлены данные по использованию средств коммуникации населением края.

Практически все жители Красноярского края (90 %) получают информацию из новостных выпусков на радио или телевидении, 79 % из них получает более полную картину из подробных репортажей по радио или телевидению. Массовым стало и пользование интернетом (65 % респондентов). Меньше половины жителей Красноярского края читают

книги (41 %), журналы (34 %). Известно, что средства массовой коммуникации, задавая повестки дня, создавая общую картину мира политических и социальных взаимодействий, могут оказывать серьезное влияние на социальные группы и отдельных индивидов. Прделанный нами корреляционный анализ подтвердил мнение многих современных исследователей, что среди других, именно пользование интернетом связано с «производством» различий и поляризаций ценностной, нормативной природы.

Поскольку возраст респондентов отрицательно коррелирует с использованием сети Интернет (коэффициент корреляции составляет -0,44) и положительно с использованием новостных выпусков на радио или телевидении (коэффициент корреляции составляет 0,27), то нами были рассчитаны частные корреляции, исключаящие влияние возраста респондента. Показано, что пользование интернетом положительно связано со многими переменными.

Пользование интернетом положительно взаимосвязано с самоидентификацией себя как творческой личности, со смысложизненными ориентациями на интересную, творческую работу, регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки, духовное развитие, нравственное совершенствование (коэффициенты корреляции по Спирмену составляют (0,25, 0,17, 0,17, 0,12, соответственно), объемом межличностных связей респондента (в целом коэффициенты корреляции составляют 0,14). В то же время пользование интернетом никак не связано с активностью респондента в отношении различных общественных организаций.

Положительная обратная связь обнаружена и со значимостью для респондента самообразования в (коэффициент корреляции составляет 0,23), частотой таких эмоциональных состояний, как «огромный прилив сил, вдохновение», «прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы» (коэффициент корреляции составляет 0,18, 0,21, соответственно), с получением энергии от таких источников, как: «занятия творчеством»,

«увлечение искусством (эстетические переживания)», «психологические приемы, саморегуляция, медитативные практики» (коэффициенты корреляции составляют 0,14, 0,25, 0,18, соответственно).

Получение информации от сети Интернет отрицательно связано с доверием к средствам массовой информации, доверием Президенту России и Правительству РФ (коэффициенты корреляции составляют -0,15, -0,12, -0,14, соответственно), но никак значимо не связано с доверием к другим органам государственной власти уровня федерации и субъектов федерации, органам муниципальной власти. По всей видимости, Россия, также как и многие другие страны, переживает кризис традиционных политических коммуникаций, что проявляется, наряду с другими признаками, в росте влияния новых методов коммуникаций, значимое место среди которых занимает Интернет, усилия критичность населения в отношении ключевых позиций «вертикали власти» современной России.

С целью выявления отдельных составляющих социального и культурного капитала (необходимых для воплощения знаний, ценностей, культурного багажа в активную форму развиваемого ресурса) нами были исследованы коммуникативные компетенции респондентов. Респондентам было предложено оценить по 4х балльной шкале, какими навыками и в какой степени они обладают: «Практически нет» (не обладаю), «Иногда, при благоприятных обстоятельствах», «Так же как все», «Это мой козырь» (см. Приложение Э.).

Результаты анализа показали, что считают «своим козырем» понимание собеседника и чувство такта, деликатность в общении 31 и 25 % опрошенных соответственно. Полагают, что выделяются среди окружающих способностью лаконично и четко излагать свои мысли – 16 % жителей региона, умением излагать свои мысли на бумаге – 16 %, способностью выражать свои чувства – 15 %, способностью убеждать других – 14 %, умением обаять, очаровать собеседника – 15 %, остроумием, умением тонко и иронично подметить суть проблемы – 16 %. Наименее развиты

коммуникативные способности, связанные с письменной культурой: литературным языком – 11%, интересу к созданию текстов собственного сочинения – 9 %.

То есть навыки и умения, необходимые для налаживания эффективного социального взаимодействия на межличностном уровне, как важное условие создания и реализации своего социального капитала, у большинства опрошенных развиты достаточно слабо.

Факторный анализ позволил выделить три латентных фактора, определяющие коммуникативную компетентность индивида.

Фактор 1 (18 % всей описываемой вариации признаков) тесно связан с переменными «способность вызывать интерес», «умение пошутить, рассказать анекдот», «понимание собеседника» (факторные нагрузки составляют 0,97). Корреляционный анализ показал отсутствие связи данного фактора с творческой ориентацией личности, объемом межличностных связей. Фактор условно назван нами «обыденной» коммуникацией.

Фактор 2 (20 % вариации признаков) определяется взаимосвязью с переменными «чувство такта, деликатность в общении», «умение обаять, очаровать собеседника», «способность лаконично и четко излагать свои мысли», «интерес к общению с другими», «остроумие, умение тонко и иронично подметить суть проблемы» с факторными нагрузками 0,62, 0,71, 0,57, 0,63, 0,57, соответственно. Фактор 2, по всей видимости, может быть интерпретирован как «искусство общения», требующее более высокого уровня культурного развития личности, обладания навыками создания своеобразного эмоционального резонанса и, одновременно, четкой организации мысли. Интересно отметить, что с объемом межличностных связей респондента наиболее сильно связаны коммуникативные компетенции, определяемые именно фактором 2.

Фактор 3 (18 % вариации признаков) – «литературный» включает в себя переменные, имеющие значение для публичной коммуникации: «навыки выступления перед публикой», «умение излагать свои мысли на бумаге»,

«литературный язык», «интерес к созданию текстов собственного сочинения» с нагрузками 0,67, 0,71, 0,72, 0,72, соответственно.

Корреляционный анализ показал, что коммуникативные компетентности индивида объединяют в единый комплекс, актуальные для информационного уровня социума характеристики и способности личности: творческую ориентацию, активность в самообразовании, внутреннюю энергию, позитивные эмоциональные состояния (см. таблицу 2.25.). Особую роль играют здесь коммуникативные компетентности, объединяемые фактором 2 и фактором 3, то есть требующих специального образования, высокого уровня культурного развития, сочетания эмоциональной глубины взаимодействия и организованности мышления. Объем межличностных связей, участие в различных общественных организациях также положительно связаны с коммуникативными компетенциями, объединенными факторами 2 и 3 (см. Приложение Ю.).

Важно отметить, что выделенный комплекс характеристик личности, связанный с развитием информационного уровня социума, отражается на уровне социальной стратификации общества, что одним из первых отразил в своей концепции креативного класса Р.Флорида. В данной работе рассмотрено взаимодействие обсуждаемого комплекса в соотношении с материальным достатком респондентов и самоидентификации их с определенным социальным слоем, предполагая, что изучение рассогласований между уровнем материального достатка и социальной самоидентификацией позволит лучше контрастировать значение социального, культурного капиталов.

Самоидентификация респондента с социальным слоем определялась следующим вопросом: «К какому социальному слою Вы себя относите?» (см. Приложение Я.). К слою выше среднего отнесли себя 8 % респондентов, среднему слою – 62 %, слою ниже среднего – 24 %, нижнему слою – 6 %.

Корреляционный анализ позволяет выделить линейные взаимозависимости переменных, построение максимальных корреляционных

графов дает возможность увидеть основные тенденции за множеством вариаций, связанных с профессией, полом, возрастом, образованием, материальным положением и другими. Так, было показано, что самооценка респондентов возможности влиять на свою судьбу коррелирует с материальным достатком (коэффициент корреляции 0,21), с самооценкой уровня счастья (0,35), с интенсивностью самообразования (0,2), с объемом социальных связей (0,2), с хорошим эмоциональным настроением и переживанием позитивных эмоций (0,28), с самооценкой себя как человека для которого важно предлагать творческие идеи, быть творческой личностью, идти своим путем (0,3) и т.д. Кластерный анализ позволяет выделить не только линейные взаимоотношения, но и нелинейные взаимовлияния. Нами были исследованы различные варианты пространства признаков (совокупности переменных, которые представляют собой основания для выделения кластеров) с целью анализа составляющих социального капитала и закономерностей их взаимодействия.

В данной работе использовалась двухэтапная процедура выделения кластеров в выбранном пространстве признаков. На первом этапе, с использованием методов иерархической кластеризации, определялось количество кластеров для последующего выделения с помощью критерия наилучшей отделимости кластеров. Представляется важным отметить, что для испытываемых вариантов построения пространства признаков (использование различных наборов переменных), в котором осуществлялась кластеризация, оптимальное количество кластеров практически всегда равнялось пяти. Редко – четыре или шесть. Наши результаты соотносимы с результатами кластеризации в пространстве признаков: «материальное положение», «образование» и «власть», в ходе исследования социокультурных портретов регионов в общероссийском контексте Л.А. Беляевой, когда было выбрано оптимальное число кластеров равное пяти, отражающее особенности социальной стратификации российского общества [13, 14]. На втором этапе использовался метод K-means, который позволяет

максимально развести кластеры между собой внутри пространства выделенных признаков. В дальнейшем составлялся профиль кластеров (средние значения для групп респондентов, вошедших в кластер) по всем остальным переменным, что позволяло выявить некоторые нелинейные тенденции, связанные с закономерностями распространения и накопления социального, культурного капитала среди населения региона.

Кластерный анализ в данном пространстве признаков позволил выделить пять кластеров (см. Приложение D.), которые были охарактеризованы нами как: 1 кластер (115 респондентов) – средний слой, испытывающий материальные затруднения; 2 кластер (171 респондент) – слой ниже среднего, не испытывающий особых материальных затруднений; 3 кластер (232 респондента) – слой выше среднего, наиболее обеспеченный материально; 4 кластер (126 респондента) – слой ниже среднего, нуждающийся материально; 5 кластер (425 респондентов) – средний слой, относительно удовлетворенный своим материальным положением.

Таким образом, вместо традиционных градаций «бедные – низший слой», «обеспеченные – слой выше среднего», мы имеем возможность выделить дополнительные группы, где переменные образуют нелинейные взаимосвязи, выражающиеся в противоречии между социальной самоидентификацией и доходом. Указанные кластеры представляют собой следующие группы: люди с низким доходом, относящие себя к среднему слою (1 кластер) и слой по самоидентификации ниже среднего, не испытывающий особых материальных затруднений (2 кластер). Анализ профилей кластеров позволяет установить значимые тенденции, касающиеся распределения социального капитала.

В ходе анкетного опроса для анализа уровня счастья по самооценке респондентов задавался вопрос: «Говоря в целом, могли бы вы сказать, что вы: 1 – очень счастливы; 2 – довольно счастливы; 3 – не очень счастливы; 4 – совсем не счастливы».

В приложении F. отражены средние значения (медианы) ответов респондентов на вопрос, как они оценивают уровень своего счастья. По горизонтальной оси обозначены номера кластеров. По вертикальной оси обозначен уровень счастья, каким его находят респонденты.

Представители кластеров 3 и 5, куда входят наиболее обеспеченные респонденты, (при этом 5 - средний слой и 3 - выше среднего) выделяются среди остальных как довольно счастливые; наоборот, кластер 4 (бедный – слой ниже среднего) считают себя не очень счастливыми, демонстрируя закономерность – чем богаче, тем счастливее. На равных позициях по уровню счастья находятся представители 1 (средний слой, испытывающий материальные затруднения и 2 кластеров (слой ниже среднего, не испытывающий особых материальных затруднений), что показывает отсутствие прямой связи в среднем по группам населения между уровнем счастья и материальным достатком.

Аналогичные тенденции присутствуют в распределения ответов респондентов относительно уровня уверенности в будущем (см. Приложение F.).

В данном случае также присутствует нелинейность во взаимовлиянии материального достатка и уверенности в будущем. Наиболее уверенно чувствуют себя наиболее обеспеченные материально (3 кластер); наименее уверенно оценивают свое будущее представители 4 кластера, состоящего из малообеспеченных респондентов; с другой стороны – представители 1 кластера (средний слой, испытывающий материальные затруднения) чувствуют себя более уверенными по сравнению с представителями 2 кластера (более обеспеченными – слой ниже среднего, не испытывающий особых материальных затруднений). Данное различие позволяет предполагать наличие дополнительных ресурсов, которые и могут указывать на соответствующие формы социального, культурного капитала, влияющим на такие показатели, как самоидентификация с социальным слоем,

уверенность в будущем. Те же тенденции присутствуют и в самооценке респондентами возможности влиять на ход своей жизни.

Респондентам задавался вопрос «Как вы считаете, насколько Вы можете влиять на ход своей жизни? При ответе используйте 10-ти бальную шкалу, где 1 означает, что Вы совсем не можете влиять на свою жизнь, а 10 – что все зависит от Вас». Средние значения ответов по выделенным кластерам представлено в приложении F.

Объем социальных связей для представителей разных кластеров также демонстрирует как прямую взаимосвязь с уровнем материального положения, так и с социальной самоидентификацией. Средние значения ответов респондентов по выделенным кластерам представлены в приложении F.

Исследование источников внутренних сил респондентов позволяет интегрально оценить специфику системы ценностей и модусов существования жителей региона. Средние значения ответов респондентов в целом для жителей региона и по кластерам представлены в приложении G.

Для всей совокупности респондентов характерна высокая оценка «семьи», «профессии», но низкая «религиозных, духовных переживаний», «конкуренции, чувству соперничества». Сравнение средних по кластерам показало, что кластер 3 в целом имеет больше источников внутренних сил, чем остальные – для него характерен интерес к творчеству, спорту, путешествиям. Кластер 4 отличается низким интересом ко всем категориям, кроме семьи. Те же тенденции характерны для кластера 2, чьи оценки лишь немного позитивнее. Кластеры 1 и 5 также схожи в своих предпочтениях, занимают среднюю позицию между 3 и 4 кластерами.

С целью выявления отдельных составляющих социального и культурного капитала (необходимых для воплощения знаний, ценностей, культурного багажа в активную форму развиваемого ресурса) нами были исследованы коммуникативные компетенции респондентов (см. Приложение R.).

Представители кластера 3 (наиболее обеспеченные респонденты, причисляющие себя к слою выше среднего) наиболее высоко оценивают свои коммуникативные способности, что может говорить о более уверенном коммуникативном стиле этой группы респондентов, большем интересе к общению в целом и умении добиваться целей за счет эффективной коммуникации. Наименее компетентными в коммуникации считают себя представители кластера 4 (слой ниже среднего, нуждающийся материально) – вполне вероятно, они не стремятся к общению так же, как более успешные респонденты и больше полагаются на обстоятельства. Кластеры 1, 2, 5 занимают промежуточное положение: кластер 5 (средний слой, не стесненный материально) несколько позитивнее в оценках своего коммуникативного облика, чем 1 (средний слой, материально необеспеченный), 2 (слой ниже среднего, которому «на все хватает»); при этом кластер 1 по ответам более высокого мнения о своих коммуникативных навыках. Можно сделать предположение, что развитость и востребованность коммуникативных компетенций являются составляющей культуры социальных слоев от среднего и выше; чем слой ниже, тем он более коммуникативно ограничен или меньше способствует развитию соответствующих компетенций.

Известно, что важное значение для современной социальной стратификации играет уровень образования. Сравнение кластеров по уровню образования респондентов показало, что образование играет важную роль в процессе социальной стратификации, является одной из форм культурного, символического капитала. Представители кластеров 3 и 5 (относящие себя социально привилегированным среднему и выше среднего слоям, материально успешные) отличаются самым высоким уровнем образования. Кластер 4, наоборот, демонстрирует наименьший уровень.

Еще более выраженные различия между кластерами можно обнаружить в оценке значимости самообразования. Анализ профилей кластеров по данным переменным показал, насколько каждое из направлений самообразования

является значимым с точки зрения социокультурной специфики кластеров, какую роль играет в системе социального расслоения. Наиболее активные и заинтересованные в обучении представители кластера 3 (обеспеченные респонденты, относящие себя к слою выше среднего) стараются по мере возможности заниматься всеми указанными образовательными ресурсами (за исключением психической саморегуляции и религиозной литературы); их предпочтения в области самообразования – литература по профессии (в среднем – 2,8), научно-познавательная (2,4), творческая деятельность (2,4). Кластер 5 «догоняет» кластер 3 в своем стремлении к самообразованию: однако в списке предпочтений обеспеченных представителей среднего слоя в большей степени появляется изучение компьютерных программ (2,2). Оставшиеся кластеры демонстрируют довольно низкий интерес к серьезному искусству, литературе по бизнесу, по психологии, саморегуляции, религиозной и духовной культуре (средние значения – ниже 2, между «когда-то увлекался» и «практически нет»). Стабильным остается лишь интерес к профессиональной и научно-познавательной литературе (либо увлекались, либо интересуются по мере возможности), а для кластеров 1 (материально не удовлетворенный средний слой) и 2 (материально обеспеченный слой ниже среднего) как минимум увлекались изучением новых компьютерных программ и творчеством.

Аналогичные тенденции обнаруживаются и в различиях выделенных кластеров по характеристикам: смысложизненные ориентации на интересную, творческую работу, самоидентификация себя с творческой личностью. Наиболее высокие уровни творческой активности соответствуют кластерам 3 и 5, наименьшее значение – 4 и 2 кластеры.

С нашей точки зрения, важной частью социального капитала является «капитал эмоциональный», который заключается в умении правильно реагировать на окружающий мир, взаимодействовать с ним посредством определенных эмоций, умение самостоятельно находить в себе внутренние

силы для достижения цели, поддерживать оптимальный уровень психической энергии.

Кластер 3 (обеспеченные представители слоя выше среднего) демонстрирует относительно продолжительные позитивные эмоции: «чувство спокойной уверенности в своих силах, удовлетворенность собой», «прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы», «огромный прилив сил, вдохновение». Аналогичные результаты отличают представителей кластера 5 – обеспеченных представителей среднего класса, которые совсем немного уступают в позитивном настрое кластеру 3 (по анализу мод). Более обширный эмоциональный диапазон демонстрируют кластеры 1 (материально малообеспеченные представители среднего класса) и 2 (обеспеченный слой ниже среднего). Кластер 1 отмечает, что, в основном, «не наблюдает особой энергии, но есть желание изменить ситуацию», реже – «чувствует спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой», изредка испытывает «прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы». Кластер 2 также чаще всего «не наблюдает особой энергии, при желании изменить ситуацию», иногда чувствует спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой», но периодически – «сил не хватает, ощущается полная усталость». Кластер 4 (слой ниже среднего, материально нуждающийся) гораздо чаще всех остальных (по анализу мод) «не наблюдает особой энергии, при желании изменить ситуацию», достаточно часто «сил не хватает, ощущается полная усталость», но изредка к нему возвращается «спокойная уверенность в своих силах, удовлетворенность собой». Сохраняется связь между уровнем материального благосостояния и эмоциональным состоянием, уровнем внутренней энергии респондентов: связь в принципе нелинейная.

Следует отметить, что нами была показана возможность использования метода кластеризации для изучения нелинейных закономерностей взаимовлияния факторов. Сравнительный анализ профилей кластеров позволил выявить значимость таких факторов, как объем социальных связей,

образование и самообразование, коммуникативные компетенции, идентификация себя с творческой личностью, «эмоциональный капитал» в социальной стратификации, для формирования, развития и реализации совокупного социального капитала личности и группы.

В этом контексте можно согласиться с мнением П. Бурдье, который видел социальный капитал как часть других видов капиталов (экономического, культурного, символического), играющего значимую необходимую роль в системе стратификации современного общества и распределении ресурсов. В то же время наш анализ показал и включенность в эту систему и более сложных взаимозависимостей, например, связь с внутренними эмоциональными состояниями индивидов, предполагающими необходимость анализа ценностных, смысловых, нравственных, моральных аспектов жизни личности, соотнесённость этих аспектов с трансформацией социальной структуры современного общества.

Так известный американский социолог Р. Флорида приходит к выводу о начавшемся процессе формирования нового доминирующего класса – «креативного класса», который в силу своего ключевого экономического положения начинает задавать нормы сегодняшнего дня, порождает глубокие и устойчивые преобразования общества и культуры, новый тип личности, новые формы социальных взаимодействий, новый этос, который Р. Флорида назвал «креативным этосом». Среди значимых культурных трансформаций Флорида выделяет стремление к богатому, разнообразному опыту, что становится образом жизни, изменение иерархических систем контроля на «мягкий контроль» (мнение коллег, внутренняя мотивация, возможность развиваться, выражать себя как личность посредством профессиональной деятельности), ослабленными традиционными социальными связями, дающее возможность для проявлений индивидуальности, терпимость к разнообразию.

Концепции социального капитала Ф. Фукуямы, Дж. Коулмена, других авторов фиксируют это новое значение социальных взаимодействий, новые

нормы в рамках концепций доверия, активного участия индивидов в добровольных организациях. С нашей точки зрения, здесь проявляется тот глубокий характер перемен, который неуклонно трансформирует современные сообщества в направлении сопряженных процессов развития демократии, человеческого капитала, современных форм социальных взаимодействий. Ранее нами уже отмечалась приложимость концепции формирования креативного класса, к жителям Сибири, показанная коллективом авторов в 2009 г. [68]. Результаты нашего исследования, дополнительно подтверждают это положение для населения Красноярского края.

В целом, проведенный анализ структуры и распределения социального капитала на основе изучения населения Красноярского края позволяет сделать ряд выводов и обобщений.

Большая часть населения Красноярского края соотносит себя, тем или иным образом, с творчеством, творческим процессом, определяя творчество, как значимую часть своей жизни. При этом число респондентов идентифицирующих свою работу как творческую (26 %) существенно меньше, чем идентифицирующих себя с творческой личностью, хотя интересная, творческая работа является частью прожективных представлений и, соответственно, смысложизненной ориентацией больше половины (63 %) населения Красноярского края.

Существует положительная взаимосвязь между значимыми характеристиками жизни населения Красноярского края: творческой смысложизненной ориентацией, самоидентификации себя как творческой личности, уровнем активности самообразования, развитости коммуникативных навыков, объемом межличностных связей, уровнем внутренней энергии, позитивности эмоциональных состояний, уверенности в своем будущем, материальным положением, что отражается на субъективно ощущаемом социальном статусе личности, в системе социальной стратификации.

Заключение

На основании осуществленного в работе социально-философского анализа можно сделать выводы, согласно которым природа форм социального капитала, соответствующих современным цивилизационным вызовам, определяется нарастающим императивом системности и взаимосвязанности при сохранении принципа свободы и автономии отдельных акторов, сочетания взаимодополняющих процессов интеграции и дифференциации, что сопряжено с тенденциями возрастания роли творчества и творческой направленности личности, усилением роли образования и самообразования, формированием современных коммуникативных систем и коммуникативных навыков. Как пишет один из глубоких мыслителей современности М. Чиксентмихайи, «Выживет и станет определять будущее планеты та культура, которая станет поощрять максимальную креативность, однако вместе с тем отыщет способы отбора новых открытий с учетом грядущего благополучия мира в целом, а не только отдельных полей. Нам нужна сознательная попытка расстановки приоритетов, нужно использовать «анализ эволюционного воздействия», который станет одной из основ утверждения новых идей обществом» [162, С. 380].

В этом контексте возникшие концепции социального капитала представляют собой попытку ответить на один из сложнейших вопросов, поставленных перед лицом человечества в наш век «пределов роста» и стремления рационализировать стихийную силу социальной эволюции. Как возможно достижение оптимума в распределении и развитии системных ресурсов общества в условиях свободы акторов, когда каждый актор преследует свои локальные цели? Концепция социального капитала предполагает, что проход между «сциллой» авторитаризма и «харибдой» хаоса абсолютной свободы возможен и путь создания успешных, развивающихся систем государственного, муниципального, организационного уровня позволяет уже сегодня изучать те значимые,

ключевые моменты организации социальных отношений и взаимодействий, которые порождают, говоря словами Огюста Конта, порядок и прогресс.

В то же время, без всякого сомнения, социальный капитал в социальной структуре современного общества обладает сложным нелинейным характером функционирования, требует использования методологии комплексного системного анализа, предполагающего глубокое философское осмысление сопряженных многофакторных социальных, культурных, экономических процессов. В силу этого обстоятельства конкретные исследования в предметной области социального капитала на уровне регионов практически отсутствуют и носят скорее пионерский характер.

В нашей работе была предпринята попытка разработать концептуальную модель социального капитала на основе принципа минимального универсума в сочетании с социально-философским осмыслением современных цивилизационных вызовов, анализа современных путей разрешения базовых системных конфликтов сочетания индивидуальности и коллективности. В конечном итоге, этот подход позволил выделить следующие структурные компоненты социального капитала личности и общества:

— объем социальных связей, позволяющих пользоваться дополнительными ресурсами группы и общества.

— межличностное и институциональное доверие;

— нормы, ценности, социальные взаимодействия, определяющие добровольное и заинтересованное участие индивида в деятельности организаций различного рода.

В соответствии с предложенным в данной работе теоретическим подходом было проведено социологическое исследование в форме анкетного опроса жителей Красноярского края по репрезентативной выборке. Использование методов математической статистики (корреляционного, факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования) позволило

доказать поставленные гипотезы, установить ряд закономерностей относительно структуры социального капитала жителей Красноярского края.

Было установлено, что объем социального капитала в аспекте межличностных отношений жителей Красноярского края положительно взаимосвязан со всеми исследуемыми значимыми характеристиками жизни респондентов (материальный достаток, удовлетворенность жизнью, динамика материального положения за текущий год, физическое здоровье, уровень внутренней энергии, качество эмоциональной жизни респондентов). Более того, все обсуждаемые характеристики, равно как и субъективно оцениваемый персональный социальный статус, статистически значимо положительно коррелируют друг с другом, что позволяет сделать вывод о роли объема межличностных связей в социальной стратификации населения Красноярского края.

В то же время, наряду с выявленной дифференциацией, в целом, результаты, скорее свидетельствуют об атомизации, обособлении индивидов друг от друга, отсутствии у значительного количества жителей Красноярского края широкого круга социальных связей, на которые можно положиться при необходимости. В целом, выделяются три основных круга межличностного взаимодействия жителей Красноярского края: семья, друзья, работа, причем важно отметить, что именно в семье жители Красноярского края встречают наибольшее взаимопонимание. Основными источниками формирования и реализации социального капитала респондентов являются сферы семейно-бытовая, дружеского общения, профессиональной деятельности, которые не находятся в конфликтных отношениях друг с другом, а, скорее наоборот, взаимоподдерживают и взаимообуславливают друг друга, обеспечивая в комплексе возможность для жителей Красноярского края строить связи «мосты». Вместе с тем, были обнаружены и связи «оковы», разрушающие межличностные отношения на уровне семьи, профессиональной деятельности, каковыми оказались связи, возникающие в религиозных общинах.

Исследование показало низкий уровень доверия населения Красноярского края к институтам государства, местного самоуправления. Несколько выше степень доверия федеральному уровню власти. Значительный дефицит доверия обнаруживается в отношении институтов гражданского общества, необходимых для создания обратных связей население-власть, способных оказывать влияние на аппарат государственного управления. В целом, как показал факторный анализ, население края не разделяет институты гражданского общества, ветви государственной власти и самоуправления. Доверие ко всем этим институтам, принципиально различным по своей сути, объединяется в один фактор. Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что на уровне массового сознания населения региона, в целом, продолжают сохраняться представления о тотальной системе власти. Институты гражданского общества и самоуправления в массовом сознании на сегодняшний момент практически не дифференцированы от системы власти.

Отношения жителей Красноярского края могут быть охарактеризованы достаточно высокой степенью межличностного доверия на уровне первичных социальных ячеек общества, на уровне семейных и профессиональных связей. В то же время на уровне массового сознания существует недифференцированный настороженный способ взаимодействия с людьми, неважно иной ли они веры, национальности или просто незнакомцы. По всей видимости, несформированность институтов современного правового, демократического государства в России рождает тотальное недоверие ко всему иному (людям другой религии, другой национальности), взаимодействовать с которыми населению Красноярского края приходится напрямую, без посредничества и защиты со стороны государства. В тесной связи со сформировавшейся системой доверия / недоверия находится и так называемая толерантность. Для населения Красноярского края характерен достаточно низкий уровень толерантности.

Важное место в нашем исследовании имело изучение системы ценностей населения Красноярского края. Последовательное применение методов статистического анализа позволило эмпирически выделить основные типы ценностных ориентаций, определяемых возможными сочетаниями низкой и высокой ориентации на ценностные комплексы «успех» (связывает вместе ценности «творчество», «риск-новизна», «достижение», «богатство», «гедонизм») и «нормы» (объединяются вместе ценности «универсализм», «конформность», «традиция», «благожелательность»). Для нашего исследования представители этих типов репрезентируют конфликт, который был выделен нами как определяющий суть формирования информационного уровня социума, противоречие индивидуальности и коллективности. Таким образом, появилась возможность методами математического статистического анализа препарировать совокупность социальных отношений и взаимодействий, в которые вступают представители выделенных типов ценностных ориентаций.

Важно отметить, что кластеры были выделены не априорным, а эмпирическим методом, таким образом, отражая естественные процессы агрегации и самоорганизации общества.

В целом, анализируя различия между кластерами, можно сделать вывод о статистически значимом отличии типичного представителя кластера, интегративно совмещающего ценностные ориентации на достижение успеха, и соблюдение норм, и, таким образом, отражающего нормы и ценности соответствующие информационному уровню (23% всех жителей Красноярского края). Для представителей кластера, интегративно совмещающего ориентацию на ценности «успех» и «нормы» в наибольшей степени характерно придерживаться ценностей творчества, заботы о ближних, об окружающей среде. Для представителей этого кластера характерен как наибольший уровень удовлетворенности жизнью, внутренней энергии, позитивных эмоций, высокий уровень физического здоровья, так и

наибольший объем межличностных связей, уровень доверия к институтам власти. За последний год уровень жизни представителей этого кластера по сравнению с другими улучшился.

Значимые различия между выделенными кластерами проявляются, как в стремлении иметь смысл жизни, в смысложизненных ориентациях респондентов, так и стремлении к участию в социальной, культурной, политической жизни общества. Представители кластера, интегрирующие ориентации на ценности «успех» и «нормы», в большей степени, чем представители других кластеров, ориентированы на духовное развитие, нравственное самосовершенствование, жизнь ради людей, регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки, интересную, творческую работу, руководящую должность, хорошую семью, так и на престиж, восхищение окружающих, хорошие возможности для отдыха, развлечений, материальный достаток. Обнаруживается значимое различие между выделенными кластерами по участию респондентов в работе общественных организаций. Как и предполагалось в наших теоретических построениях, наибольшую активность во всех формах организаций проявляют представители кластера, интегративно сочетающие ценности успеха и соблюдения норм, придающие максимальное значение ценностям творчества, ориентированные на смыслы духовного и нравственного развития. Таким образом, использование методики кластерного анализа показало значимость концепции социального капитала в аспекте развития отношений доверия, признания ценности соблюдения норм. При этом можно сказать, что социальный капитал в этом аспекте как бы интегрирует духовные, нравственные, творческие грани индивида и его социальную, профессиональную, культурную, политическую активность в форме добровольного участия в работе общественных организаций, обеспечивая индивида большим объемом межличностных связей, уровнем внутренней энергии, позитивности эмоциональных состояний, уверенности в своем

будущем, некоторой динамикой улучшения материальных условий своей жизни.

Большая часть населения Красноярского края соотносит себя, тем или иным образом, с творчеством, творческим процессом, определяя творчество, как значимую часть своей жизни. При этом число респондентов идентифицирующих свою работу как творческую (26 %) существенно меньше, чем идентифицирующих себя с творческой личностью, хотя интересная, творческая работа является частью прожективных представлений и, соответственно, смысложизненной ориентацией больше половины (63 %) населения Красноярского края.

Наше исследование подтвердило актуальность концепции креативного класса для Красноярского края, показанную группой исследователей для регионов Сибири в 2004-2005 гг. Существует положительная взаимосвязь между значимыми характеристиками жизни населения Красноярского края: творческой смысложизненной ориентацией, самоидентификации себя как творческой личности, уровнем активности самообразования, развитости коммуникативных навыков, объемом межличностных связей, уровнем внутренней энергии, позитивности эмоциональных состояний, уверенности в своем будущем, материальным положением, что отражается на субъективно ощущаемом социальном статусе личности.

Как уже анализировалось нами ранее, информационному уровню развития социума соответствует разрешение в интегративных формах дихотомии индивидуальности и коллективности, свободы и системной взаимосвязи, синтез, разворачивающийся в разнообразных новых формах социальных организаций и взаимодействий. В частности современные высокие гуманитарные технологии – необходимый контекст дальнейшего развития социума, ставят своей целью достижение сотрудничества и согласованности акторов через развитие сложных социальных взаимосвязей внутри систем. Предложенные различными практиками и теоретиками современные организационные принципы требуют зрелых методологических

оснований и практик, соединяющих требования дифференцированности элементов и их интеграции их в целое на основе принципов добровольности, коммуникации, ответственности, творчества, совместного планирования. Именно принцип добровольного участия, развитие разнообразных организационных форм, в которых воплощается принцип добровольности, становится решающим в понимании функциональной роли такого рода социальных взаимодействий для развития современного общества, Красноярского края, в частности. Принципы добровольности, соучастия, сотворчества, партнерства интегрируют свободу актора и системную целесообразность, становясь действенным способом разрешения противоречий, присущих современным сложным социальным, экономическим, политическим, культурным системам.

Как показывают результаты нашего исследования именно эти ресурсы социальных взаимодействий должны найти свое должное развитие в Красноярском крае. Важно понимать и необходимость научного и идеологического разоблачения упрощенных стереотипных представлений о всемогуществе рыночной свободы, превалирования экономической "целесообразности" над социальной. Отсутствие действенных моделей анализа и учета потенциальных эффектов различных форм социального капитала являются серьезным препятствием для планирования социального развития региона. В то же время, нарастающий объем научных исследований в области социального, интеллектуального, креативного капитала позволяет надеяться на постепенное изменение данной ситуации к лучшему.

Библиографический список

1. Авраамова, Е.М., Логинов Д.М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности [Текст] / Е.М. Авраамова, Д.М. Логинов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 24-34
2. Акофф, Р. Планирование будущего корпорации [Текст] / Р. Акофф / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985. – 328 с.
3. Акофф, Р. Искусство решения проблем [Текст] / Р. Акофф. – М.: Мир, 1982. – 224 с.
4. Алексеева, И.Ю. Возникновение идеологии информационного общества [Текст] / И.Ю. Алексеева // Информационное общество. – 1999. – №1. – С. 30-35
5. Альбер, М. Капитализм против капитализма [Текст] / М. Альбер. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 293 с.
6. Армстронг, К. Краткая история мифа / К. Армстронг [Текст] / Пер. с англ. А. Блейз. – М.: Открытый мир, 2005. – 160 с.
7. Бакулев, Г. П. Массовая коммуникация: Западные теории и концепции [Текст] / Г.П. Бакулев. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 176 с.
8. Батищев, Г.С. Введение в диалектику творчества [Текст] / Г.С. Батищев. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – 464 с.
9. Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии [Текст] / Г. Бейтсон. – М., 2000. – 476 с.
10. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
11. Беккер, Г. Человеческое поведение. Экономический подход [Текст] / Г. Беккер. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – 672 с.
12. Белл, Д. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века [Текст] / Д. Белл, И. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.
13. Беляева, Л.А. Социальные слои в России (опыт кластерного анализа) [Текст] / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2005. – № 12. – С. 57-64
14. Беляева, Л.А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и в регионах [Текст] / Л.А. Беляева // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России. Материалы 3 Всероссийской научно-практической конференции. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – С. 32-46

15. Бердяев, Н.А. Опыт парадоксальной этики [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: «Издательство АСТ», 2003. – 701 с.
16. Бердяев, Н.А. Творчество и объективация [Текст] / Н.А. Бердяев / Сост. А.Г.Шиманский, Ю.О.Шиманская. – Мн., 2000. – С.168.
17. Блом, Р. Социальный капитал доверия и менеджериальные стратегии [Текст] / Р. Блом, Х. Мелин, И. Сарно, А. Сарно// Мир России. 2005. - Т. XIV. - № 2. - С. 126-159.
18. Боно, Э. Серьезное творческое мышление [Текст] / Э. Боно. - Минск: Попурри, 2005. – 416 с.
19. Буданов, В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании [Текст] / В.Г. Буданов. - М.: Российская акад. наук, Ин-т философии, 2009. – 239 с.
20. Бурдьё, П. Социология политики [Текст] / П. Бурдьё / Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
21. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации) [Текст] / В.В. Василькова. – СПб.: Лань. – 1999. – 480с.
22. Варшавский, В. И. Оркестр играет без дирижера: размышления об эволюции некоторых технических систем и управлении ими [Текст] / В.И. Варшавский, Д.А. Поспелов. – М.: Наука, 1984. – 208 с.
23. Гараедаги, Дж. Системное мышление: Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса [Текст] / Дж. Гараедаги / Пер. англ. – Мн.: Гревцов Букс, 2010. – 480 с.
24. Дебор, Ги Общество спектакля [Текст] / Ги Дебор / Пер. Б. Немана. – М.: Изд-во Логос, 2000. – 184 с.
25. Горский, Ю.М. Гомеостатика: гармония в игре противоречий [Текст] / Ю.М. Горский, А.М. Степанов, А.Г. Теслинов. – Иркутск: Издательство «Репроцентр А1», 2008. – 634 с.
26. Горский, Ю.М. Основы гомеостатики. (Гармония и дисгармония живых, природных социальных и искусственных систем) [Текст] / Ю.М. Горский. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – 337 с.
27. Гриндер, Дж. Черепахи до самого низа. Предпосылки личностной гениальности [Текст] / Дж. Гриндер, Дж. Делозье. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 350 с.
28. Государственное регулирование рыночной экономики: Учебник [Текст] / Под ред. проф. В.И. Кушлина. – М.: Издательство РАГС, 2002. – 828 с.
29. Государство и отрасли инфраструктуры в современной рыночной экономике [Текст]. – М.: Наука, 2001. – 310 с.

30. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект [Текст] / Д. Гоулман. – М.: АСТ, 2008. – 478 с.
31. Гофман, А.Б. Основные теоретические тенденции французской социологии второй трети XX века [Текст] / А.Б. Гофман // История теоретической социологии. В 4-х т. Т.3 / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. - М.: Канон, 1997. – С. 337-350
32. Градосельская, Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами [Текст] / Г. Градосельская // Социологический журнал. – 1999. – № 1-2. – С. 156-163.
33. Гуляихин, В.Н. Молодежные и детские объединения как субъекты вторичной социализации: опыт регионального исследования [Текст] / В.Н. Гуляихин, А.П. Галкин, Е.Н. Васильева // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 127-132.
34. Гутник, В. Политика хозяйственного порядка в Германии [Текст] / В. Гутник. – М.: «Экономика», 2002. – 272 с.
35. Григорьев, С.И. Виталистская социология быдлоизации - основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества [Текст] / С.И. Григорьев // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – №8. – С. 52-57
36. Дементьев, А. Доверие – фактор функционирования и развития современной рыночной экономики [Текст] / А. Дементьев // Российский экономический журнал. – 2004. – № 4. – С. 46-65.
37. Джексон, М. Теория сложности (complexity) и системный подход [Электронный ресурс] / М. Джексон // on-line Альманах «Восток», 2005. – № 100.
38. Джендлин, Ю. Фокусирование: Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями [Текст] / Ю. Джендлин. – М.: Класс, 2000. – 438 с.
39. Друкер, П. Управление в обществе будущего [Текст] / П. Друкер. – М.: «Вильямс», 2007. – С. 320.
40. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда [Текст] / Э. Дюркгейм // Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. – М., 1996. – С. 256-309.
41. Зелигман, М. В поисках счастья [Текст] / М. Зелигман. – М.: Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2011. – 320 с.
42. Зиммель, Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни [Текст] / Г. Зиммель. – Издательство: Юрист, 1996. – 608 с.
43. Иванов, Д.В. Виртуализация общества [Текст] / Д.В. Иванов. – СПб.: "Петербургское Востоковедение", 2000. – 96 с.

44. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1 [Текст] / Ответ. Ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. – М.: Канон, 1997. – 496 с.
45. Йоас, Х. Креативность действия [Текст] / Х. Йоас / Пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 2005. – 320 с.
46. Йохансон, Ф. Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур [Текст] / Ф. Йохансон / Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2008. – 192 с.
47. Карандашев, В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство [Текст] / В.Н. Карандашев. – СПб.: Речь, 2004. – 72 с.
48. Карасев, Ф. Г. Социальный капитал соседских сообществ [Текст] / Ф.Г. Карасев. – М.: Народный фонд, 2001. – 93 с.
49. Карпова, Ю.А. Введение в социологию инноватики [Текст] / Ю.А. Карпова. – СПб.: Питер, 2004. – 122 с.
50. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – С. 175.
51. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе [Текст] / М. Кастельс / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
52. Кемеров, В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии [Текст] / В.Е. Кемеров // Вопросы философии, 2014. – №2. – С. 3-13
53. Кемеров, В.Е. Общество, социальность, полисубъектность [Текст] / В.Е. Кемеров. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – 252 с.
54. Кемеров, В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и методология антиредукционизма [Текст] / В.Е. Кемеров // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки, 2012. – Т. 5. – № 1. – С. 86-94.
55. Кемеров, В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу [Текст] / В.Е. Кемеров // Человек, 2011. – №1. – С. 5-19
56. Кинсли, М. Креативный капитализм [Текст] / М. Кинсли. – Мн.: Попурри, 2010. – 336 с.
57. Кислицына, О. А. Влияние социальной поддержки на здоровье москвичей [Текст] / О.А. Кислицына, С. Ферландер // Социологические исследования. – 2008. – №4. – С. 81 - 84
58. Климов, С. М. Интеллектуальные ресурсы общества [Текст] / С.М. Климов. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 199 с.
59. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение [Текст] / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.

60. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее [Текст] / Е.Н., Князева, С.П. Курдюмов. – М.: КомКнига, 2006. – 232 с.
61. Козолупенко, Д.П. Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры): монография [Текст] / Д.П. Козолупенко. – М.: Канон, 2005. – 212 с.
62. Копытин, А. И. Основы арт-терапии [Текст] / А.И. Копытин. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
63. Котлер, Ф. Основы маркетинга [Текст] / Ф. Котлер / Пер. с англ. – М.: Ростинтэр, 1996. – 704 с.
64. Корнаи, Я. Честность и доверие в переходной экономике [Текст] / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 4-17
65. Коулмен, Дж. Капитал социальный и человеческий [Текст] / Дж. Коулмен // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.
66. Крамер, Дж. Маски авторитарности: Очерки о гуру [Текст] / Дж. Крамер, Д. Остед / Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 408 с.
67. Красилова, А.Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе [Текст] / А.Н. Красилова // Мир России. – 2007. – № 4. – Т. XVI. – С. 160-180.
68. Креативная лаборатория: диалог творческих практик: Монография [Текст]. / Ред.- сост. О.А. Карлова. – М.: Академический проект, 2009. – 476 с.
69. Курбатова, М.В. «Социальный капитал предпринимателя: формы его проявления и особенности в современной российской экономике» [Текст] / М.В. Курбатова, Н.Ф. Апарина // TERRA ECONOMIKUS. – 2008. – Т. 6. – № 4. – С. 45-61
70. Кэмпбелл, Дж. Пути к блаженству: мифология и трансформация личности [Текст] / Дж. Кэмпбелл. – М.: Открытый мир, 2006. – 320 с.
71. Кэмпбелл, Дж. Герой с тысячью лицами [Текст] / Дж. Кэмпбелл / Пер. с англ. – К.: «София», Ltd., 1997. – 336 с.
72. Лапин, Н.И. Теория и практика инноватики. Учеб. Пособие [Текст] / Н.И. Лапин. – М.: Университетская книга; Логос, 2008. – 328 с.
73. Лебедева, Н. М. Культура как фактор общественного прогресса [Текст] / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М. : ЗАО «Юстицинформ», 2009. – 408 с.

74. Лекторский, В.А. Генрих Степанович Батищев и его «Диалектика творчества» [Текст] / В.А. Лекторский // *Философия не кончается... Из истории отечественной философии: XX век: В 2-х кн. / Кн.2. 60-80-е годы.* – М.: РОССПЭН, 1999. – с. 514-530
75. Лейтц, Г. Психодрама. Теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено [Текст] / Г. Лейтц. – М.: Когито-Центр, 2007. – 263 с.
76. Лерер, Д. Вообрази. Как работает креативность [Текст] / Д. Лерер. – М.: Акт, 2013. – 304 с.
77. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории [Текст] / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.
78. Лэндри, Ч. Креативный город [Текст] / Ч. Лэндри / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика – ХХ1», 2006. – 399 с.
79. Магун, В.С. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) [Текст] / В.С. Магун, М.Г. Руднев // *Вопросы экономики.* – 2010. – № 12. – С. 107-130; Магун, В.С. Базовые ценности россиян в европейском контексте [Текст] / В.С. Магун, М.Г. Руднев // *Общественные науки и современность.* – 2010. – № 3. – С. 5-22
80. Магун, В.С. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами [Текст] / В.С. Магун, М.Г. Руднев // *Вестник общественного мнения.* – 2008. – № 1. – С. 33-58
81. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего = *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man* [Текст] / М. Маклюэн. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
82. Маркузе, Г. Одномерный человек [Текст] / Г. Маркузе. – М.: "REFL-book", 1994. – 368 с.
83. Маслоу, А. Психология бытия [Текст] / А. Маслоу / Пер. с англ. – М.: Рефл-бук, 1997. – 304 с.
84. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики [Текст] / А. Маслоу. – СПб: Евразия, 1997. – 430 с.
85. Масуда, И. Информационное общество как постиндустриальное общество [Текст] / И. Масуда. – М., 1997. – 587 с.
86. Матурана, У. Древо познания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
87. Мачеринскене, И. Социальный капитал организации: методология исследования [Текст] / И. Мачеринске, Р. Минкуте-Генриконе, Ж. Симанавичене // *Социологические исследования.* – 2006. – № 3. – С. 29-39.

88. Медоуз, Д. Пределы роста. 30 лет спустя [Текст] / Д. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Медоуз / Пер. с англ. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2007. – 342 с.
89. Менегетти, А. Система и личность [Текст] / А. Менегетти. – М.: "Серебрянные нити", 1996. – 128 с.
90. Минделл, А. Сидя в огне: преобразование больших групп через конфликт и разнообразие [Текст] / А. Минделл. – М.: АСТ, 2004. – 329 с. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее [Текст] / Р. Флорида / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. – 421 с.
91. Минделл, А. Лидер как мастер единоборства (введение в психологию демократии) [Текст] / А. Минделл. – М.: Институт психологии РАН, 1993. – Часть 1. – 88с., Часть 2. – 74с.; Минделл, А. Геопсихология в шаманизме, физике и даосизме [Текст] / А. Минделл / Пер. с англ. А. Кисилева. – М.: АСТ, 2007. – 316 с.
92. Морено, Дж. Театр спонтанности [Текст] / Дж. Морено / Пер. с англ., авт. вступ. ст. Б. И. Хасан. – Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1993. – 93 с.
93. Мэй, Р. Мужество творить Очерк психологии творчества [Текст] / Р. Мэй. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2008. – 160 с.
94. Назаретян, А.П. Эволюция ненасилия: историческая ретроспектива [Текст] / А.П. Назаретян // История и математика: анализ и моделирование социально-исторических процессов / ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. – М.: КомКнига, 2007. – С. 243-262.
95. Немировский, В. Г. Социальный облик молодёжи Красноярского края [Текст] / В.Г. Немировский. — Красноярск: КрасГУ, Красноярский краевой комитет по делам молодёжи, 1995. – 145 с.
96. Немировский, В.Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии [Текст] / В.Г. Немировский. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 200 с.
97. Немировский, В.Г. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края: монография [Текст] / В.Г. Немировский, А.В. Немировская. – Красноярск: СФУ, 2011. – 159 с.
98. Немировский, В.Г. Социология: классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности. Учебное пособие [Текст] / В.Г. Немировский, Д.Д. Невирко, С.В. Гришаев. – М.: Изд-во РГГУ, 2003. – 555
99. Немировский, В.Г. Ориентации населения региона на ценностные переживания как показатель уровня развития и смыслового содержания

- социального капитала [Текст] / В.Г. Немировский // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 4. – № 7. – С. 1025-1033.
100. Немировский, В. Г. Социокультурный портрет Красноярского края : монография [Текст] / В.Г. Немировский, А.В. Немировская. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2010. – 263 с.
101. Немировский, В.Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития [Текст] / В.Г. Немировский // Социология. Научно-теоретический журнал. – 2004. – № 1. – С. 39–49.
102. Ницше, Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2 [Текст] / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
103. Общественная поддержка НКО в российских регионах: Аналитический отчет по результатам опросов населения/ по заказу Агентства социальной информации РФ [Текст]. – ЦИРКОН, 2008. – 27 с.
104. Окатов, А. В. Общественные организации как фактор социокультурного развития региона : Дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 [Текст] / А.В. Окатов. – Тамбов, 2006. – 171 с.
105. Панкрухин, А.П. Маркетинг: учеб. для студентов, обучающихся по специальности "Маркетинг" [Текст] / А.П. Панкрухин. – М.: "Омега-Л", 2009. – 656 с.
106. Патнэм, Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь [Текст] // Мировая экономика и международные отношения / Р. Патнэм. – 1995. – №4. – С. 63-70.
107. Пицик, Н. И. Социальный капитал как фактор эффективности органов власти и управления [Текст] / Н.И. Пицик. – М.: Наука, 2002. – 180 с.
108. Плетникова, Ю. К. Социализация капитала: проблемы и перспективы [Текст] // Социологические исследования / Ю.К. Плетникова. – 2007. – № 12. – С. 22 - 32.
109. Плотинский, Ю.М Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений [Текст] / Ю.М. Плотинский / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
110. Полищук, Л. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния [Электронный ресурс] / Л. Полищук. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/5265> (дата обращения: 22.05.2014)
111. Полуэхтова, И.А. Динамика российской аудитории [Текст] // Социологические исследования / И.А. Полуэхтова. – 2010. – № 1. – С. 66-77
112. Померанц, Г. Тринитарное мышление и современность [Текст] / Г. Померанц, М. Курочкина. – М., 2000. – 317 с.

113. Радаев, В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Текст] // *Общественные науки и современность* / В.В. Радаев. — 2003. — № 2. — С. 18 - 32.
114. Раушенбах, Б.В. К рационально-образной картине мира [Текст] // *Коммунист* / Б.В. Раушенбах. —1989. — № 8. — С.89-98
115. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте [Текст] / Составление и общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. — М.: Academia, 2009. — 808 с.
116. Римский, В.Л. Постиндустриальное общество и социальный капитал в современной России [Текст] // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование* В.Л. Римский. — № 5. — Т. 2. — 2009. — С. 26-37.
117. Ритцер, Дж. Современные социологические теории [Текст] / Дж. Ритцер. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с.
118. Рожков, Г.В. Генезис инновационной экономики в России [Текст] Г.В. Рожков / Под ред. С. Г. Ерошенкова. — М.: МАКС Пресс, 2009. — 888 с.
119. Роуз, Р. Социальные потрясения, социальная уверенность и здоровье [Текст] // *Социальный капитал и социальное расслоение в современной России* / Р. Роуз. — Мн., 2004. — С. 119–143.
120. Русинова, Н. Л. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов и социальной среды [Текст] // *Журнал социологии и социальной антропологии* / Н.Л. Русинова, Л.В. Панова, В.В. Сафронов. —2007. — № 1. — С. 140-161.
121. Сандомирский, М.Е. Психосоматика и телесная психотерапия: Практическое руководство [Текст] / М.Е. Сандомирский. — М.: Независимая фирма "Класс", 2007. — 592 с.
122. Сарангэрэл Зов шамана Древние традиции и духовные практики [Текст] / Сарангэрэл / Пер. с англ. А. Гарькавого. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 368 с.
123. Сенге, П. Пятая дисциплина: Искусство и практика самообучающейся организации [Текст] / П. Сенге / Пер. с англ. — М., 2003. — 408 с.
124. Сморгунов, Л. Сетевой подход к политике и управлению [Текст] / Л. Сморгунов // *Политические исследования*. — 2001. — № 3. — С. 103-112
125. Степаненко, В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования [Текст] // *Социология: теория, методы, маркетинг* / В. Степаненко. — 2004. — № 2. — С. 24-41.

126. Степин, В.С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики [Текст] // Экономические стратегии / В.С. Степин. – 2009. – №73. – С. 24-35
127. Степин, В.С. Теоретическое знание [Текст] / В.С. Степин. – М.: "Прогресс-Традиция", 2000. –744 с.
128. Степин, В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция [Текст] // Вопросы философии В.С. Степин. – 2012. – № 5. – С. 18-25.
129. Соловьёв, В.С. Избранное [Текст] / В.С. Соловьёв. – М.: Советская Россия, 1990. – 270 с.
130. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
131. Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России [Текст] / Под общей редакцией проф. Р.М. Нуреева. – М.: "Издательский дом ГУ-ВШЭ" , 2007. – 327 с.
132. Социальный капитал и социальное расслоение в современной России [Текст] / под ред. Дж. Л. Твигг и К. Шектер. – М.: Альпина паблишер, 2003. – 382 с.
133. Субетто, А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке [Текст] / А.И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2010. – 544с.
134. Тард, Г. Социальные законы = (Les lois sociales): Личное творчество среди законов природы и общества [Текст] / Габриэль Тард / Пер. с фр. А. Ф. под ред. и с предисл. Л. Е. Оболенского. – 2-е изд. – СПб.: В. И. Губинский, 1906. – 120 с.
135. Тихонова, Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства [Текст] // Общественные науки и современность / Н.Е. Тихонова. – 2004. – № 4. – С. 24 - 35.
136. Токвиль, Алексис Демократия в Америке [Текст] / А. Токвиль / Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
137. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фира «Издательство АСТ», 1999, 261 с.
138. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
139. Трапкова, А. Доверие в российском малом и среднем бизнесе [Текст] // Общественные науки и современность / А. Трапкова. – 2004. – № 4. – С. 36-49.

140. Труфанов, Д. О. Универсумная социологическая теория рациональности [Текст] // Теория и практика общественного развития / Д.О. Труфанов. – 2012. – № 4. – С. 87–91
141. Труфанов, Д.О. О рациональности социальной организации с точки зрения универсумной социологической теории рациональности [Текст] // Вопросы управления / Д.О. Труфанов. – 2011. – № 1. – С. 30-36
142. Федотова, Н.Н. Мультикультурализм, политика идентичности и социальный капитал [Текст] // Знание. Понимание. Умение / Н.Н. Федотова, Л.Н. Федотов. – 2007. – № 4. – С. 120- 124
143. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее [Текст] Р. Флорида / Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика- XXI», 2007. – 421 с.
144. Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник [Текст] / В. Франкл / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. – М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
145. Фромм, Э. Душа человека [Текст] / Э. Фромм / Пер. с англ. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
146. Фромм, Э. Психоанализ и этика [Текст] / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 415 с.
147. Фромм, Э. Иметь или быть [Текст] / Э. Фромм / Перевод Э. М. Телятниковой. — Москва: Аст, Астрель, 2010. – 320 с.
148. Фромм, Э. Бегство от свободы; Человек для себя [Текст] / Э. Фромм / Пер. с англ. Д.Н. Дудинский. – Мн.: "Попурри", 1998. – 672 с.
149. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма / Пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2007. – 588 с
150. Фукуяма, Ф. Великий разрыв [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: “Издательство АСТ”, 2003. – 430 с.
151. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 730 с.
152. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в 21 веке [Текст] / Ф. Фукуяма / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. – 222 с.
153. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории [Текст] Ю. Хабермас / Пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Скляднева. – М.: Наука, 2001. – 417 с.
154. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне [Текст] / Ю. Хабермас. – М., 2003. – 416 с.
155. Хайд, Л. Дар. Как творческий дух преобразует мир [Текст] / Л. Хайд / Пер. с англ. Анваера А.Н. – М.: "Поколение", 2007. – 480 с

156. Хайек, Ф.А. фон, Дорога к рабству [Текст] / Ф.А. Хайек. – М.: "Экономика", 1992. – 176 с.
157. Хайек, Ф. Судьбы либерализма в XX веке [Текст] / Ф. Хайек. – М.: ИРИСЭН, Мысль; Челябинск: Социум, 2009. – 337 с.
158. Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок [Текст] / Ф. Хайек. – М.: Изограф, 2000. – 256 с.
159. Хиценко, В.Е. Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. Эволюционный менеджмент и управленческая кибернетика Стаффорда Бира [Текст] / В.Е. Хиценко. – М.: URSS, 2012. – 224 с.
160. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты [Текст] / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. – М.-СПб., 1997. – 311 с.
161. Чиксентмихайи, М. Эволюция личности [Текст] / М. Чиксентмихайи. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 420 с.
162. Чиксентмихайи, М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений [Текст] / М. Чиксентмихайи. – М.: Карьера Пресс, 2013. – 528 с.
163. Чучкевич, М. Основы управления сетевыми организациями [Текст] / М. Чучкевич. – М.: Изд-во ИС РАН, 1999. – 278 с.
164. Шадрин, А. Конструирование сетевой организации: информационно-коммуникативное обеспечение в исследовательских проектах и деятельности профессиональных сообществ / А. Шадрин // Вестник НАУФОР. – 1999. – № 11. = [Электронный ресурс] / Шадрин А. – Режим доступа: <http://www.isn.ru/info/seminar-doc/naufor.doc>. – Загл. с экрана.
165. Шамхалов, Ф. Теория государственного управления [Текст] / Ф. Шамхалов. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 638 с.
166. Шихирев, П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход [Текст] // Общественные науки и современность. 2003. – № 2. – С. 17-31.
167. Шкаратан, О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России [Текст]. – М., 2009. – 560 с.
168. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
169. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
170. Эйдман, И.В. Прорыв в будущее: Социология интернет-революции [Текст] / И.В. Эйдман. – М.: ОГИ, 2007. – 384 с.
171. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

172. Юнг, К.Г. Воспоминания , размышления , сновидения [Текст] / К.Г. Юнг. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 480 с.
173. Юнг, К.Г. Человек и его символы [Текст] / К.Г. Юнг, М.-Л. фон Франц, Дж.Л.Хендерсон, И. Якоби, А. Яффе. – М.: Серебрянные нити, 1997. – 368 с.
174. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание,объяснение, понимание социальной реальности [Текст] / В.А. Ядов. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.
175. Ackoff, R. L. Reflections on Systems and their Models [Text] / R. L. Ackoff, J. Gharajedaghi // Systems Research. – Vol. 13. – No.1, March, 1996, P. 13-23.
176. Bell, D. The Coming of Social Forecasting [Text] / D. Bell. – N. Y.: Basic Books, 1973
177. Checkland, P.B. (1978). The origins and nature of «hard» systems thinking [Text] / P.B. Checkland // J. Appl. Sys. Anal. – 1978. – N 5. – P. 99-110.
178. Cohen, S. Social Relationships and Health [Text] / S. Cohen // American Psychologist. – 2004. – Vol. 59 (8). – P. 676-684.
179. Foley, M. Civil Society and Social Capital in Comparative Perspective [Text] / M. Foley M., B. Edwards // American Behavioral Scientist. – 1998. 42(1) . – P. 124-139.
180. Hanifan, L.J. The Rural School Community Center [Text] // Annals of Political and Social Science / L.J.Hanifan. – 1916. – N 67. – P. 130-138
181. Inglehart, R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values [Text] / Inglehart, R., Baker W.E. // American Sociological Review. – 2000. – N 65, 19-51.
182. Nemirovskiy, V. The interdisciplinary perspectives of the contemporary post-non-classical sociology [Text] / V. Nemirovskiy // International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. – 2007.– Vol. 2. – N 1. – P. 65-73.
183. Rose, R. How Much Does Social Capital Add to Individual Health? A Survey Study of Russians [Text] / R. Rose // Social Science and Medicine. – 2000. – Vol. 51 (9). – P. 1421-1435.
184. Schwartz, S.H. Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications [Text] / S.H. Schwartz, W. Bilsky // Journal of Personality and Social Psychology.- 1990.- Vol. 58. – P. 878-891
185. Schwartz, S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries [Text] / S.H. Schwartz// Advances in Experimental Social Psychology. – 1992. – Vol. 25. – P. 1-6.

186. Sternberg, R. Investing in creativity [Text] / R. Sternberg, R., T. Lubart // Psychological Inquiry. – 1993. – Vol. 3. – P. 229-232
187. Woolcock, M. Social Capital: Implications for Development Theory, Research, and Policy [Text] / M. Woolcock, D. Narayan // The World Bank Research Observer. – 2000. – N 15(2). – P. 225-251.
188. Ulrich, W. Critical Heuristics of Social Systems Design [Text] / W. Ulrich. – Berne: Haupt, 1983.

Приложение А

Распределение респондентов по типу поселений, по уровню образования

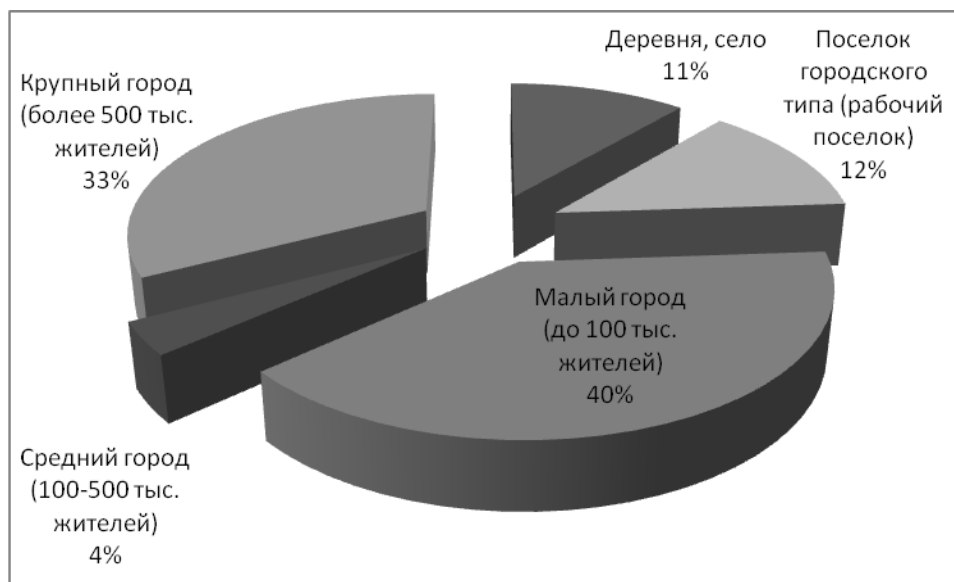

Рисунок 1 – Проживание респондентов в соответствующих типах поселений

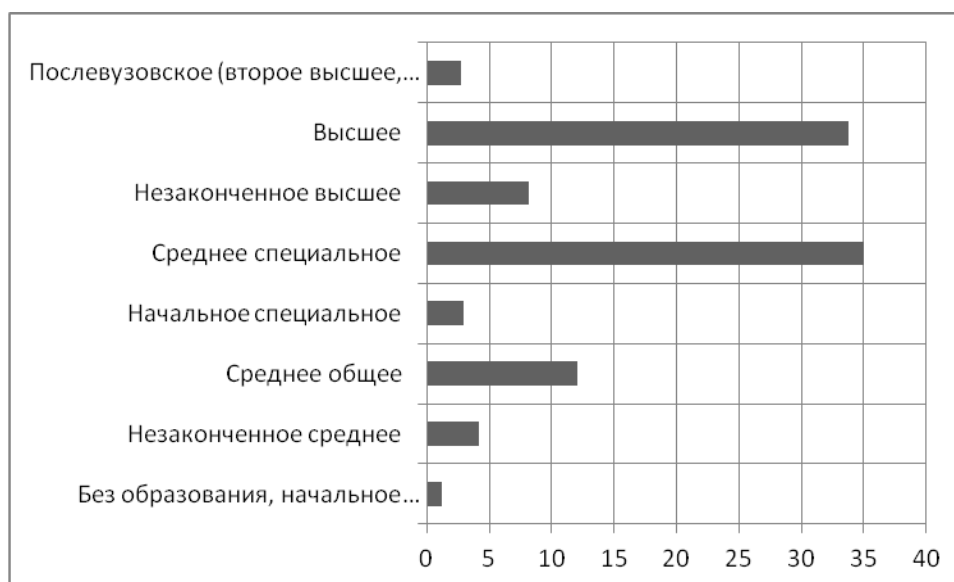

Рисунок 2 – Образование респондентов: по горизонтали указан процент от объема выборки

Приложение Б

Гистограмма удовлетворенности жителей Красноярского края своей жизнью в целом

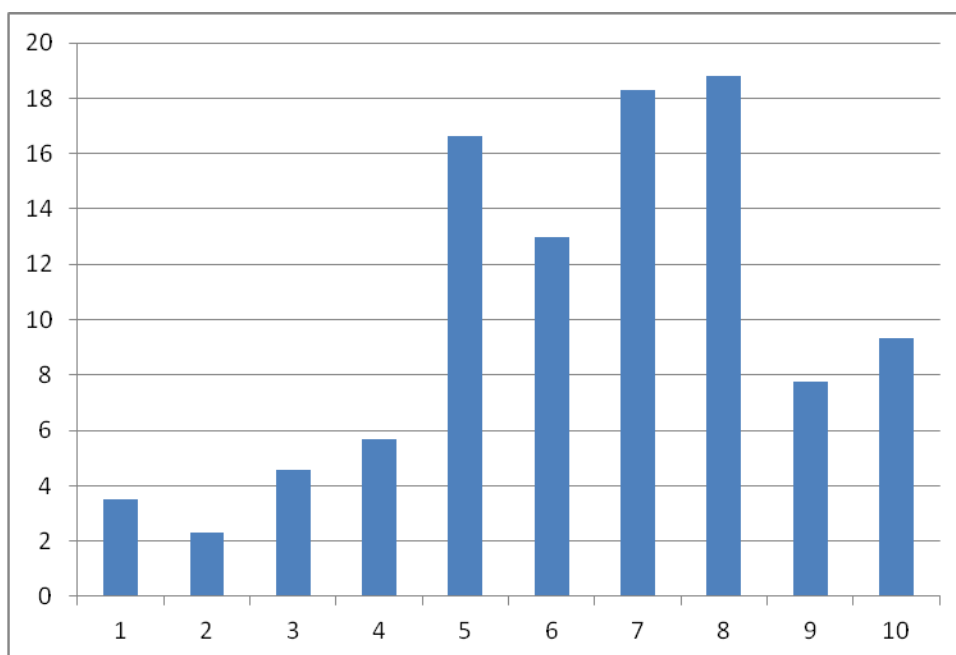

Рисунок 3 – Удовлетворенность жителей Красноярского края своей жизнью в целом:

по вертикальной оси указан % от числа опрошенных;

по горизонтальной оси – оценка степени удовлетворенности, где 1 означает «совершенно не удовлетворен»,

а 10 – «полностью удовлетворен»

Приложение В

Связь удовлетворенности своей жизнью в целом и количества знакомых, готовых оказать срочную помощь, количества людей, помнящих День Рождения респондента

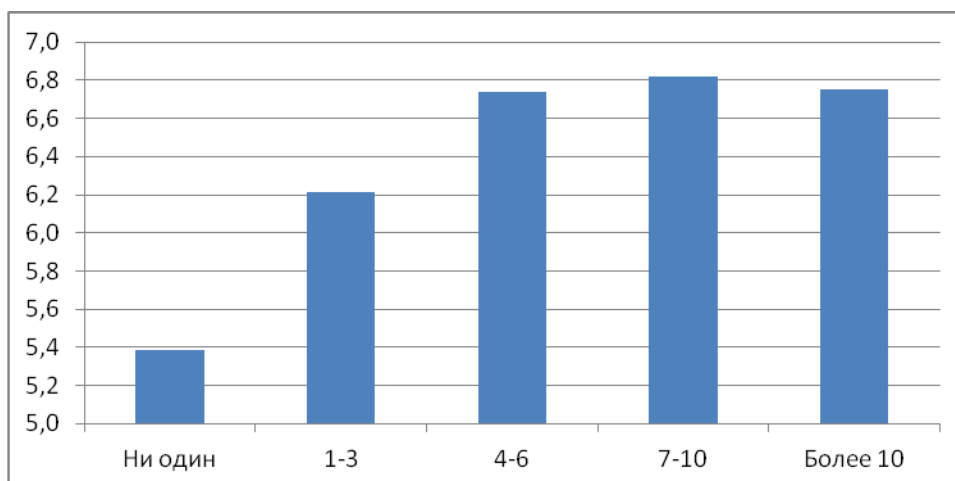

Рисунок 4 – Связь удовлетворенности своей жизнью в целом и количеством знакомых, готовых оказать респонденту срочную помощь по вертикальной оси – оценка степени удовлетворенности, 1 означает «совершенно не удовлетворен», а 10 – «полностью удовлетворен», по горизонтальной – количество знакомых, готовых оказать срочную помощь

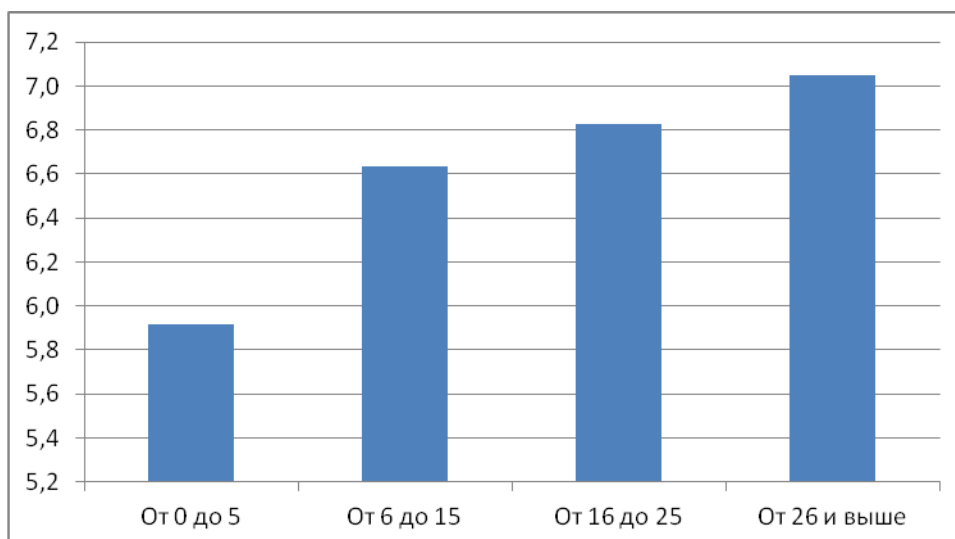

Рисунок 5 – Связь удовлетворенности своей жизнью в целом и количеством людей, помнящих День Рождения респондента:

по вертикальной оси – оценка степени удовлетворенности, 1 означает «совершенно не удовлетворен», а 10 – «полностью удовлетворен», по горизонтальной – количества людей, помнящих День Рождения респондента

Приложение Г

Уверенность жителей Красноярского края в своем будущем

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Насколько Вы уверены в своем будущем?"

Варианты ответа	% от числа ответивших респондентов	%, РФ, 2006
Вполне уверены	14	11
Скорее уверены, чем нет	35	32
Не могут сказать точно	30	26
Скорее не уверены, чем уверены	14	21
Совершенно не уверены	7	9

Приложение Д

Самооценка уровня материального положения

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос о материальном положении

Варианты ответа	% от числа ответивших респондентов	%, РФ, 2006	Категории
Денег не хватает на повседневные затраты	9	11	«нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	14	22	«бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	16	21	«необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	39	29	«обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	19	9	«зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	2,5	2	«богатые»
Отказ от ответа	0,5	6	-

Приложение Е

Связь материального положения и объема межличностных связей

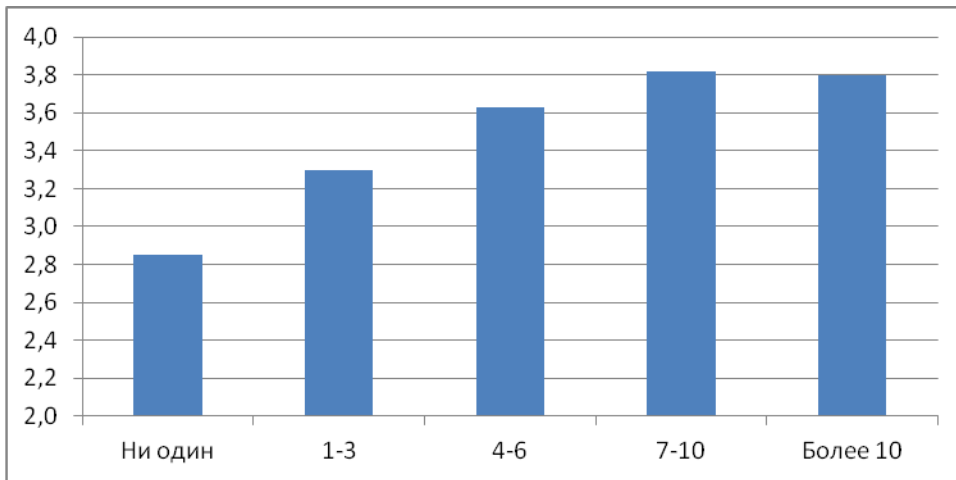

Рисунок 6 – Распределение средних значений по группам (зависимая переменная – уровень материального положения, группирующая – объем межличностных связей):

по вертикальной оси указана оценка материального положения, 2 означает «на повседневные затраты уходит вся зарплата», а 6 – «практически ни в чем себе не отказываем», по горизонтальной – количество знакомых, готовых оказать срочную помощь

Приложение Ж

Самооценка уровня внутренней силы, энергии, готовности к активному действию (указаны проценты от числа ответивших респондентов)

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Каков Ваш уровень внутренней силы, энергии, готовности к активному действию? Отметьте, как часто Вы испытывали перечисленные состояния за последнее время"

Внутренние эмоциональные состояния	Практически постоянно	Иногда	Редко	Не испытываю
Огромный прилив сил, вдохновение	14	56	22	8
Прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы	18	53	22	7
Состояние умиротворения и гармонии	14	49	29	7
Чувствую спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой	29	45	21	5
Особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию	24	44	24	7
Чувствую злость, раздражение по отношению к окружающему миру	4	23	42	31
Сил не хватает, чувствую усталость	11	38	37	14
Ощущаю катастрофическую нехватку сил, нежелание делать что-либо	6	25	40	29
Ощущаю глубокую беспомощность	3	13	29	55

Приложение 3

Связь частоты появления соответствующих эмоциональных переживаний и материального достатка, динамики материального положения за текущий год, уровня здоровья по самооценке респондентов

Таблица 4 – Корреляционная матрица взаимосвязи частоты появления соответствующих эмоциональных переживаний и материального достатка, динамики материального положения за текущий год, уровня здоровья по самооценке респондентов респондентов (указаны коэффициенты корреляции по Спирмену)

Частота переживаний соответствующих внутренних эмоциональных состояний	Уровень материального достатка	Динамика материального положения за текущий год	Уровень здоровья	Кол-во людей, которые вспомнят о Дне Рождения	Кол-во знакомых, готовых оказать срочную помощь
Огромный прилив сил, вдохновение	0,21	0,24	0,34	0,25	0,20
Прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы	0,23	0,25	0,35	0,27	0,23
Состояние умиротворения и гармонии	0,19	0,22	0,27	0,18	0,20
Чувствую спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой	0,23	0,26	0,30	0,20	0,17
Особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию	-0,12	-0,09	-0,11	-0,07	-0,04
Чувствую злость, раздражение по отношению к окружающему миру	-0,10	-0,11	-0,13	-0,10	-0,10
Сил не хватает, чувствую усталость	-0,16	-0,18	-0,37	-0,18	-0,15
Ощущаю катастрофическую нехватку сил, нежелание делать что-либо	-0,16	-0,17	-0,32	-0,21	-0,15
Ощущаю глубокую беспомощность	-0,16	-0,14	-0,24	-0,17	-0,12

Приложение И

Корреляционная матрица, отражающая комплексную взаимосвязь характеристик жизни респондентов (объем межличностных связей, материальный достаток, удовлетворенность жизнью, динамика материального положения за текущий год, физическое здоровье, уровень внутренней энергии, качество эмоциональной жизни респондентов)

Таблица 5 – Корреляционная матрица, отражающая комплекс взаимосвязанных характеристик жизни респондента (указаны коэффициенты корреляции по Спирмену)

(указаны коэффициенты корреляции по Спирмену)	Удовлетворенность жизнью	Кол-во людей, которые вспомнят о Дне Рождения	Кол-во знакомых, готовых оказать срочную помощь	Прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы	Уровень материального достатка	Динамика материального положения за текущий год	Самооценка физического здоровья
Удовлетворенность жизнью	1,00	0,21	0,19	0,37	0,28	0,30	0,31
Кол-во людей, которые вспомнят о Дне Рождения	0,21	1,00	0,47	0,27	0,14	0,11	0,19
Кол-во знакомых, готовых оказать срочную помощь	0,19	0,47	1,00	0,23	0,18	0,09	0,15
Прекрасное самочувствие	0,37	0,27	0,23	1,00	0,23	0,25	0,35
Уровень материального достатка	0,28	0,14	0,18	0,23	1,00	0,30	0,23
Динамика материального положения за текущий год	0,30	0,11	0,09	0,25	0,30	1,00	0,25
Самооценка физического здоровья	0,31	0,19	0,15	0,35	0,23	0,25	1,00

Приложение К

Самооценка степени доверия

Таблица 6 – Распределение ответов респондентов на вопрос " В какой степени Вы доверяете или не доверяете?" (указан % от числа ответивших респондентов)

Предметы доверия	Полностью доверяю	Пожалуй доверяю в основном	Трудно сказать точно	Не очень доверяю	Совсем не доверяю	Не знаю
Суд	2	20	27	34	13	3
Губернатор, президент республики	2	19	28	27	20	4
Профсоюз	3	14	24	20	27	11
Прокуратура	2	17	28	30	18	5
Полиция	1	11	22	35	28	3
Правительство региона	1	13	30	28	23	5
Политические партии	0	5	20	27	40	8
Законодательное собрание	1	9	28	25	27	9
СМИ	2	15	23	34	21	4
Муниципальные и местные органы самоуправления	1	13	25	32	24	5
Президент России	9	28	25	20	17	3
Правительство России	5	21	28	23	20	3
Госдума России	2	14	29	26	25	5
Армия	7	23	27	18	21	5
Церковь и духовенство	12	28	28	11	15	7
Бог	32	20	24	4	9	10
Соотечественники	6	27	40	15	5	7
Работодатель (администрация)	6	27	28	20	14	6
Коллеги	11	48	22	12	3	4
Соседи	8	32	33	15	7	5
Семья и родственники	67	27	4	1	0	1
Я сам	69	21	5	1	2	2
Люди, с которыми Вы лично знакомы	12	48	29	6	2	6
Люди, с которыми Вы встречаетесь в первый раз	1	5	28	31	29	15
Люди другой религии / веры	1	10	39	18	18	12
Люди другой национальности	1	12	41	19	15	1

Приложение Л

Результаты многомерного шкалирования по переменным, отражающими степень доверия

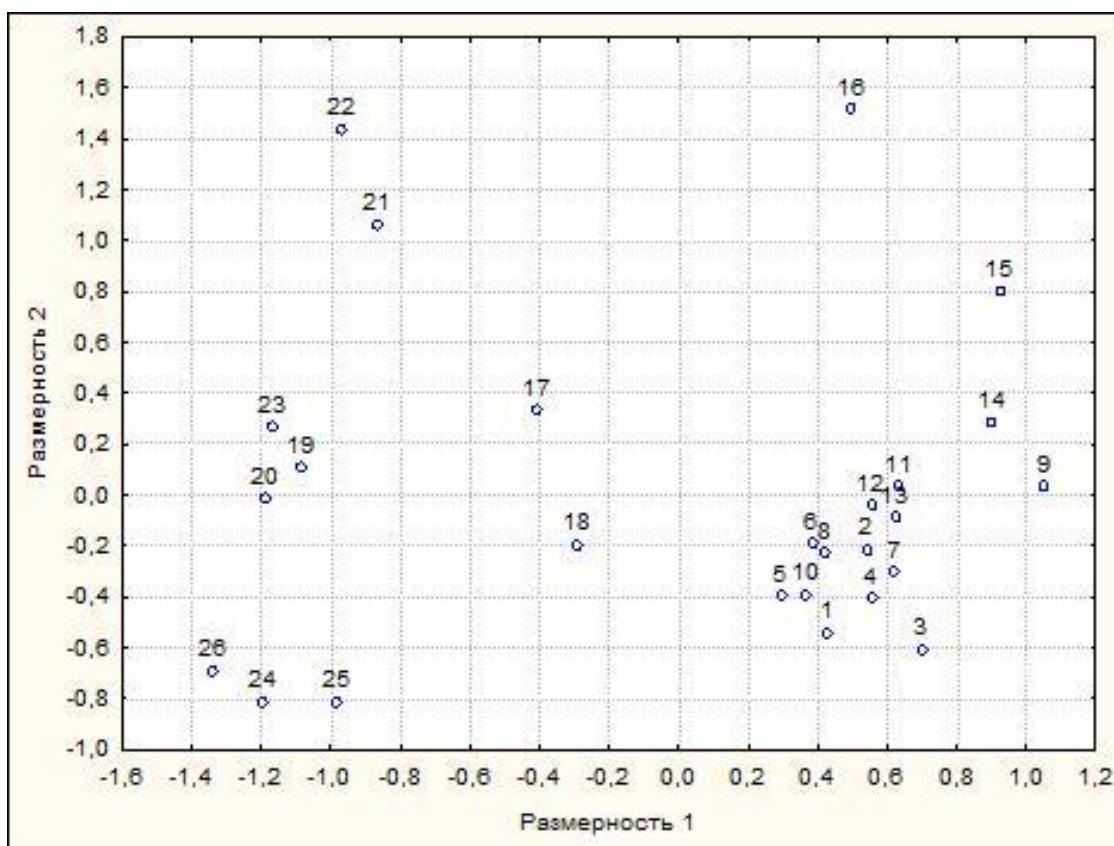

Рисунок 6 – Пространство многомерного шкалирования по переменным, отражающим степень доверия:

цифрами на рисунке указаны следующие наименования: 1 – Суд, 2 - Губернатор, 3 – Профсоюз, 4 – Прокуратура, 5 – Полиция, 6 - Правительство региона, 7 - Политические партии, 8 - Законодательное собрание, 9 – СМИ, 10 - Муниципальные и местные органы самоуправления, 11 - Президент России, 12 - Правительство России, 13 - Госдума России, 14 – Армия, 15 - Церковь и духовенство, 16 – Бог, 17 – Соотечественники, 18 - Работодатель (администрация), 19 – Коллеги, 20 – Соседи, 21 - Семья и родственники, 22 - Я сам, 23 – Люди, с которыми Вы лично знакомы, 24 - Люди, с которыми Вы встречаетесь в первый раз, 24 - Люди другой религии / веры, 25 - Люди другой национальности.

Приложение М

Группы населения, с которыми не хочется жить по соседству (указан % от числа ответивших респондентов)

Таблица 7 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Назовите группы, с представителями которых Вы не хотели бы жить по соседству"

	Не хотел бы жить по соседству	Не возражаю жить по соседству
Наркоманы	97	3
Люди другой национальности	31	69
Больные СПИДом	66	34
Иммигранты и иностранные рабочие	66	34
Гомосексуалисты	75	25
Люди другой религии	28	72
Алкоголики	95	5
Пары, живущие в гражданском браке	7	93
Люди, разговаривающие на иностранном языке	22	78

Приложение Н

Степень схожести по самооценке респондентов на определенные типы людей (указан процент от числа ответивших респондентов)

Таблица 8 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Насколько такой человек походит на Вас?"

	Очень похоже на меня	Похоже на меня	Чем-то похоже на меня	Немного похоже на меня	Не похоже на меня	Совсем не похоже на меня
Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем	14	18	22	22	16	7
Для этого человека важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей	3	9	16	18	34	19
Жизнь в безопасности очень важна для этого человека, он избегает всего, что может сулить опасность	9	17	23	24	18	8
Для этого человека важно хорошо проводить время, баловать себя	7	18	20	23	19	12
Для этого человека важно помогать ближним, заботиться об их благополучии	22	34	25	14	3	1
Для этого человека важно быть очень успешным, чтобы окружающие знали о его достижениях	7	14	19	20	27	13
Приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к захватывающим событиям	5	10	15	17	29	25
Для этого человека важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди бы не одобрили	12	22	21	22	15	8
Для этого человека важно заботиться об окружающей среде и природе	11	20	25	26	11	6
Для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии	12	18	23	22	16	9

Приложение О

Максимальный корреляционный граф

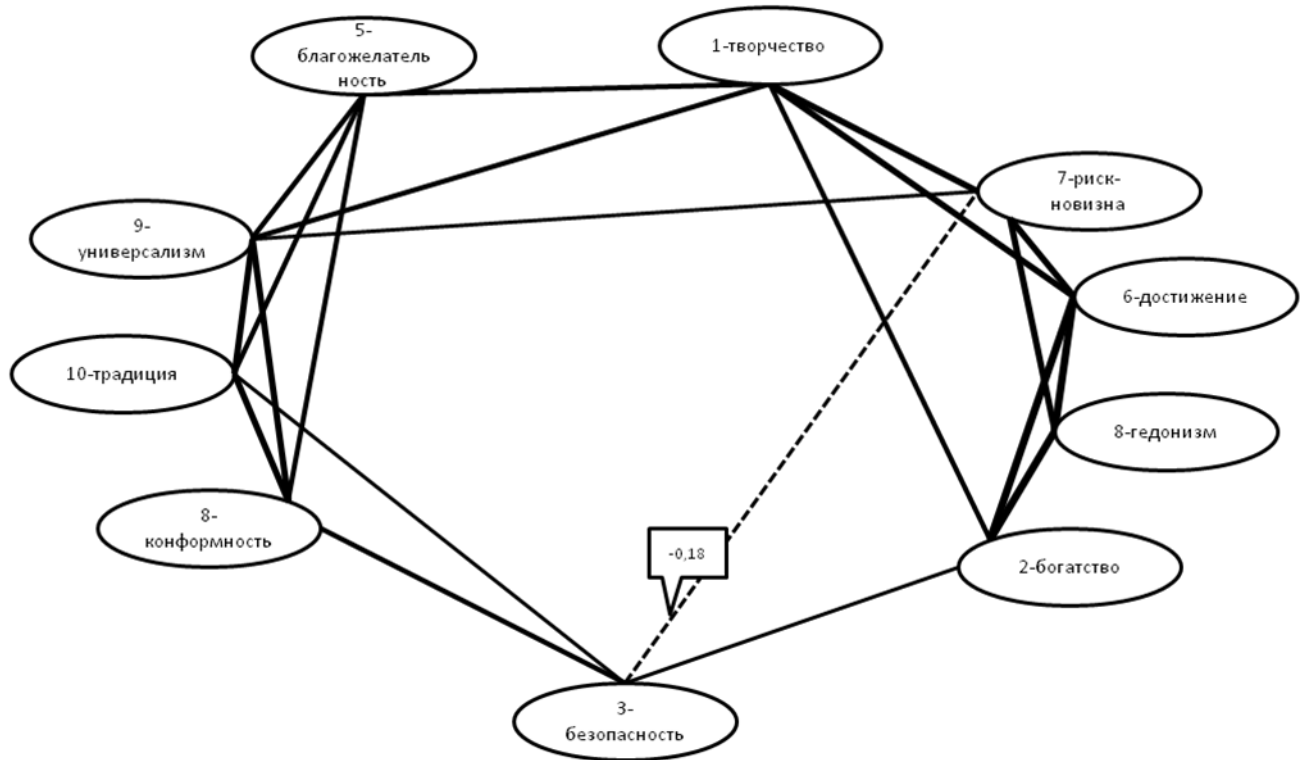

Рисунок 7 – Максимальный корреляционный граф:

Линиями указаны корреляционные связи выше 0,2. Толщина линии отражает величину корреляции: от 0,6 – самые широкие линии до 0,2 – самые тонкие. Цифрами на рисунке отмечены ценности: 1 – творчество, 2 – богатство, 3 – безопасность, 4 – гедонизм, 5 – заботливость, благожелательность, 6 – достижение, успех, 7 – риск-новизна, 8 – конформность, 9 – универсализм (забота об окружающей среде), 10 – следование традиции.

Приложение II

Профили кластеров

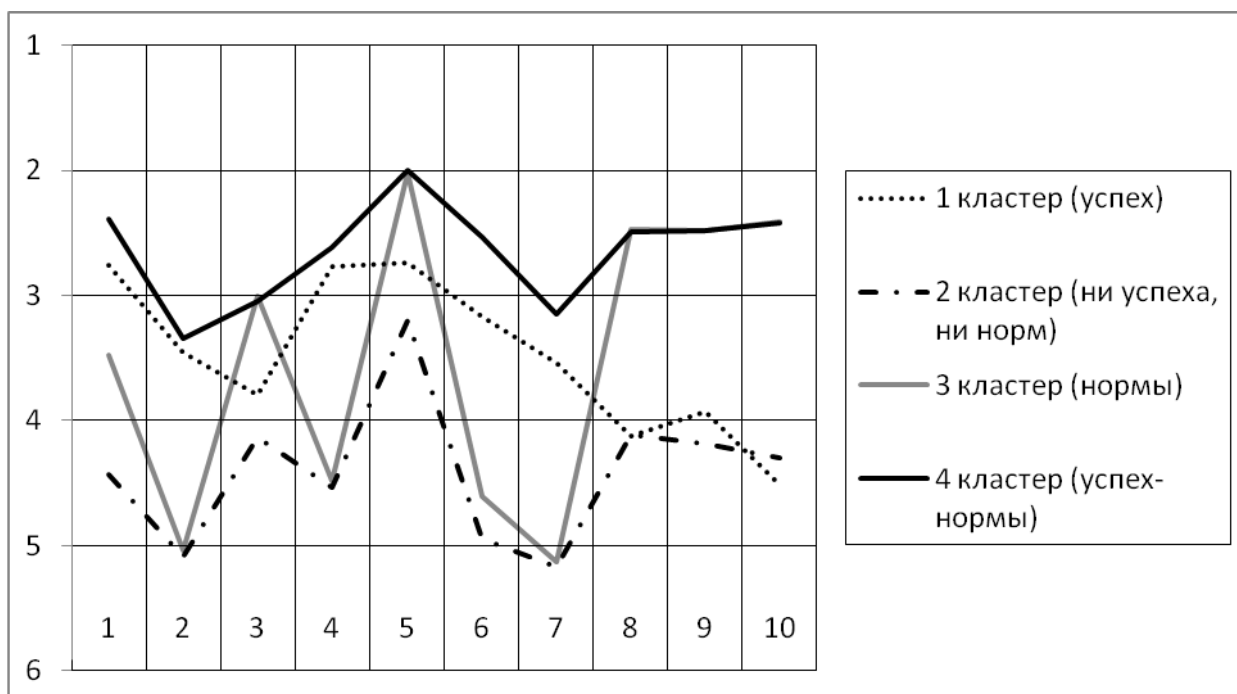

Рисунок 8 – Профили кластеров, отражающих различные варианты сочетаний ценностных ориентаций жителей Красноярского края:

Цифрами по горизонтальной оси отмечены ценности: 1 – творчество, 2 – богатство, 3 – безопасность, 4 – гедонизм, 5 – заботливость, благожелательность, 6 – достижение, успех, 7 – риск-новизна, 8 – конформность, 9 – универсализм (забота об окружающей среде), 10 – следование традиции.

Цифрами по вертикальной оси отмечены градации шкалы оценивания: 1 – Очень похоже на меня, 2 – Похоже на меня, 3 – Чем-то похоже на меня, 4 – Немного похоже на меня, 5 – Не похоже на меня, 6 – Совсем не похоже на меня.

Приложение Р

Распределение респондентов по кластерам и возрастам

Таблица 9 – Распределение респондентов по кластерам и возрастам (в ячейках таблицы указывается число респондентов)

	Кластер 1 (успех)	Кластер 2 (ни успеха, ни норм)	Кластер 3 (нормы)	Кластер 4 (успех и нормы)
до 24	102	34	14	75
25-34	102	49	39	75
35-44	41	72	58	48
45-54	25	55	81	32
55-64	27	51	111	30
65-74	6	25	31	11
больше 75	1	6	12	3

Приложение С

Матрица корреляций, отражающая связь с членством в кластерах и характеристиками жизни респондентов

Таблица 10 – Матрица корреляций, отражающая связь с членством в кластерах и соответствующими характеристиками жизни респондентов (в ячейках таблицы указаны коэффициенты частной корреляции с устраненным влиянием переменной «возраст респондента»; значимые корреляции отмечены значком «*»).

	Кластер 1 (успех)	Кластер 2 (ни успеха, ни норм)	Кластер 3 (нормы)	Кластер 4 (успех и нормы)
Удовлетворенность жизнь	0,03	-0,11*	-0,05	0,14*
Количество людей, помнящих о Дне Рождения респондента	0,01	-0,15*	-0,01	0,15*
Количество знакомых, готовых оказать срочную помощь при необходимости	0,04	-0,15*	0,00	0,12*
Частота переживаний позитивных эмоций (вдохновение, спокойствие, умиротворение)	0,05	-0,22*	-0,01	0,19*
Материальное положение	0,06*	-0,06*	-0,04	0,04
Улучшение жизни за текущий год	0,04	-0,13*	-0,01	0,11*
Самооценка физического здоровья	0,05	-0,09*	-0,07*	0,11*
Степень доверия институтам государства (в среднем)	-0,07*	-0,09*	0,06*	0,10*
Степень доверия СМИ	-0,05	-0,07*	0,04	0,08*
Степень доверия соотечественникам	-0,09*	-0,14*	0,11*	0,12*
Степень доверия коллегам	-0,05	-0,14*	0,08*	0,11*

Приложение Т

Распределение ответов «Как часто Вы думаете о смысле жизни?» и смысложизненных ориентаций респондентов

Таблица 11 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Как часто Вы думаете о смысле жизни?"»

«Как часто Вы думаете о смысле жизни?» (в ячейках таблицы указано число респондентов)	Кластер 1 (успех)	Кластер 2 (ни успеха, ни норм)	Кластер 3 (нормы)	Кластер 4 (успех и нормы)
Часто	96	69	133	116
Иногда	129	138	163	122
Редко	65	65	40	30
Никогда	13	17	7	6

Таблица 12 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Представьте себя через 10 лет. Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни?"

Смысложизненные ориентации респондентов (в ячейках таблицы указаны средние значения по выборке)	Кластер 1 (успех)	Кластер 2 (ни успеха, ни норм)	Кластер 3 (нормы)	Кластер 4 (успех и нормы)
Активные занятия спортом	2,0	1,5	1,5	2,0
Материальный достаток	2,4	1,9	1,8	2,4
Вера в Бога	1,8	1,8	2,2	2,1
Престиж, восхищение окружающих	1,9	1,5	1,5	2,1
Хорошие возможности для отдыха, развлечений	2,4	1,8	1,7	2,4
Хорошая семья	2,6	2,5	2,6	2,7
Руководящая должность	2,0	1,4	1,3	2,0
Интересная, творческая работа	2,1	1,7	1,6	2,2
Регулярное чтение книг, посещение театров, концертов «серьезной» музыки	2,0	1,8	2,0	2,1
Жизнь ради людей, независимо от профессии, должности, зачастую в ущерб собственным интересам	1,5	1,6	1,8	1,8
Духовное развитие, нравственное самосовершенствование	2,2	1,9	2,2	2,4

Приложение У

Участие респондентов в жизни общественных организаций

Таблица 13 – Участие респондентов в жизни общественных организаций
(в ячейках таблицы указаны проценты от числа всех респондентов, входящих в соответствующий кластер)

	Кластер 1 (успех)	Кластер 2 (ни успеха, ни норм)	Кластер 3 (нормы)	Кластер 4 (успех и нормы)
Религиозные, или церковные организации	11%	9%	18%	17%
Спортивные организации или организации, связанные с проведением досуга	41%	18%	21%	42%
Организации, связанные с искусством, музыкой, или образованием	29%	12%	22%	33%
Профсоюзы	28%	24%	32%	28%
Политические партии или группы	4%	4%	6%	10%
Экологические организации	4%	2%	9%	13%
Профессиональные объединения	17%	14%	19%	25%
Гуманитарные или благотворительные организации	9%	6%	9%	13%
Организации по защите прав потребителей	4%	3%	4%	7%
Другие организации	6%	4%	4%	5%

Приложение Ф

Корреляционная матрица, отражающая связь материального положения, динамики уровня жизни за год, социального статуса, объема межличностных связей, и переменных, характеризующих творческую ориентацию респондентов

Таблица 14 – Корреляционная матрица (указаны коэффициенты корреляции по Спирмену)

	Кол-во людей, которые вспомнят о Дне Рождения	Кол-во знакомых, готовых оказать срочную помощь	Удовлетворенность жизнью	Уровень счастья	Уровень материального достатка	Динамика материального положения за текущий год
Идентификация себя как творческой личности	0,19	0,16	0,24	0,15	0,16	0,14
Идентификация своей работы как творческой	0,12	0,06	0,09	0,07	0,06	0,02
Смысложизненная ориентация на интересную, творческую работу	0,20	0,12	0,27	0,25	0,14	0,15

Приложение X

Формы самообразования респондентов (в ячейках таблицы указан процент от числа ответивших респондентов)

Таблица 14 – Распределение респондентов на вопрос " Какие конкретные шаги Вы предпринимаете по самообразованию?"

	Это мое серьезное увлечение	Интересуюс ь по мере возможност и	Когда-то увлекался	Практически нет
Изучение специализированной литературы по профессии	14	55	14	17
Изучение научно-познавательной литературы	7	48	20	25
Погружение в серьезное искусство в различных его формах (литература, музыка, живопись)	7	23	18	51
Изучение новых компьютерных программ	7	40	9	44
Творческая деятельность	11	29	19	41
Изучение литературы по бизнесу, по управлению	5	22	9	63
Изучение литературы по психологии	7	27	17	50
Обучение психической саморегуляции	4	21	12	64
Глубокое изучение религиозной этики, освоение духовной культуры	4	16	7	73

Приложение Ц

Корреляционная матрица, отражающая взаимосвязь форм самообразования респондентов и объем межличностных связей

Таблица 14 – Корреляционная матрица, отражающая взаимосвязь форм самообразования респондентов и объем межличностных связей (в ячейках таблицы указаны коэффициенты корреляции по Спирмену)

	Кол-во людей, которые вспомнят о Дне Рождения	Кол-во знакомых, готовых оказать срочную помощь
Изучение специализированной литературы по профессии	0,18	0,12
Изучение научно-познавательной литературы	0,09	0,08
Погружение в серьезное искусство в различных его формах (литература, музыка, живопись)	0,16	0,12
Изучение новых компьютерных программ	0,17	0,14
Творческая деятельность	0,21	0,17
Изучение литературы по бизнесу, по управлению	0,19	0,14
Изучение литературы по психологии	0,2	0,12
Обучение психической саморегуляции	0,17	0,1
Глубокое изучение религиозной этики, освоение духовной культуры	0,02	0,00

Приложение Ч

Источники внутренних сил, энергии, воли к жизни населения Красноярского края (указаны проценты от числа ответивших респондентов)

Таблица 14 – Распределение ответов на вопрос " Что для Вас является источником внутренних сил, дает Вам энергию, волю к жизни?"

	Самое главное для меня	Иногда	Не является
Занятия творчеством	14	44	42
Занятия спортом	16	44	39
Увлечение искусством (эстетические переживания)	9	37	54
Религиозные, духовные переживания	8	31	62
Профессия	30	44	25
Семья	82	14	4
Психологические приемы, саморегуляция, медитативные практики	10	30	60
Конкуренция, чувство соперничества	8	38	54
Путешествия	24	47	29

Приложение Ш

Посещаемость культурно-досуговых учреждений

Таблица 15 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Как часто Вы посещаете?" (в % от количества ответивших респондентов)

	Раз в неделю	1–3 раза в месяц	1–3 раза в полгода	Раз в год и реже	Затрудняюсь ответить
Библиотека	9	12	13	33	34
Театр	1	4	18	42	35
Цирк	0	1	4	46	50
Музей	0	3	10	48	38
Стадион	6	8	14	34	37
Клуб по интересам	10	9	9	25	48
Дискотека	3	8	14	28	47
Кинотеатр	4	16	26	27	27
Концертный зал	1	5	18	37	39

Приложение Щ
Участие респондентов в жизни общественных организаций

Таблица 16 – Распределение ответов респондентов на вопрос " Скажите, состоите ли Вы в какой-либо из таких организаций? Если да, то скажите, пожалуйста, насколько активное участие Вы принимаете в работе этой организации?" (в % от количества ответивших респондентов)

	Принимаю активное участие	Не принимаю активное участие	Не состою в этой организации
Религиозные, или церковные организации	4	10	86
Спортивные организации или организации, связанные с проведением досуга	17	14	70
Организации, связанные с искусством, музыкой, или образованием	13	11	76
Профсоюзы	8	20	72
Политические партии или группы	1	5	94
Экологические организации	2	5	93
Профессиональные объединения	7	11	81
Гуманитарные или благотворительные организации	2	7	91
Организации по защите прав потребителей	1	4	96
Другие организации	2	3	95

Приложение Ы

Частота использования различных средств коммуникации населением края

Таблица 16 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Ниже перечислены некоторые возможные источники информации. Для каждого из них скажите, приходилось ли Вам пользоваться им в течение последней недели для получения информации?"

	Пользовался в течение последней недели	Не пользовался в течение последней недели
Ежедневная газета	47	53
Новостные выпуски на радио или телевидении	90	10
Журналы	34	66
Подробные репортажи по радио или телевидению	79	21
Книги	41	59
Интернет, электронная почта	65	35
Разговоры с друзьями и коллегами	93	7

Приложение Э

Коммуникативные компетенции населения Красноярского края

Таблица 16 – Распределение ответов респондентов на вопрос "Какими навыками общения Вы обладаете?"

	Практически нет	Иногда, при благоприятных обстоятельствах	Так же как все	Это мой козырь
Способность убеждать других	7	44	35	14
Способность вызвать интерес	5	37	44	14
Умение пошутить, рассказать анекдот	12	33	36	19
Понимание собеседника	2	18	50	31
Чувство такта, деликатность в общении	3	19	53	25
Умение обаять, очаровать собеседника	10	33	41	15
Способность лаконично и четко излагать свои мысли	7	29	48	16
Интерес к общению с другими	3	25	54	18
Остроумие, умение тонко и иронично подметить суть проблемы	10	33	41	16
Навыки выступления перед публикой	33	27	29	11
Умение излагать свои мысли на бумаге	20	25	38	17
Литературный язык	26	25	38	11
Интерес к созданию текстов собственного сочинения	52	22	17	9
Способность выразить свои чувства	9	30	46	14

Приложение Ю

Корреляционная матрица, отражающая взаимосвязь между обобщенными факторами коммуникативных способностей и соответствующими характеристиками жизни респондентов

Таблица 16 – Корреляционная матрица, отражающая взаимосвязь между обобщенными факторами коммуникативных способностей и соответствующими характеристиками жизни респондентов (в ячейках таблицы указаны коэффициенты корреляции по Спирмену; статистически значимые корреляции помечены знаком «*»)

	Фактор 1 «обыденная коммуникация»	Фактор 2 «искусство коммуникации»	Фактор 3 «литературная коммуникация»
Идентификация себя как творческой личности	0,01	0,23*	0,33*
Частота переживаний «огромного прилива сил, вдохновения»	0,05	0,24*	0,13*
Частота переживаний прекрасного самочувствия, новых идей, замыслов	0,05	0,26*	0,14*
Участие в организациях, связанных с искусством, музыкой или образованием	-0,00	0,06*	0,17*
Участие в политических партиях или группах	0,01	0,08*	0,09*
Участие в благотворительных организациях	0,01	0,07*	0,09*
Кол-во людей, которые вспомнят о Дне Рождения	0,02	0,23*	0,12*
Кол-во знакомых, готовых оказать срочную помощь	0,01	0,25*	0,10*
Активность самообразования по бизнесу, по управлению	0,01	0,15*	0,14*
Активность самообразования по психологии	0,07	0,20*	0,28*

Приложение D

Социальная самоидентификация респондентов и материальное положение респондентов, вошедших в кластеры

Таблица 17 – Таблица сопряженных признаков (самоидентификация респондентов с определенным слоем и членство в соответствующем кластере)

Характеристика слоя	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Высший слой	3	0	6	0	3
Слой выше среднего	7	0	50	0	24
Средний слой	105	0	161	0	398
Слой ниже среднего	0	151	15	86	0
Нижний слой	0	20	0	40	0

Таблица 18 – Таблица сопряженных признаков (уровень материального положения респондентов и членство в соответствующем кластере)

Материальное положение	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Денег не хватает на повседневные затраты	43	0	0	51	0
На повседневные затраты уходит вся зарплата	72	0	0	75	0
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднено	0	72	0	0	112
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметы приходится копить	0	99	0	0	313
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры	0	0	203	0	0
Практически ни в чем себе не отказываем	0	0	29	0	0

Приложение F

Уровень счастья и уверенность в будущем, самооценки возможности влиять на ход своей жизни, объема социальных связей представителей соответствующих кластеров (по средним значениям)

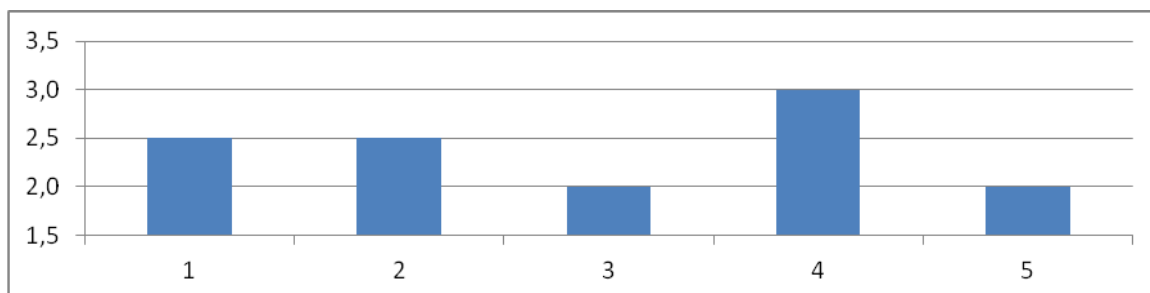

Рисунок 9 – Уровень счастья представителей выделенных кластеров (по средним значениям)

Таблица 19 – Уверенность в будущем представителей выделенных кластеров (по средним значениям)

Номер кластера	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Среднее	2,7	3,1	2,2	3,5	2,4

Таблица 20 – Самооценка возможности влиять на ход своей жизни представителей выделенных кластеров (по средним значениям)

Номер кластера	1 кластер	2 кластер	3 кластер	4 кластер	5 кластер
Среднее	7,7	6,9	8,3	6,1	7,7

Таблица 21 – Объем социальных связей представителей выделенных кластеров (по средним значениям)

Номер кластера	1 кластер	2 кластер	3 кластер	4 кластер	5 кластер
Среднее ответов на вопрос: «сколько людей вспомнят о вашем дне рождения?»	2,0	1,8	2,2	1,6	2,0
Среднее ответов на вопрос: «сколько ваших знакомых готовы оказать вам срочную помощь при необходимости?»	2,7	2,5	3,0	2,3	2,8

Приложение G

Источники внутренних сил

Таблица 22 – Источники внутренних сил представителей выделенных кластеров (по средним значениям)

	По региону	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5
Занятия творчеством	1,7	1,7	1,7	1,9	1,7	1,7
Занятия спортом	1,8	1,8	1,6	2,0	1,5	1,8
Увлечение искусством (эстетические переживания)	1,6	1,5	1,5	1,6	1,5	1,5
Религиозные, духовные переживания	1,4	1,5	1,5	1,4	1,5	1,4
Профессия	2,1	2,1	1,9	2,2	1,8	2,1
Семья	2,8	2,8	2,7	2,8	2,7	2,8
Психологические приемы, саморегуляция, медитативные практики	1,5	1,5	1,5	1,6	1,4	1,5
Конкуренция, чувство соперничества	1,6	1,5	1,4	1,7	1,4	1,6
Путешествия	2,0	2,0	1,7	2,2	1,8	2,0

Приложение R

Коммуникативные компетенции

Таблица 23 – Коммуникативные компетенции представителей выделенных кластеров (по средним значениям)

	1 кластер	2 кластер	3 кластер	4 кластер	5 кластер
Фактор 2 (обыденная коммуникация)	2,6	2,5	2,7	2,3	2,6
Фактор 3 (искусство коммуникации)	2,6	2,5	2,8	2,4	2,7
Фактор 1 (литературный)	2,1	2,1	2,4	2,0	2,2